
Ной
ՆՈՅ
9

НОЙ

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

МОСКВА
1994

ISBN 5-7270-0012-2

СПАСИБО ВАМ, ВЫ ОЧЕНЬ ПОМОГЛИ ВЕСТНИКУ “НОЙ”!

АБГАРЯН Сергей

АВАКЯН ЮРИЙ

АЛАВЕРДЯН Александр

ВЕЛЛЕР Михаил

ГИРШОВИЧ Владимир

ГОРОДЕЦКИЙ Вениамин

ДОМБРОВСКИЙ Даниил

ЕРМИЛОВ Игорь

КРЫЛОВА Галина

МАТВЕРЕ Рейн

НАКАМУРА Фумико

НОТКИН Евгений

ПЕТРОСЯН Степан

ПОПОВА *Лилия*

РУТЧЕНКО Владимир

ТОПКАРЯН Михаил

ФЕДОРОВ Николай

ЮДИН Бронислав

Кооператив "АНИТА"

Фотосалон "БИТЦА"

Акционерное общество "ЕВВА"

Частная образовательная фирма "НОВАЯ ШКОЛА"

МОЛИТВА ФРАНЦИСКА АСИЗСКОГО

О, Господи! Сделай меня орудием Твоего Мира:
чтобы там, где ненависть, я приносил Любовь,
там, где оскорбление, приносил Прощение,
там, где раздор, приносил Согласие,
там, где сомнение, приносил Веру,
там, где отчаяние, приносил Надежду,
там, где мрак, приносил Свет.

О, Учитель! Сделай, чтобы я стремился:
не столько быть утешенным, сколько утешать,
не столько быть понятым, сколько понимать,
не столько быть любимым, сколько любить.

Ибо:
давая, получаешь,
прощая, будешь прощен,
умирая, воскресаешь к Жизни Вечной.

Пер. с итальянского Ан. Фридмана

Ефрем БАУХ
(ИЗРАИЛЬ)
ВСТУПЛЕНИЕ В КНИГУ

Ефрем Баух родился в 1934 г. в г. Кишиневе. В СССР издал девять книг стихов и переводов молдавских писателей. В Израиле с 1977 г. Автор поэтического сборника"Руах", романов"Кин и Орман","Камень Мориа","Лестница Иакова","Оклик". Лауреат литературной премии Рафаэли (1982), премии Всемирного сионистского конгресса и Федерации писателей Израиля (1986). Возглавляет Союз русскоязычных писателей Израиля.

Знакомство с писателем - это знакомство с его произведениями. Стало быть, Ефрема Бауха я знал давно, задолго до того, как мы встретились и стали друзьями. Восторженные отзывы о его прозе я слышал, когда Баух был слушателем Высших литературных курсов в Москве. Александр Борщаговский назвал его"изощренно талантливым".

Самое главное и редкостное писательское"умение", по-моему, это способность создавать характеры людей, ибо только через человека можно понять, пережить и воссоздать Время. Манекены ничего не выражают, они мертвы. Книги Ефрема Бауха - большая философская литература. Создавая характеры людей, писатель воссоздает эпохи. Одна из них -"советская". Это она отнимала у нас радость встречи с произведениями Бауха, это она заставила писателя покинуть навсегда Молдавию.

Хотя Ефрем Баух отнюдь не сожалеет об этой разлуке: воссоединение с исторической родиной писатель считает, быть может, значительнейшим событием своей жизни.

Однажды Виктор Гюго заметил: "Меня нередко упрекают, что я о ком-то говорю"слишком хорошо"или, наоборот,"слишком плохо". Но о человеке и его деяниях надо говорить не"хорошо"и не"плохо", а как они того заслуживают". Так вот, все, что я сказал о Ефреме Баухе, - не похвала, а правда. Именно поэтому я надеюсь, что публикация"Вступления в книгу"- пролога, которым начинается роман"Оклик", - первая, но не последняя встреча читателей"Ноя"с прозой Ефрема Бауха.

Анатолий Алексин
18 октября 1993
Тель-Авив

1

Еще с детства, в редкие мгновения жизни, возникало ощущение, что кто-то меня окликнул. Чаще всего это случалось в людном месте, и я оглядывался, и я искал того, кто меня окликнул. Но все торопились по своим делам, отчужденные и замкнутые в себе.

В эти мгновения мир, как никогда, казался мне равнодушным до крайности и в то же время с жадным любопытством подглядывающим за мной. Обычно после оклика я некоторое время жил в ожидании его повторения, ощущая странную приподнятость над суетой. Я никому об этом не рассказывал, и вовсе не из боязни, что меня примут за сумасшедшего, а из тайного чувства, что вместе с окликом мне дали намек: ты должен хранить эту тайну, и уже одним этим ты выделен среди окружающих.

Иногда оклик приходил вздохом во сне всей памятью прошедшей жизни.

Часто это улавливалось даже не как оклик, а как бы некий толчок изнутри. Такой толчок, вероятно, испытывает земля в миг, когда из нее пробивается росток, до этого лежащий без признаков жизни и набиравший силы для этого толчка, толчка, дающего начало новому растению, существу, образу или мысли.

Вот уже седьмой год, приехав из Скифии, я живу на израильской земле, в девяти минутах ходьбы от Средиземного моря, в городе Бат-Ям, что в переводе может означать город Сирен, тех самых, которые громким и сладостным своим пением завлекали людей на гибель, и люди на корабле Одиссея спаслись лишь тем, что залепили уши воском. Но они были эллины, а я иудей, и, вероятно, слух мой и дух мой не влекутся водоворотом гибельно-сладостного пения, которое ниже их чувственного порога, но с не менее гибельно-сладостным замиранием сердца улавливают слабое дуновение, толчок, оклик...

Чего? Кого?

Растения? Ребенка? А н г е л а ?..

Неожидан этот оклик протягивающего мне ветви куста. Он притаился за железными прутьями невысокой бетонной ограды дома в тени одинокого кипариса, возносящегося надо мной в кривом переулке, по которому я иду к морю. И кипарис подобен мгновенно на глазах расширяющемуся снизу взрыву зелени, который на гребне своего расширения вдруг сужается, чтобы концентрированным клинообразным копьем проколоть небо - и это постоянное движение, как бы не прерываясь, живет в его форме, в его напряженной и полной восточной тайны неподвижности, и мгновенно в нем одном, как сжатая пружина, разворачиваются горбатые улочки Ялты со всеми кипарисами, запахами древесины, миндаля, моря, жарким и в то же время

дремлющим, как молодость моя в те мгновения, солнцем юга, и ялтинская аллея кипарисов, ни на миг не прерываясь, продолжается кипарисовой аллеей в городе Сирен, по которой я спускаюсь к морю, и зеленые копья, подобно клинописным знакам по глазированно-синему камню неба, через всю мою жизнь несут тяжесть прасемитской тайны.

И вот уже скрытая связь обнаруживается с каждым кустом, с каждым островком зелени среди мертвого бетона строений. Меня не интересует, более того, мне бы мешало знание имени растения, куста, дерева, мгновенно вводящее в каталогизированный мертвый мир названий. Мне куст становится близким и живым по форме, облику, воспоминанию, беспомощности и свежести, одиночеству и прикрепленности к земле. И даже имена вдруг обнаруживают свои пахнущие винным духом корни - и в имени"Крым"твердые звуки складываются в слово"крама", винохранилище. И холодом обдают подземелья, хранящие темный божественный напиток, цедимый с виноградника Бога, который, конечно же,"керем эль", Кармель, и протягивается через время моей жизни долгое сцепление корней, часть живой пуповины через тысячелетия, которая, оказывается, никогда не обрывалась и держит и меня на своей бесконечной привязи, как альпиниста держит веревка, храня его жизнь, позволяя ему висеть над безднами, подыматься на крутизну и самому удивляться собственной цепкости и небоязни. И катится этот неумирающий вал зелени, непонятно, в завтра ли, вспять ли, катится через тысячелетия этот вал трав, деревьев, кустов к тому о д и н о к о м у кусту, в котором запутался рогами овен, увиденный уже лишенным земного понимания вещей Авраамом в миг, когда он занес нож над сыном Ицхаком.

И этот куст вместе с овном являются неотъемлемой частью о к л и к а, которым Ангел дважды окликает Авраама.

2

Неверный свет уходящего времени, предзакатного солнца, игрушечно посверкивающий автобус, два дерева на повороте дороги, недвижно замершая в каком-то странном порыве к дороге девушка, - да ведь это все уже было: в ином месте, в ином времени?

Такой феномен памяти, считает Анри Бергсон, случается у человека в моменты понижения энергии жизни. Но какой в душе ощущается прилив печали и желания поднять из забвения целые материки собственной жизни, окольцованные этим повторившимся воспоминанием, воспользоваться им как инструментом археолога, чтобы поднять пласты ушедших в прошлое лет.

И отчетливо встает в памяти полдень: я еду в кабине грузовика в сторону прячущегося среди плавных холмов западной Молдовы городка Ниспорены, и мимо меня, медленно, как бы проворачиваясь

на оси, движется огромное, плоское, как стол, зеленое поле, и редкие на нем купы мощных деревьев, словно бы таящих в своих ветвях некую тайну моего существа, тянут ко мне пригоршни листьев, приближаются, а я миную их, удаляюсь, и они, протягивающие мне в дар собственную мою тайну, остаются ни с чем, но неизвестно, кто больше потерял.

Такое чувство охватывает меня на крымских высотах, в час заката, когда очертание Эклизи-Буруна, вершины горы Чатыр-Даг, пронизывает меня, как часть моего существа, и я пугаюсь этого, уползаю в палатку, замираю, закрыв глаза.

Нередко я ощущаю всю свою жизнь, как цепь таких потерь и забвений.

Но, быть может, это те клочки моего существония, те глубинные знаки, что подобны зарубкам на деревьях сквозь время, по которым я сегодня могу вернуться к истокам собственной жизни?

Неверный свет ушедшего времени, печальный и дорогой свет - остается в старых домах, развалинах, деревьях детства, кажущихся уменьшившимися, усохшими, как и люди к старости - мои мать, бабка, дед, вызывающие желание защитить их, чувство сердечной боли и милосердия, которые, по сути, жалость к самому себе, такому беспомощному перед водопадным напором времени. Но время это и само беспомощно перед светом памяти, пусть светом слабым, пробивающим сквозь свинцовые спирали тумана, но такой прочной нитью выводящим через половину столетия к сегодняшним дням.

Таких затхло-долгих, слежало свинцовых туманов нет на этой земле, прожигающей солнцем до костей, несущей тебя в потоках света и тысячелетней памяти, включающей почти вечный контекст невероятной сжатости, как вглубь, так и вширь. Как давление и тысячелетия превращают осевшие в море пески в мрамор, так спрессованность человеческой памяти на этой узкой полосе земли целиком превратила эту память в миф, и ты, желая того или не желая, живешь в этом мифе, как мотылек в прозрачном тысячелетнем янтаре.

Вероятно, в знак протеста, ощущая свою"вечность"как увечность, ты стараешься жить суетой, которой всегда было с избытком"во человецех", и особенно на этой земле, где родились вечные слова: "Все суета сует и томление духа". На этой земле родилась словно бы навеянная и подслушанная Свыше идея, дуновение, прозрение: этот мир написан до того, как сотворен, и создавался по огненному тексту Торы - черным пламенем букв по белому пламени листа. Такой чистейшей квинтэссенции печали, родившейся на этой земле, которой насыщены псалмы Давида, нет в мире. Человеку, воспринимающему эти скрытые, невероятной мощи, волны веры, сомнения, печали и восторга, трудно скрывать себя среди обычного люда. Его поведение кажется чудачеством, если не безумием. Изме-

няется образ его жизни, ее ценности, ее наполненность, порядок предпочтений.

И тут, как ядро, гибельный снаряд, дурная бесконечность, безудержная свобода, равная добровольному над собой насилию, врывается в жизнь твою прошибающее страхом и той запредельностью, которую ощущаешь лишь после того, что все пронеслось над тобой, и удивляешься тому, как остался жив, - мгновение, когда Авраам занес нож над сыном своим Ицхаком.

3

Я не оговорился вначале: возникает именно ощущение оклика. Словно бы кто-то следит за тобой долго, пристально и печально. И ты вздрагиваешь, ощутив это прикосновение ниоткуда.

Пение небесных сфер слышится изошедшей жаждой душе Лермонтова в несуществующий миг между тем, как пуля пробила сердце, и тем, как стеклянеющий взгляд ловит небо, ястребом падающее с высоты...

По небу полуночи Ангел летел
и тихую песню он пел...

Эти слова словно бы ненароком проливаются в замызганном послевоенном классе, вплотную обнаженном сосущими душу снегами сорок восьмого года. А весна обостряет голод, и тянет меня, неясно почему, к плывущим по реке льдинам, к сваям летящего через Днестр моста, и кружится голова от чистоты вечереющего неба и блоковских строк, идущих горлом...

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету,
И Ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну...

У каждого ли времени, у каждой ли души есть Ангел?.. Ангел полуночи? Ангел полудня?

Мой ли Ангел зеленой звезды? Он отмечает меня среди людских толп, суетящихся у приводных ремней Времени. И следит за мной долго, пристально и печально. Быть может, потому я с особой, изматывающей душу остротой ощущаю, как эта масса людей вокруг изображает о т с у т с т в и е действия, с удовольствием и уверенностью получая за это оплату. Их подавляющее большинство, и далеко не молчаливое.

Но кто же облечен истинным действием в узкой горловине моей жизни, пробивающейся сквозь время?

И я оглядываюсь назад, на вереницу дней, смыкающихся за моей спиной, как заверчивающиеся воды за кормой корабля, и я вижу существа и предметы, рвущиеся в свет этой узкой горловины моей жизни, которую я пробиваю сквозь более чем пять десятилетий, - лица, лица, знакомые, полузабытые, - их множество, их больше, чем нужно, и все они хотят попасть на сцену, пусть хотя бы в качестве статистов или даже антуража, если нет возможности сыграть роль, - вот через все годы несет, как легкую щепку, столик, на нем раскрытый пожелтевший фолиант Торы, и я, младенец, сижу на этих страницах, придерживаемой рукой деда, быть может, уверенного, что этот сооруженный им необычный ковчег спасет внуку жизнь; вот плывет буфет, изъеденный древоточцами, украшенный резными львами и виноградными лозами, скрепивший своей неподвижностью рождение и смерть многих поколений моей семьи; вот - замок Эльсинор, нарисованный ученической рукой на куске картона, несущем в себе всю историю постановки школьного"Гамлета"; вот - багровое от напряжения лицо одноклассника Феликса Дворникова, свистящего и дующего изо всех сил под одобрение девиц за сценой, прыскающих в ладони: изображает сибирскую вьюгу, погребающую декабристов в спектакле по Некрасову...

Но - главное?.. Что оно, - главное?

Там, где - боль, разрыв, кризис, безнадежность?

И я силюсь, как роженица, силюсь вспомнить, и оно нарождается болью памяти - то, что было самотекущей, сбивающей с ног реальностью, горьким семенем, оплодотворяющим память горечью...

Но как болезненные роды приводят на свет существо, которое становится неотъемлемой частью жизни, так и этот горький опыт, рассечение живого нерва - дает истинный опыт существования. Нелюбимые дети становятся главными свидетелями реальности судьбы.

4

Два зыбких, призрачных феномена проступают сквозь годы странным постоянством и залогом души, замерзшей в Шеллинговом абсолютно положительном созерцании Вечности, и Шеллингова философия искусства вдруг открывается мне частным случаем, обсуждаемым на каббалистических собраниях"идрах"- мудрецов в книге"Зоар"-"Сияние".

Два зыбких, призрачных...

Фонтан и колокольный звон.

Перезвон колоколов я, вероятно, слышал, и не раз, до этого. Но тот единственный колокольный звон, развернувшийся в считанные минуты детства, словно бы приоткрыл мне край приберегаемых для меня пространств огромного потаенного мира, в котором обитали

Ангелы, чье тихое, вызывающее слезы пение можно было услышать лишь несколько мгновений после последнего тяжелого удара меди.

Я сидел на берегу в половодье, следя, как набухшие, выгнувшиеся в обрывистых берегах воды темнеют вместе с вечерним небом. И вдруг тем случайным совпадением, которое на всю жизнь западает в душу, вместе с тяжелым растекающимся ударом меди оторвалась от берега огромная оплывина суглинка и беззвучно погрузилась в пучину. А мир звуков только начинал разворачиваться голосами, подголосками, канителью, строя в пространстве невидимые, но прочные опоры, те литургические высоты, которые способны пронести и сохранить душу через все падения и беды.

Я еще не понимал, в чем дело, но слезы сами по себе текли щедрым залогом за будущую боль и страдания.

Лет через пять после войны, когда мир этот вырвали с корнем, я увидел колокола среди сорняков и строительного хлама на заброшенной площадке около стадиона. Залепленные глиной и сгустками цемента, они хранили великолепно-тяжелую текучесть литых своих форм, и сквозь безобразные горы мусора взгляд открывал плавкую плавность отзвучавшей меди, наслаждаясь абсолютно положительным созерцанием Вечности. А рядом, в счастливом беспамятстве, оглашенно орали на трибунах полчища любителей футбола.

С тех пор я присовокупил эти колокола к тем редким, но главным вещам в моей жизни, которые я знал наизусть и которые принадлежали миру, неизменно наполненному ровным, глубоким и чистым светом, миру, не сливающемуся с одуряющей угарной суетой каждодневного существования, миру, который отбрасывал световой ореол в лучшие мгновения жизни, миру, который служил залогом и защитой от беспрерывного страха и угроз в обыкновенном течении дней. Он ощущался, этот мир, широким поверх всего течением, которое держало меня только силой светового потока, как фонтан держит на вершине струи попавшую туда горошину.

Но все это могло рухнуть в любой момент, и донос, вызов в органы сыска и фиска, угроза высылки или ареста подстерегали этот мир, подобно грязному, вечно пьяному сантехнику, перекрывающему фонтан расхлябанным гаечным ключом.

Небесные высоты исходят пением. Короткий, как хлыст, выстрел - и обрывается, вмиг сворачивается невидимая и, казалось, необъятная певческая ткань. Малый комок падает на землю, тело птицы...

Но кто он, кто мой праотец Авраам в то мгновение, когда заносит нож над сыном своим Ицхаком?

5

Празднично светило солнце конца июня, небеса были безмятежно сини, тишина, как в глубоком сне, и шелковистая доверчивость

травы под ладонью тяжелили веки сладким покоем, - я, семилетний мальчик, сидел на траве, рядом с тюками и пакетами, которые сторожили мама и бабка, в станционном тупике с ржаво поскрипывающими вагонными платформами, на которые нас должны были погрузить. Окружающая безмятежность дышала угрозой, гибелью, тишина и небо могли вмиг обернуться спиралевидным воем пикирующего вслед за сброшенной им бомбой самолета.

Гибельная праздничность летнего солнца на всю жизнь западала в душу, не впрок заучивалась наизусть.

Из-за вагона появлялся отец с почерневшим лицом и весело сверкающими глазами. "Хорошие новости, - говорил отец, напропалую веря в то, что услышал на перроне, ибо иного разум еще не воспринимал, - кто-то сам слыхал по радио, что через сутки, ну, быть может, дня два, война закончится"...

Это было в городе Тирасполе, в июне сорок первого.

Спустя одиннадцать лет, в пятьдесят втором, на окраине того же города, по дороге на Одессу, мы с мамой стоим под безмятежно синим небом, в тишине и пыли, подымаемой колесами проносящихся машин и стоящей комом в горле. Месяц назад, после окончания средней школы и получения медали, я подал документы в Одесский политехнический, и вот, сегодня утром получил письмо об отчислении по не вполне ясным причинам, а до занятий осталось два дня, пыльная листва деревьев на обочине нависает над нами, сдавливает грудь ядовитой зеленью. Мы пытаемся остановить попутную до Одессы. Наконец, отъезжаем на грузовике, поверх подсолнухов и кукурузы, испуганные и притихшие в заливающей с избытком пространство, гибельной, такой знакомой праздничности летнего солнца. А тот, который всегда так старался принести хорошие новости, уже девять лет лежит в земле.

Спустя еще тридцать лет, в таком же солнечном июне с безмятежно синими небесами, апельсиновыми деревьями, словно бы сошедшими с иллюстраций детских сказок, райски благоухающими листвой и круглящимися оранжевым золотом плодов среди казенных зданий израильского радиовещания в Тель-Авиве, я стою у открытого окна одного из этих зданий, оцепенело уставившись в табличку на стене, ощущая, насколько не к месту и не ко времени эта надпись - "улица Леонардо да Винчи", хотя и связанная сладостными, как золотые сны человечества, узами с синим покоем и оранжевой апельсиново-пряной дремотой средиземных пространств. Невидимые, но гулом сотрясающие эти пространства, на север летят самолеты. Уже третий день там, на севере, идет Ливанская война, и там, в самом пекле, мой сын, и ощущение безмятежного июня, в каждый миг оборачивающегося угрозой, свистом снаряда, взрывом бомбы, такое новое в молодой его жизни, приходит ко мне через сорок лет стран-

ствий по жизненным лабиринтам повторным опытом семилетнего ребенка.

Гибельная праздничность летнего солнца западает в душу сына на всю его разворачивающуюся только жизнь, не впрок заучиваясь наизусть главнейшим экзаменом на аттестат зрелости.

Из-за дверей радиостудии появляется мой товарищ, радиокорреспондент, с почерневшим лицом и веселыми глазами, бодро проборматывая: "Ноу ньюс - гуд ньюс", что в изучаемой мною вот уже скоро полстолетия науке о хороших новостях означает нечто новое: "Лучшие новости, когда нет новостей". На радиостудию прямо с переднего края передают приветы отцам, матерям, женам и детям, которые здесь, в тылу, только и дышат через кислородные трубки радио- и телесообщений.

Спустя еще три года я пишу эти строки, и память, казалось бы, забытая на самом младенческом дне моей жизни, залитая невероятными толщами вод забвения, вдруг подымается, как это происходит с движением земной коры, выступает клочками из вод, высыхает и заселяется вновь. И шелковистую доверчивость травы у ржавых вагонов сорок первого вновь ощущают мои ладони под сенью апельсиновых деревьев восемьдесят второго, и солнце, просачиваясь неотменимой праздничностью сквозь путаницу жизненных лабиринтов, освещает то тут, то там - лицо, предмет, сцену, мысль, - и я внезапно обнаруживаю, что это вовсе не солнце, а отсвет моей души, это ее способность вводить боль невыносимых мгновений в общий контекст м и ф а, называемого прошедшей жизнью, облегчая ее, эту боль, уже в сами те мгновения и закладывая их в память трагическим оборотом, способным в единый миг вернуть все это прошлое.

Мы говорим друг другу последние слова прощания, и вот она уходит за угол, и еще долго слышен замирающий через жизнь стук ее каблучков, - вот он, образ разрыва, ставший вместе с солнцем, запахом сирени (была весна) и молодостью частью личного моего мифа.

Миф - всегда хорошая новость.

В самой материи мифа заложено чувство печали и зависти к прошедшему, более юному, связанному с детскими золотыми снами человечества, чувство, освещающее даже самое жестокое отсветами рая и окликами Ангелов. Свет мифа всегда солнечен, освещает ли он захламленную развалину, в которой мы, мальчишки, играем после войны, или рынок, по которому мы бродим голодные, вдыхая запах сыров и колбас.

И выходит, что трава на станционных тупиках войны, деревья на зеленом поле у Ниспорен и в тель-авивском дворе, протягивая мне

ветви, и вправду хотят уберечь хотя бы часть истинной моей сущности, беря на себя, пусть малую, толику тревоги и боли, делающей в глазах моих свет солнца гибельным, тот свет, который, по сути, подобен редкому, как крупицы, золотому осадку моей жизни, тому абсолютно положительному созерцанию Вечности, проступающему сквозь всю жестокость ее и боль.

Этот солнечный жар достигает накала, как в пекле, уже в десятом часу утра над Мертвым морем, у Эйн-Фешхи, где мы бродим по развалинам Хирбет-Кумрана июльским днем восемьдесят третьего, вглядываемся в пещеры на крутых склонах долины - вади Кумрана: в них более двух тысяч лет часть европейской истории, свернутая рукописями и упрятанная в глиняные сосуды, пролежала нетронутой под покровом времени.

Не подобно ли прошлое каждого человека дымному праху, упрятанному в сосуд отошедших лет?

И, откупоренное ударом Авраамова ножа, выходит как джин из кувшина?

Но подчинится ли этот джин тебе? Или властвует над тобой?

"На третий день Авраам возвел очи свои и увидел то место издалека..."

Был ли тот день, когда он начал подниматься на гору Мория, с о л н е ч н ы м?

6

Огонь бежит, перебрасываясь со строки на строку, как по запальному шнуру. Бежишь за ним с одним желанием - пресечь огонь, прервать повествование, предотвратить взрыв. Скачешь вниз по ступеням строк до края страницы, как до пропасти, прыгаешь вверх, чтобы снова скакать вниз по строкам, и снова, и снова...

В какой-то миг начинаешь сомневаться: хочешь ли ты вообще догнать и пресечь огонь?

Что случится в конце - взрыв или освобождение?

Данте бежит за быстро идущим Вергилием, боясь потерять его из виду. А вокруг восстает прошлое, умоляюще простирая к Данте, к тебе, живому, руки из адских болот и райских эмпирей, требуя к себе хотя бы каплю внимания. И душа живая разрывается между прошлым, в котором она целиком, и будущим, уже теряющимся вдали в вечной тоге Вергилия...

Прошлое из всех сил ищет возможности одолеть забвение, не исчезнуть в скорости и уплотненности событий, отбрасываемых строками Торы, вот уже поглотившими более, чем пять с половиной тысяч лет, прошлое старается уместиться в сжатом пространстве - тя-

жестью столетий в нескольких строках, - выбирая слова, емкость которых подобна тем глиняным сосудам, хранившим свитки времен.

Жертвоприношение Авраамом сына Ицхака - всего несколькими строками проносится мимо, как самое главное в жизни, проскальзывающее между пальцев.

Но настанет час - и собственной судьбой искушаешь скрытую в этих строках истину.

Несколько слов поглощают всю целиком твою жизнь.

Авраам с Ицхаком поднимаются на гору Мория...

Которое тысячелетье с ужасом следят за этим восхождением в верхних и нижних мирах - Ангелы и праведники, насыщенные мудростью святых книг. И те, и другие подобны ребенку, который знает, что Ицхак останется жив; они дрожат от страха, когда заносится нож. Страх сдавливает горло: праведники немеют, не в силах открыть рта, и тогда наступает такая звенящая тишина, что слышны лишь стенания Ангелов, которым Свыше завещано ввести в мир Иакова, сына Ицхака.

И разве поможет наивное желание ребенка, знающего развязку, предостеречь окликом Ицхака?

Ведь вся-то суть в том, что он и сам знает. Он мог бы свободно отказаться быть залогом отцовых счетов с Всевышним, ведь Ицхаку уже было тридцать семь лет, - размышляют мудрецы в каббалистической книге"Зоар", ощущающей Мироздание, как динамическое равновесие, верхних и нижних миров, равновесие, поддерживаемое взаимовлиянием, взаимослиянием, взаимоотталкиванием пронизывающих это Мироздание сверху донизу духовных течений мудрости и понимания, мужества и милосердия, правосудия и праведности. Малейшее нарушение, подобно волне, проходит снизу вверх, сотрясая все миры, а нарушения как разрушительные импульсы идут из нашего самого нижнего, в большей степени животного, чем духовного, мира.

И чтобы вырваться из эгоистично сковывающих уз этого нижнего мира, чтобы дух твой стал мерой свободного взаимопроявления мудрости и понимания, мужества и милосердия, правосудия и праведности, ты должен пройти испытание. Испытания бывают разные.

Самое страшное: испытание ж и з н ь ю с ы н а.

Этим испытанием в единый миг обоим, отцу и сыну, открывается, сотрясая их души до самых корней, вся виртуальная мощь Мироздания, которое, оказывается, с этого мгновения они несут на своих плечах.

Высочайший страх мгновенно переходит в высочайшее ощущение свободы.

И стрелкой весов оказывается о к л и к Ангела.

А я пропадаю в глухой и теплой июньской ночи восемьдесят второго.

Никакого о к л и к а.

Я сбежал из дома, от настигающего в любом углу голоса диктора из радиоприемника, но он сдавленно преследует меня в ночи, перебрасываясь из окна в окно, из дома в дом тем огнём, бегущим по запальному шнуру, который нельзя пересечь: в районе Бейрута опять ожесточенные бои.

И звезды, увеличиваясь в моих глазах, жгут и испепеляют огненными спиралями, словно бы сошедшими с безумного полотна ванговской ночи. И сверлят мое существо воронкообразно вращающимися пылающими водоворотами тех мощных духовных течений - мудрости и понимания, мужества и милосердия, правосудия и праведности, - но что мне до н и х в э т и м г н о в е н и я.

Мне хочется тоже свернуться, стать чем-то спиралевидным, улиткообразным, как зародыш во чреве матери, ничего не слышать, не видеть, не знать, и губы беззвучно, сами собой, повторяют молитву, которую Некто шептал в такой же ночи, всего в семидесяти километрах от переулков, в которых я шатаюсь в эти мгновения, на Масличной горе -"Пронеси меня чаша сия", - и я знаю, знаю, это вовсе не чаша с горьким напитком страдания, это ч а ш а В е с о в - мера всей моей жизни, и не может она миновать меня, ибо судьба взвешивается ежесекундно - и это особенно, до безумия, ощутимо в эти мгновения.

Слабый, но отчетливый голос диктора настигает меня через далеко протягивающийся в ночное пространство парк, замерзший и опустелый.

Идут вместе, Авраам с огнем и ножом, Ицхак - с вязанкой дров на плечах."Отец, отец!"- дважды окликает Ицхак Авраама. На первый оклик Авраам не отвечает, боится открыть рот, чтоб не вырвался крик, взывающий к милосердию. На второй - отзывается с неожиданной силой и болью: "Вот я, сын мой!"Нет, не говорится: "сказал отец", а говорится: "сказал Авраам", ибо не было в нем в этот миг ничего отцовского, он был весь во власти своей борьбы с окружающим миром, своего надрыва, гибельно, эгоистично сосредоточен на своих связях с Всевышним.

Разве не был и я гибельно, эгоистично сосредоточен в долгих бессонных ночах там, в северной стране, где прошли от рождения сорок лет моей жизни, принимая решение идти, ехать, лететь в землю обетованную, зная, что там предстоит сыну, который спал в соседней комнате и свет отрочества колыхался над его еще помладенчески гладким лбом?

Разве Авраам не волен распоряжаться лишь своей жизнью?

Или пожертвовать собой - это еще не наивысшее испытание? Наивысшее, более страшное, пропастное - пожертвовать самым дорогим, тем, что держит тебя в этом мире, пуповиной жизни - сыном.

Все поставлено на чашу весов.

На твои плечи, и только на твои, ложится тяжесть и невыносимость решения: держать ли на плечах существование сокровенного тебе по духу мира человеческого ценой сыновней жизни, или вместе с ним, не дай Бог (не дал, а подослал овна), уйти в небытие, ибо вместе с уходом сына уходит отец, даже если он продолжает жить, дышать, есть и двигаться.

"Но Ангел Господень возвал к нему с неба и сказал: Авраам, Авраам..."

Дважды окликнул, говорит рабби Хия, чтобы разбудить Авраама в новом его образе, после испытания иного духом и сердцем.

Между этими двумя окликами - вся жизнь Авраама, от первого до последнего, и первый еще погружен в суету нижнего мира, и последний - тот, кто обрел цельность страшной ценой и теперь знает истинную цену мира и собственной жизни.

И все же, все же, все же...

7

Каждый вечер в том невыносимо долго длящемся июне я пытаюсь переулками к морю спастись от голоса радио. И в надвигающихся сумерках бледно-сиреневым ацетиленом горят фонари на фоне свинцово-серого моря.

Свинцовый свет огромного распахнутого пространства опрокидывается на берег, сталкиваясь с уже прячущейся в углах стен, под аркадами гостиниц, кафе и ресторанов, темнотой, особенно ощутимой у ярко-фосфоресцирующих разноцветных реклам и вывесок. В эти тревожные вечерние часы, когда всего в каких-то двухстах пятидесяти километрах севернее по берегу, в полном разгаре - война, набережная забита гуляющей публикой, в ресторанах и кафе полно народа, и толпы гуляющих прохватывают сквозняком токи пряной экзотики и уюта, выносящиеся в пространство из ресторанов и кафе вместе с приглушенно-манящим светом красных и голубых лампочек, отсвечивающим рядами бутылок с яркими этикетками, никелем кофейных аппаратов, стеклом буфетных витрин, вместе с острыми запахами молотого турецкого кофе, рома, ананасов и мороженого.

Имена кафе и ресторанов обстреливают меня горстками-залпами букв, манят, окликают, выплескивая на полуторакилометровую набережную города Сирен, протянувшуюся вдоль Средиземного моря, все мыслимые клише, соединяющие в себе корыстную попытку создать некую приманку из моря, ночи, юга, звезд, устойчивые гнезда роман-

тики и уюта, задеть чувствительные струны сердца, предложить каждому клиенту коктейль, в котором в предельных дозах смешаны тяга к тревожно-романтической неопределенности и жажда забвения. В эти беспокойные дни, когда тревога особенно обостряется, сюда бегут искать забвение, бегут, как в дальние страны, иные пояса жизни, сказки детства - в"Корсо", чье название как бы кольцом охватывает все тайны ночной жизни Рима, в отсвечивающие затаенными чудесами погибшей Финикии название"Виа Марис", в охватывающее мистическим веянием с видением колесницы пророка Иезекииля имя -"Меркава", а там уже зовет аравийскими пустынями"Кобра", тысячью и одной ночью -"Алладин", забытой одесской юностью - "Босфорус"и"Гамбринус", детскими аквариумами -"Морской дворец"и"Посейдон", а еще дальше - испанский"Кальдерон", французский"Сан-Рено", мексиканское"Акапулько", турецкие"Измир"и"Золотой берег", где посверкивают перламутром мандолин и бриллиантом причесок черноусые музыканты. Люди забиваются в уже совсем незаметные, по-домашнему зовущие кафе -"У Фани","Фитиль"с керосиновыми лампами, в"Древности", в"Немного поиному".

На телевизионных экранах кафе и ресторанов - только видеофильмы: любовные приключения, бокс и каратэ.

Этакое сверхспасительное равнодушие томительной испариной разлито поверх шаркающей подошвами и шуршащей шинами проносящихся автомобилей набережной.

В старом спортивном костюме и видавших виды кедах я не привлекаю внимания в толпе, пестро и нарядно одетой, где свои флюиды, водовороты, тайные желания, столкновения и отталкивания, любопытство, скрываемое за равнодушием, притворство, выдаваемое за естественность, - все то, что всегда возникает в большом скоплении людей, праздно шатающихся, празднично разодетых, ищущих развлечений. Ощущение потерянности в толпе странно расслабляет и успокаивает, но все мое существо неосознанно тянется за ватагой подростков, мальчиков и девочек, до странности аккуратно и модно одетых, - таким три года назад выглядел мой сын - ватагой, которая, гибко изгибаясь, с кошачьей дикостью в глазах, рассекает толпу, вглядываясь пристально вглубь кафе и ресторанов, ватагой, которая полна непритворным презрением к толпе, ко всему роду человеческому, идет как бы вместе, слитно, прорезая слабо сопротивляющийся людской поток излучающим силу течением молодой жизни. И течение это кровно, темно и глубоко связывает их с теми, кто ушел далеко на север, в гибельные лабиринты войны. Они прорезают толпу, как существа иного мира, иной породы, и это ощущают все вокруг. Они не то чтобы идут, они словно бы скользят, почти не перебирая ногами, словно бы неподвижны, и несет их сквозь время к самому ги-

бельному для них возрасту единожды раскрываемая мимолетная и дикая сила внутренней легкости, раскованности и красоты, которая внезапно открывается в невероятных событиях, картинах, скульптурах, и, кажется, не толпа зрителей обтекает их, а они сами независимо и навечно рассекают толпу.

В эти тяжкие часы душевного напряжения, когда стараешься затеряться в шуме толпы, как сбежать от собственной судьбы, одна надежда на эту кошачью гибкость молодости, еще таящуюся в душе, выносящую из мусора прошлого лучшие мгновения, пронизанные гибкостью духа, интенсивностью внутренней жизни, переизбытком ее открывшихся связей с окружающей духовностью, тем родом мощного душевного любопытства, заставляющего углубляться и вглядываться в колодцы собственного прошлого, как в окна кафе и ресторанов, за которыми сидят чужие люди, но если пристально вглядеться, то оказывается, что это в с е т е, кто прошел через твою жизнь, и ты среди них, видишь себя в окно, сам себя не узнаешь, но именно это отдельное от тебя твое прошлое"я"в эти напряженные часы испытания как никогда остро, забвенно и печально дает возможность в полной мере увидеть те мгновения, несшие сквозь годы захлебывающуюся от полноты молодость жизни.

Во всех окнах многоэтажной гостиницы"Марина", замыкающей набережную с юга, горит свет: туристический сезон в разгаре. В гостиничном зале гремит музыка, танцуют: кому-то справляют бар-мицву* ...

Спускаюсь к самой кромке моря, чтобы идти в обратном направлении, на север, и мгновенно срезанный, как лезвием, береговым обрывом, исчезает, как будто его и не было, весь пестрый и призрачный мир набережной с огнями, шумами, голосами, шарканьем, и я остаюсь один на один с морем, песком, с ровным, как шум примуса, накатом волн, и некуда сбежать от этого пустого и обнаженного пространства, и суровая правда этих минут наваливается всей тяжестью и отчетливостью - всего в двухстах пятидесяти километрах севернее на этой же кромке идет высадка десанта, прорывы и засады, перестрелка, и перед глазами встают описанные сыном в последнюю побывку сцены учебной высадки с моря, когда они швыряли с кораблей резиновые надувные лодки, затем прыгали в них, и как поразил их тридцатилетний комбат Марковский, тут же, в лодке, улегшийся подремать, пока она дойдет до берега.

С трудом одолевая песок, иду вдоль кромки на север, как будто подымаюсь все время в гору, ощущая тяжкий изгиб земного шара к северу, иду ли к сыну, иду ли с сыном, и за спиной всплескивают в ладони, как бывает от горестных мыслей, волны, а море неожиданно

---

* Бар-мицва (*иврит*) - совершеннолетие.

и целиком открывается мне враждебным рокотом рукоплесканий, но я не хочу этим образом рукоплещущих в едином порыве рабских толп, столь знакомых мне по прежней жизни, позорить свободную стихию, присаживаюсь на корточки, окунаю ладони в набежавшую волну, идя с морем на мировую.

Самолетик береговой охраны, потрескивающий пропеллером, мигающий огнями, этакая уютно-трескучая летучая лампа, летит вдоль берега на север.

Два параллельно протянувшихся вдоль великих вод мира - призрачно клубящаяся огнями, шумами, толпами набережная и молчаливо и вечно сливающийся с прибоем берег - две чаши весов: на них взвешивается мое существование в этом изматывающем душу июне восемьдесят второго.

И опять переулки возвращают мне, словно эхо, голос диктора...

Засыпаю с выключенным транзистором, прижатым к уху.

Ах, эти отвлечения, отвлечения...

Сны наплывают волнами, взахлеб, накрывая с головой, я пытаюсь выпрыгнуть, и поверхность вод рассекает меня надвое, я существую одновременно в двух стихиях, подобно кентавру, нижняя часть которого, животная, это - трезвость, именуемая самосохранением. а верхняя часть, человеческая, - безумием, и наплывает обвалом духоты и бессилия область печали, темная страна загнанных страхов, на всю жизнь связанная с ночными грузовиками, сдавленным плачем, пухом, летающим при луне, и все это повязано крест-накрест, накрепко, до крови врезающимися в тело словами - "геноцид, депортация, высылка": везут в сороковом, в сорок девятом - в задраенных наглухо вагонах, предназначенных для перевозки скота, насмерть перепуганных мужчин, стариков и старух, мужей, отделенных от жен с детьми, и катятся сквозь гремящий железными суставами мост, через Днестр, составы - в Аид, на восток, в область гибели и печали, канут в Лету, и весь этот мир железного скрежета и страхов выступает во сне какой-то колючей, запутанной и разворошенной полосой растений на болотистой, засасывающей почве, где-то посреди тех твердых земель моей жизни с недолго цветущей сиренью, с цветами, которые, подобно завороженным бабочкам, разбросанно застыли в обвалах летней зелени. После ливня, всколыхнувшего в детской душе страх и восторг, я, почти не мигая, подсматриваю в щель забора за яблоневыми и грушевыми деревьями, за кустами черешен и вишен, и все сверкает и переливается каплями на фоне дальней арки моста и еще более дальней арки радуги - и в этой неисчезающей свежести я набираюсь сил и спокойствия перед лицом вечности и будущих бед. Весь этот мир, у Днестра, с зеленью, подминающей дряхлые заборы, с запахами сумерек и речной прохлады, с мечтательным молчанием и редкими голосами проходящих в ночи парочек, в семидесятые годы

срезанный грейдерами под корень и превращенный в гладкую, как биллиардный стол, залитую асфальтом набережную, весь этот мир живет во мне прекрасным плавучим островком, грудой деревьев, вырванных с корнем, охапкой зелени, тайны и неистребимости жизни, сорванной потоком времени и плывущей через память, как, бывало, плыли по Днестру сорванные наводнением где-то в верховьях и несомые в открытое море огромные охапки зелени, деревьев, обломки домов, стропила крыш, и нет ничего прочнее и неотвратимей, чем эти островки, легко плывущие через жизнь, несомые разливами бедствия. Вода затапливает низкий левый берег, и вместе с деревьями по колено в воде стоят отец мой, мать, дед и бабка, машут мне, а я уплываю на одном из этих островков, я еще в движении, они удаляются, уменьшаются, окликают, голоса их уменьшаются, становятся прозрачными, отчетливыми: "Ефраим, Ефраим", - и между этими двумя окликами - вся моя жизнь, и в первом - я еще весь погружен в суету нижнего мира...

И я просыпаюсь в холодном поту от этого оклика дважды. Опять бубнит диктор в эти ранние часы кануна субботы.

Утренние часы глухо сглатываются сонно-сосредоточенно бездельем, перекладыванием бумаг, желанием ни о чем не думать, стуком посуды на кухне, где жена готовит обед, стараясь работой заглушить съедающую сердце тревогу, гудением пылесоса и плачем ребенка в соседних квартирах. На верхних этажах слышны голоса, кто-то кого-то окликает, и я вздрагиваю, и мне опять чудится, что слышу свое имя: "Ефраим, Ефраим". И еще раз. На верхних этажах несомненно какое-то движение, какой-то шум, беспокойство, какая-то тревога. Заброшенный в комнатах, я дремлю, я прислушиваюсь...

Тихий стук. Жена открывает дверь. В проеме стоит сын: с почерневшим лицом и весело сверкающими глазами, заросший, с выгоревшими добела волосами, в обмундировании, пропитанном пылью и грязью ливанских земель, с автоматом и каской за плечом. Таким внезапно видим мы его через месяц после начала войны и полного отсутствия связи, в первый приход. А на этажах шум. Мы стоим, онемев, а ошалевшие соседи бросаются на сына, волокут, как в тихой истерии, бутыли с компотом и торты. Это старухи на верхних этажах первые увидели его идущим от автобуса, издалека, это они выкрикивали мое имя...

Авраам и Ицхак тысячелетиями идут в гору. Поколения приходят и поколения уходят, и каждый раз опять видят этих двоих, идущих в гору, замерев, в тревоге, но как бы сквозь призрачную пелену.

Но вот испепеляющее солнце испытания, назначенного судьбой тебе, только тебе, одному тебе, вдруг сжигает эту пелену, вжигает в твою жизнь пуповину, к которой ты шел всей прошедшей жизнью и отныне прикреплен всей оставшейся...

Неразрешимость окутывает ирреальным светом двух, подымающихся в гору, выделяя их как самую сущность жизни, ее непреодолимую загадку...

Боль вечна.

Ефрем Баух. Оклик. Роман.
Изд-во "Мориа". Бат-Ям, Израиль. 1992.

Самуил АЛЁШИН
(МОСКВА)

ДЕЛО ВРАЧЕЙ

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица

СТАЛИН
БЕРИЯ
ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ, врач
РУВИМ МОИСЕЕВИЧ РАСКИН, врач
ВЕРА ФЕДОРОВНА РАСКИНА, его жена
НИНА ИВАНОВНА, следователь
ИРА, ее дочь
ОЛЬГА, ее сестра, журналист
КСЮША, домработница Раскиных
ПЕРВЫЙ
ВТОРОЙ
ВОВСИ, врач
ИВ ФАРЖ, французский деятель
КОНВОИР

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина первая - у Сталина. (1952 год).

Сталин один у себя в кабинете. Стоит у окна и задумчиво смотрит на небо. Отходит и прогуливается по комнате.

СТАЛИН. Вот, кто действительно в безопасности — птицы. И никакой ответственности. Прилетели, улетели. Можно позавидовать. (*Покачнулся.*) Ну, что ты скажешь, опять шатает. (*Идет к столу. Закуривает и сидит откинувшись в кресле.*) А интересно, сколько они живут?..

Входит Берия.

БЕРИЯ. Они уже тут, Сосо.

СТАЛИН. Давай.

Берия выходит и появляется с двумя немолодыми врачами - Иваном Тимофеевичем и Рувимом Моисеевичем.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Доброго здоровья, товарищ Сталин.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

СТАЛИН (*шутливо*). Ну, здравствуйте, здравствуйте, господа хорошие. (*К Рувиму Моисеевичу.*)Вообще—то я предпочитаю, чтобы меня не по имени—отчеству, а просто — товарищ Сталин. И всё. Короче, для русского уха привычней.

БЕРИЯ. Моя накладка. Не успел новенького предупредить.

СТАЛИН. А вот что касаемо здоровья... Да вы садитесь. (*Те садятся.*) Лаврентий, а тебя я попрошу зайти потом.

БЕРИЯ. Я просто думал...

СТАЛИН. Потом и расскажешь. (*Берия выходит.*) А со здоровьм... Что—то стал организм капризничать. А я не люблю потакать капризам. Тем более товарища Сталина. (*Затягивается, кашляет.*)

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Надо кончать с куревом, товарищ Сталин. Я уж вам неоднократно...

СТАЛИН (*прерывает*). Правильно. Пагубная привычка. А что поделаешь? Еще со времен туруханской ссылки — единственная радость.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Нет, как хотите, а пора отказаться от этой привычки. Всерьез заняться здоровьем. Я вам это...

СТАЛИН. Подтверждаю. Вы не виноваты. Я виноват. (*К Рувиму Моисеевичу.*) А вы что скажете? Такой же противник курения?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Безусловно. Я уж не говорю о легких, но сосуды ног...Если бы вы знали, сколько ампутаций!..

СТАЛИН (*перебив*). Только не надо меня пугать. Сталин не из пугливых. А почему тот же Черчилль всю жизнь курит вот такие сигары (*разводит руки на метр*). И ничего. А старше меня на пять лет.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Черчилль не был в туруханской ссылке.

СТАЛИН. Молодец! Хорошо ответил. Поставил меня на место. Ладно, с курением мы что—нибудь придумаем. А вот почему у меня иногда бывает легкое головокружение? Пошатывает. Тоже от курения?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Нет, тут другие причины. Надо вам, товарищ Сталин, все—таки изменить свой рабочий режим. Так не годится.

СТАЛИН. А конкретно ?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Сократить. Даже сделать некоторый перерыв. Отдохнуть.

СТАЛИН. Перерыв? На сколько?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Прошу понять, что я, как врач, просто обязан сказать...

СТАЛИН. Я спрашиваю: на сколько?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Судя по состоянию вашего здоровья... Я ведь изучал вашу историю болезни...

СТАЛИН. На сколько?!

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Ну... Месяца на два, на три.

СТАЛИН. Вы понимаете, что говорите? (*Тот молчит. К Рувиму Моисеевичу.*) А вы тоже изучали мою историю болезни?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Да.

СТАЛИН. Ваше мнение?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Я вполне согласен с Иваном Тимофеевичем. Абсолютно.

СТАЛИН. Странно. Два таких разных профессора и абсолютно во всем согласны. Уж на что у нас в партии единство и то бывают расхождения. Авось, думал, русское медицинское светило и еврейское медицинское светило позволят найти объективную точку зрения... (*К Рувиму Моисеевичу.*) Простите, ваше имя — отчество?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Рувим Моисеевич.

СТАЛИН. Интересно, как же это вы себе оба представляете? Пусть, дескать, товарищ Сталин оставит политическую деятельность, и что?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Так на время же.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Только временно, конечно.

СТАЛИН. Что же мне, цветочки выращивать? Кур разводить? Внуков нянчить? А в это время со страной что?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Но, товарищ Сталин, тем более интересы страны требуют, чтобы вы укрепили свое здоровье.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Речь ведь, простите, идет лишь о том, чтобы вы переложили часть своих нагрузок на помощников.

СТАЛИН. Не такое сейчас время, чтобы перекладывать нагрузки на чужие плечи. Напряженнейшая международная ситуация. (*Прохаживается.*) А, скажите, советская медицина, она что — развивается или нет?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Конечно.

СТАЛИН. Есть прогресс за годы советской власти?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Разумеется. И немалый.

СТАЛИН. Так чего же стоит этот прогресс, если такие советы можно, наверное, было бы услышать и в прошлом веке? Переутомился? Отдохни.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Но физиология-то человека с прошлого века не изменилась! И, если у человека от перегрузки, от повышенной активной политической деятельности наблюдаются головокружения, повышение давления, явления склероза и...

СТАЛИН (*прерывая*). То его следует от этой деятельности отстранить, так?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Зачем отстранить? Самому на некоторый период отойти.

СТАЛИН. Отстранить, отойти, какая разница?! И в том и в другом случае — на покой! Ничего себе совет: в покойники!

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Не на покой, а нужен покой. Разные вещи. Ну и, конечно, постоянное медицинское наблюдение. Лечение.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. С тем, чтобы снова войти в строй с полноценным здоровьем.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Только так.

СТАЛИН. Боюсь, вы не понимаете разницы между просто покойником и политическим покойником. Политически — можно быть очень здоровым, с вашей, медицинской точки зрения. Но это не имеет никакого значения. Вне деятельности политик все равно труп. Он может кричать во весь голос, а его голос уже никто не услышит. На политической арене он мертвец. И чаще всего его попутно делают просто покойником. Чтобы не путался под ногами. Теперь ясно, куда вы меня толкаете, господа советские эскулапы?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Но, Иосиф Виссарионович!..

СТАЛИН. Товарищ Сталин.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Да, да, извините. Мы вас никуда не толкаем! Мы только печемся о вашем здоровье. Если вы нам не доверяете, пожалуйста, пригласите любых самых авторитетных врачей со всего мира. Пусть устроят консилиум. Уверен, они скажут то же, что и мы.

СТАЛИН. Еще не хватало, чтобы я устраивал вселенский шум из-за своего здоровья! Вы что, не понимаете, что мое здоровье это не здоровье товарищей Иванова, Петрова или Сидорова, как бы мы с вами их ни уважали. Это политическая информация, которая не должна выйти наружу. Секретная информация, о чем прошу вас как следует помнить. А потому ищите любые средства, которые укрепили бы мое здоровье, без ущерба для работоспособности. Ильич до последнего дня работал. До последнего, можно сказать, дыхания. Такова обязанность руководителя государства в нашей стране. И я намерен выполнять ее свято. Вам ясно?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Да. Но...

СТАЛИН. И никаких"но". Чего бы это ни стоило. А вам, Иван Тимофеевич, ясно? Только без"но".

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Ясно.

СТАЛИН. Теперь о курении. Что значит — вредно? А если я, когда не курю, только о том и думаю, как бы закурить, это что — полезно? Значит, и тут вам надо быть не только медиками, но и диалектиками. Ищите средства, которые свели бы к минимуму вред от курения. В вашем распоряжении все, что хотите. Любые действия. Кроме огласки. Что скажете?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Будем искать.

СТАЛИН. А вы что скажете, Рувим Моисеевич?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Задали вы нам задачку, товарищ Сталин.

СТАЛИН. А нет таких крепостей — слышали, наверное? — которые большевики не могли бы взять. Партийные или беспартийные — безразлично. Вы, кстати, оба как? Я что-то не в курсе.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Беспартийные.

СТАЛИН. Решите задачку, походатайствую за вас. Сделаем партийными. Ну, все. Желаю успеха. Но не тяните. К предстоящему съезду я должен быть в полном порядке. Без головокружений. (*Усмехнувшись.*) Даже от успехов. Иначе можно голову не сохранить. (*Делает жест рукой поперек шеи.*)

Врачи выходят. Сталин, после паузы, закуривает.
Входит Берия.

БЕРИЯ. Чем ты их напугал, Сосо?

СТАЛИН. Почему думаешь?

БЕРИЯ. На обоих лица не было. Шли — никого не замечали. Меня не заметили.

СТАЛИН. Сукины дети. Хотели меня в политический утиль списать.

БЕРИЯ. Ты всерьез?

СТАЛИН. Пока шучу. Этакие Тимофеевич и Моисеевич. Ладно, пусть ищут, посмотрим, что они найдут. Понимаешь, курить нельзя! А не курить можно?! Я, например, не могу!

БЕРИЯ. Слушай, Сосо, тут в связи с мирными делами приехал один индус — Сайфутдин Китчлу. Кстати, знаменитый у себя врачеватель. Эти иоги, говорят, вообще чудеса творят. Закопают человека в землю, через несколько дней выкопают, а он жив! В общем, такие дела делают — европейцам не снилось. Может, его попробуем? Без афиширования, разумеется.

СТАЛИН. А чей он человек? В политическом смысле.

БЕРИЯ. Ничей. Вернее, свой.

СТАЛИН. А может, твой? Наверное, спишь и во сне видишь, как меня закопать и не выкопать, а?

БЕРИЯ. За что ты меня так, Сосо? Не заслужил.

СТАЛИН. Ладно. Давай сюда индуса. Но где гарантия, что болтать не будет?

БЕРИЯ. Положись на меня.

СТАЛИН. А говоришь, не твой. Как его?

БЕРИЯ. Китчлу.

СТАЛИН. В конце концов, всегда можно наплевать.

БЕРИЯ. Тоже верно.

СТАЛИН. Или сперва на тебе испробовать. Что смеешься? Понял шутку, да?

БЕРИЯ. Я рад, что у тебя сегодня хорошее настроение.

СТАЛИН. Но вообще я нашим врачам доверяю все-таки больше. Напрасно, наверное, посеял у тебя к ним сомнение. Тем более, оба не последние люди в своем деле. Вполне возможно, что они правы. И мне пора, как говорится, сматывать удочки.

БЕРИЯ. То есть?

СТАЛИН. Переложить все на другие плечи. Скажем, на твои. Потянешь?

БЕРИЯ. Опять шутишь?

СТАЛИН. А если всерьез?

БЕРИЯ. Хорошо. Не доверяешь индусу, пригласим кого пожелаешь. По твоему выбору. Веришь этим, что были сегодня, — создадим им царские условия. Только выбрось из головы даже мысль уходить от дел. Без тебя пропадем.

СТАЛИН. Устал я.

БЕРИЯ. А мы поднимем на ноги медицину всего мира — ради тебя.

СТАЛИН. Красиво говоришь. Думаю, отчетный доклад на съезде поручить Маленкову. А то он зажирел что-то. Пусть тряханет своими сиськами. Как смотришь?

БЕРИЯ. Тебе видней. Но, боюсь, народ неправильно это поймет. Все ждут твоего слова.

СТАЛИН. Голова кружится, ну?! И шатает! Ты что, хочешь, чтобы я на трибуне окочурился? На глазах всего мира!

БЕРИЯ. Неужели тебя напугали эти врачи? Что они тебе наговорили? Нет, положительно, я дам команду ими заняться.

СТАЛИН. Я сказал — не суетись. Запомни: Иван и Абрам от нас никуда не уйдут. А их рекомендации проверим у индуса. И наоборот. А сейчас — все. Хочу отдохнуть. Иди.

Берия уходит.

СТАЛИН (*один*). Несчастный я человек. Никому не верю... Самому себе не верю. Но когда все ждут моей смерти! Это жизнь, да? Ничего... Зато раньше я вас всех...

Картина вторая - у следователя дома.

В комнате женщина лет сорока - следователь Нина Ивановна и ее дочь Ира 16 лет, рослая, вполне созревшая девица. Нина Ивановна вышивает, Ира занята маникюром.

НИНА ИВАНОВНА. Ты бы у матери вышивать поучилась. Выйдешь замуж, все надо будет уметь.

ИРА (*не отрываясь)*. Успеется.

НИНА ИВАНОВНА. Когда же учиться, как не теперь?

ИРА. Я домашней хозяйкой не буду. Я в следователи, как ты, пойду.

НИНА ИВАНОВНА. Одно другому не мешает. А кто меня учил? Мать.

ИРА. А следователем она научила?

НИНА ИВАНОВНА. Следователем — жизнь научила. А вообще в этих делах много общего. И вышивать приходится. И жарить, парить.

ИРА. А я в руководители пробьюсь. За меня другие жарить—парить будут.

НИНА ИВАНОВНА. Руководить тоже уметь надо. Как товарищ Сталин сказал: руководить — это значит предвидеть.

ИРА. Ты умеешь?

НИНА ИВАНОВНА. Стараюсь, учусь.

ИРА. А помнишь, вы с папой говорили, будто Маленков потому доклад на съезде делал, что Сталин больной и старый. А Сталин взял, да и выступил.

НИНА ИВАНОВНА (*испуганно*). Да ты что? Слышала звон! Когда это мы с папой? — Мы другое... Что у Сталина много дел.

ИРА. Я же сама слышала — вы шептались на кухне.

НИНА ИВАНОВНА. Болтаешь много!

ИРА. Чего ты боишься? Я ведь никому не скажу. Могила.

НИНА ИВАНОВНА. Ох, наградил господь дурой! Так и под монастырь подведет. Не было этого, поняла?

ИРА. А еще папа сказал...

НИНА ИВАНОВНА. Хватит!

ИРА. Нет, просто к тому, что Сталин...

НИНА ИВАНОВНА. Здоров, как никогда! И всегда будет здоров!

ИРА. Что же, он заболеть не может? Я молодая и то болею. А вы с папой...

НИНА ИВАНОВНА. Что ты равняешь? Такого, как Сталин, не было и нет.

ИРА. А Ленин? Вот мы учили: Сталин — это Ленин сегодня. Знаешь, кто сказал? Ну, французик такой с усиками. Барбюс, вот кто.

НИНА ИВАНОВНА. При чем тут?

ИРА. При том, что Ленин болел и помер.

НИНА ИВАНОВНА. Ленин — совсем другое дело. Времена были другие. Медицина еще была не в состоянии. А сейчас она чудеса делает. Ты лучше скажи — уроки сделала?

ИРА. Да, там почти...

НИНА ИВАНОВНА. Так я и знала! Готова болтать о чем угодно, лишь бы не уроки. Немедленно садись — и чтобы тебя не было слышно. Сейчас тетя Оля придет, так не вздумай подслушивать! А то — ничего не понимаешь, а потом ля-ля-ля.

ИРА. Вот насчет"ля-ля-ля"можешь быть спокойна. Я в тебя. Говорю же, вырасту — буду следователем. По особо-сверх-важным делам.

НИНА ИВАНОВНА (*ласково*). Дурочка. Ладно. Но с подругами будь осторожна. Они ведь знают, чья ты дочь. Ты с ними, как с радио. Оно говорит, а ты слушай. И на ус мотай.

ИРА. Усов пока нету.

НИНА ИВАНОВНА. Хочешь быть следователем — заведешь.

Звонок в дверь.

НИНА ИВАНОВНА. Тетя Оля: Открой.

ИРА. Можно, я с вами немного посижу?

НИНА ИВАНОВНА. Мала еще. *(Опять звонок.)* Открывай, открывай. Слышишь, тете Оле не терпится.

Ира выходит и возвращается с Ольгой - она года на два моложе сестры.

ОЛЬГА. Вы тут что — умерли, что ли? Сразу не открываете. *(Целуется с сестрой)*. Звоню, звоню...

НИНА ИВАНОВНА. Воспитательную тут с твоей племяшкой проводила.

ОЛЬГА. А мне кажется, она скоро нас с тобой воспитывать будет. (*Целует Иру. Сестре.)* Ну? Ты что, еще ничего не знаешь? *(Бросает взгляд на Иру.)*

НИНА ИВАНОВНА *(Ире).* А ну, марш на кухню, уроки делать. И дверь закрой.

ИРА (*усмехнувшись*). Все секреты. (*Уходя.*) Евреев сажать будут.

НИНА ИВАНОВНА. Что?!

ИРА. То. (*Выходит.*)

ОЛЬГА (*изумленно*). Ты смотри — букашка, а все знает!

НИНА ИВАНОВНА. И мне — ни—ни. Так в чем дело?

ОЛЬГА. Поступило сообщение от некой Лидии Тимашук. Врач из Кремлевки. Она, мол, давно подозревала, что их профессо—ра—евреи залечили и Жданова, и Щербакова, и готовили...

НИНА ИВАНОВНА. Тс—с—с. (*Подходит на цыпочках к двери и резко ее распахивает. Там Ира.)*

ИРА. Ой! Так убить можно.

НИНА ИВАНОВНА. А вот в следующий раз и убью.

ИРА. Я только хотела спросить...

НИНА ИВАНОВНА. Брысь отсюда! И чтобы духу твоего не было! А то я тебя по—своему! Не посмотрю, что дочь родная!

ИРА. Все—все. Ухожу. По—настоящему ухожу. (*Исчезает, плотно затворив за собой дверь.)*

ОЛЬГА. Однако ты с ней строго.

НИНА ИВАНОВНА. Кадры надо растить смолоду. Итак?

ОЛЬГА. Вот тебе и"итак". Готовили покушение на ближайших: Молотова, Кагановича, Берию, а затем и на"хозяина". Ну их, само собой, сгребли. Так что будет всем нам работенка.

НИНА ИВАНОВНА. Ты—то при чем?

ОЛЬГА. А мне самый лакомый кусок достался. Как женщине, наверное. Буду писать об этой Тимашук.

НИНА ИВАНОВНА. Да, это тебе отломилось. Рисковала она, как думаешь?

ОЛЬГА. Еще бы! Современная Жаннна д'Арк — я *так* хочу ее назвать. Говорят, ей орден Ленина влепят. Шутка ли! Против всех пошла!

НИНА ИВАНОВНА. Да за такое я бы даже Героя навесила. Представляю, на какую она теперь орбиту выйдет. А с евреями что?

ОЛЬГА. Думаю, капут.

НИНА ИВАНОВНА. Так им и надо. Умники, понимаешь. Всегда во все дырки затычки! Русский человек терпением умен. А эти!.. И как это, интересно, выяснилось?

ОЛЬГА. Пока точно не знаю. Говорят, когда"хозяин"заболел, призвали к нему кремлевских врачей. А они там почти сплошь евреи. И все в один голос: отойти от политической деятельности. Ну, и он поначалу, действительно, поручил доклад Маленкову. Сказал: "Пусть, мол, потрясет своими сиськами".

НИНА ИВАНОВНА (*усмехнувшись*). Так прямо и сказал?

ОЛЬГА. Слово в слово.

НИНА ИВАНОВНА. В самом деле, у того морда бабья.

ОЛЬГА. И все прочее, говорят, тоже. Мужик, говорят, никудышный. Его жена, ректор Бауманского, так та, говорят, от него налево...

НИНА ИВАНОВНА. Ладно. Ты не говорила, я не слышала. Не отвлекайся.

ОЛЬГА. А дальше — Берия ему индуса раздобыл. (*Смотрит в блокнот.)* Сайфутдин Китчлу. Имена у них — словно выматерилась.

НИНА ИВАНОВНА. Это точно.

ОЛЬГА. И тот помог."Хозяин"—то после этого и выступил.

НИНА ИВАНОВНА. Вот, значит, как дело было.

ОЛЬГА. А тут письмо Тимашук. Одно к одному. Говорят, открытый процесс будет. Главных повесят на Красной площади, а всех прочих вышлют.

НИНА ИВАНОВНА. Куда?

ОЛЬГА. Ну, чего—чего, а мест у нас хватает. Представляешь, сколько квартир освободится?

НИНА ИВАНОВНА. Господи, наконец—то! Знаешь, если по совести, чего я не могу Гитлеру простить? Не сумел он их всех подчистую!

ОЛЬГА. Это ты зря. Мы же все—таки интернационалисты. Есть и среди них разные. Тот же Каганович, к примеру. Он же, наверное, и возглавит все это дело.

НИНА ИВАНОВНА. Какое дело?

ОЛЬГА. С переселением. Во избежание эксцессов и в связи с гневом народа. Ну и так далее. А что? Гуманное решение вопроса. Вот пусть они там и строят социализм.

НИНА ИВАНОВНА. Чересчур гуманное, я так считаю. Ты как хочешь, а я, хоть и коммунистка, и неверующая, а все равно им Христа простить не могу. Это же надо — распяли!

ОЛЬГА. Ну, хватила! Христос — это же, в конце концов, легенда. Выдумка.

НИНА ИВАНОВНА. Не знаю, не знаю. Вот и про протоколы си-онских мудрецов говорили — выдумка. Жандармская липа. А теперь намекают — не липа.

ОЛЬГА. То — другое. Политика. Тут — липа не липа, а если в дело годится, то и родится.

НИНА ИВАНОВНА. То-то. У нас в органах руководящий принцип: легенда на пустом месте не бывает. Слушай, а если они не захотят поехать?

ОЛЬГА. Подумаешь, проблема! А крымские татары хотели? А немцы Поволжья? Дело техники. Налажено.

НИНА ИВАНОВНА. Выходит, гетто будем собирать. А зачем? Морока.

ОЛЬГА. Неверно. Нужная вещь. Гетто не глупые люди придумали. Ты, конечно, как следователь, любишь, чтобы все — с корнем. Р-раз — и нету.

НИНА ИВАНОВНА . Вот именно.

ОЛЬГА. А мы, журналисты, понимаем: политика — та же тор-говля. В ней лучший товар — люди. Евреи, если их с умом рас-ходовать, тот же неразменный рубль. А гетто — копилка. И опять же, гуманизм всегда в цене.

НИНА ИВАНОВНА. Железная рука — вот что всегда в цене.

ОЛЬГА. Но в бархатной перчатке. Я о другом с тобой хотела. Ты подсуетись, чтобы мимо тебя это дело не прошло. И тогда так: ты мне фактики, сюжетики, а я тебе, как американцы говорят, паб-лисити. Упомяну там-сям — фамилии-то у нас разные. В общем, в тени не останешься. Не только же мне о Тимашук писать.

НИНА ИВАНОВНА. Толково. Вот что значит — родная кровинка. Что же, надо отметить это дело.

ОЛЬГА. Можно.

НИНА ИВАНОВНА. Нужно. (*Наливаёт в две рюмки, выпйвают, целуются. Приоткрывает дверь на кухню и вновь закрывает.*)

ОЛЬГА. Что там Ирка-то?

НИНА ИВАНОВНА. Затаилась, как мышь. Страх — великое дело. На нем все держится.

ОЛЬГА. А умелым пером (*показывает самописку*) — движется.

Картина третья - у Рувима Моисеевича дома. Арест

Рувим Моисеевич читает газету. Его жена, **Вера Федоровна**, гладит рубашку. Домработница, пожилая женщина **Ксюша,** то входит, то выходит, накрывая на стол к ужину.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Что пишут, что пишут! (*Читает.)*"Раздавим голову сионистскому чудовищу!" — это колхозница из Кубани. Или комбайнер из Запорожья: "Врачей— извергов — на плаху!"Композиторы: "Бешеных псов — к ответу!". А вот и группа писателей: "Стереть с лица земли русской безродную гадину!"Живые классики. И еще — митинг в Академии наук: "Призвать к ответу врачей—убийц!"Цвет науки подписал. Что же спрашивать с комбайнера? И все одно и то же.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. С ума сойти! Неужели они в это верят? Ну, колхозница, ладно. Но писатели, академики?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Сегодня у нас в больнице видел сценку. Один полковник положил на лечение жену. И тут же, в приемном покое стал записывать имена—отчества и фамилии врачей. Дежурного, лечащего, главного. Потом переписал названия лекарств, которые врач ей назначил."Без этого, — говорит, — не уйду, — И пригрозил: — Если что не так, всех перестреляю!"— Его спросили: зачем фамилии? А он — не евреи ли."Евреев к жене, — заорал, — не допущу!"

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Всеобщий психоз, да?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Всеобщий? Вряд ли. Похоже — это установка. Спущено сверху.

Входит Ксюша.

КСЮША. Я чего сегодня в очереди слышала. Что в родильных домах евреи у русских детей пуповину наискось срезают. И те от этого мрут.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Что за чушь! Ну, а ты?

КСЮША. А я полезла: "Окститесь, говорю, бабы. Зачем брехню про врачей повторяете?"Так они меня чуть вперед ногами не вынесли. Еле отбилась. А один интеллигент в очках мне сказал: "Как вам не стыдно? Русская женщина, а, извините, жидам продались".

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Так и сказал: "извините"?

КСЮША. Это я говорю.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Дело Бейлиса в государственном масштабе.

ВЕРА ФЕДОРОВНА (*мужу*). Ты мне лучше скажи, что они от тебя на медицинской комиссии хотели? Ты—то со своим диабетом ведь давно уже списан. Так чего им—то надо?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Не пойму. Даже не осматривали. Взяли военный билет, отнесли куда—то, посмотрели мои бумаги, переглянулись. Затем появился какой—то тип в штатском. Этакий плотный мужчина средних лет. Взглянул на меня, косо усмехнулся, сказал: "Хорошо выглядит". И вернул мне билет. Я взглянуд, а там уже штамп стоит: "годен". Я спросил: "Куда годен?"А этот тип ответил: "Куда надо". И рявкнул: "Вы свободны. Следующий!"

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Ты Ивану Тимофеевичу позвони. Его еще вчера вроде вызывали туда же.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. И он ничего не понимает. А сегодня его телефон молчит.

КСЮША. Вы поешьте. С утра голодный. (*Выходит.*)

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Не хочется.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Надо.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Ты на всякий случай все собери.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Рубашку доглажу и все. Ты, что же, думаешь?..

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Надо ко всему быть готовым. Если уж такие люди как Виноградов, Вовси, Этингер, Коган...

ВЕРА ФЕДОРОВНА. А, может, тебе уехать на время. К моей тетке. Если спросят, скажу — не знаю где.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Нет. Это моя страна. Я за нее воевал. Прятаться не буду.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Мне говорили : кто подписал, с теми — все. Говорят, ничего нельзя подписывать.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Легко сказать. Думаешь, кто подписал — добровольно?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. А все равно. Самому себе петлю набрасывать на шею нельзя. (*Складывает рубашку и собирает узелок.*)

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Что ты туда положила?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Что советовали. Две пары белья. Мыло. Зубная щетка. Теплый свитер. (*Пауза.*) Это же надо!.. Ни за что ни про что!

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. И, главное, зачем? Все равно весь мир не верит. Я по радио словил, выступал Эйзенхауэр. Он говорит — все вымысел. Их разведка даже фамилии этих врачей не знает. И Черчилль все отрицает. А международное общество юристов требует, чтобы их допустили на процесс.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Ну, разбежались. Не для того все затеяно, чтобы те разоблачили.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. А для чего? Зачем обезглавливать медицину? Впрочем, чего я спрашиваю? А зачем перед войной обезглавили армию?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Слушай, а может, он точно — сумасшедший?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Параноик. Это еще Бехтерев в свое время установил и погиб. Такой метод управлять государством. Чтобы никто не посмел даже спросить: "Зачем?"

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Все-то ведь и так послушны.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. При условии, что каждого в любой момент могут убить. Наверное, единственный способ при такой системе держать людей в узде. Чтобы даже помыслить о заговоре боялись. Чтобы чувствовали: живу из милости.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Ксюша ходила к священнику. Спрашивала, можно ли ей молиться за евреев. Тот сказал: нужно. И она молится.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ (*набирает номер по телефону*). Ни гудков, ничего. Это я — Ивану Тимофеевичу. В это время он обязательно бывает дома. Может, телефон испорчен? Позвонить в проверочную?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Завтра позвонишь. Сейчас уже поздно — они не работают.

Пауза.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. А в аптеке мне говорили, люди боятся брать лекарства.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Ты все-таки перекуси.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. В самом деле. (*Ест.*)

Входит Ксюша.

КСЮША. Ну вот, слава Богу. А то, выходит, зря я готовила.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Бог тут ни при чем, Ксюша. Просто я проголодался.

КСЮША. Бог всюду при чем.

РУИВМ МОИСЕЕВИЧ. И за кого же, как я слышал, ты молишься?

КСЮША. За кого, за кого... Выбрала одного.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Уж не за меня ли? Так учти, я безбожник. В Бога не верю.

КСЮША. Нет таких, чтобы ни во что не верили. Раз совесть есть, значит верующий. Мозги не верят, душа верит. Ей вашего разрешения не требуется.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Интересная точка зрения.

КСЮША. Уж не знаю, точка ли, запятая, а как говорю, так и есть.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. На всякий случай спасибо. Кто знает, может, твои молитвы и будут услышаны.

Требовательные звонки в дверь.

КСЮША. Кого еще черти, на ночь глядя, носят?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ (*взглянув на жену*). Ну вот и все. Это они.

Опять звонки и стук в дверь.

КСЮША. Открывать, нет?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Спроси, кто. Только тогда открой.

Ксюша выходит.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ (*разведя руками*). Это за мной.

Слышен за сценой голос Ксюши: "Да куда вас столько?"И сразу входит несколько человек. Среди них Ксюша.

ПЕРВЫЙ (*к Рувиму Моисеевичу*). Вы — Раскин?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Я Раскин.

ПЕРВЫЙ (*начинает его обыскивать*). Оружие есть?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Вы бы сначала хоть поздоровались.

ПЕРВЫЙ. Оружие, спрашиваю, есть?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Вам что, пулеметы, пушки, танки?

ПЕРВЫЙ. Шутить потом будете. Вот ордер на обыск и арест. (*Показывает.*)

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Ясно.

ПЕРВЫЙ. Документ?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Вот паспорт.

ПЕРВЫЙ (*остальным*). Приступайте. (*Те начинают обыск, бросая просмотренное на пол.*) А насчет оружия вы так и не ответили.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Все, что найдете — ваше. Нет оружия.

ВТОРОЙ. А вот и есть. (*Показывает кортик.*) Кинжал. Фашистский, со свастикой.

ПЕРВЫЙ. А говорите"нету". Откуда?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Трофейный. Сувенир. Я же участник войны. Начальник госпиталя.

ПЕРВЫЙ. Приобщи"сувенир". Ну, тут, я смотрю, работы до утра. (*Кричит в дверь.)* Прозоров! Раскина с собой.

ГОЛОС. Есть, Раскина с собой.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. А в чем меня обвиняют?

ПЕРВЫЙ. Почему обвиняют? Газеты читаете? Может, свидетелем.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Свидетеля арестовывают?

ПЕРВЫЙ. (*усмехнувшись*). Бывает. (*Заглянул в паспорт.*) Все бывает, Рувим Моисеевич. Одевайтесь. Берите все необходимое.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Верочка, дай узелок.

ПЕРВЫЙ (*взяв у нее узелок).* Минутку. (*Просматривает вещи).* Предусмотрительно. Все предвидели, оказывается. А спрашиваете — что, почему?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Газеты читаю. (*Надевает пальто, шапку, подходит к жене, целует ее.*) Ну, Верочка, даст Бог, еще свидимся. На этом свете.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Прошу, умоляю, помни, о чем я говорила... Не подписывай... Да что же это делается...

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Только не плакать, прошу тебя.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Я не плачу. Помни, я с тобой (*несколько раз целует его.)* До конца...

ПЕРВЫЙ. Все, Рувим Моисеевич, все.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Ксюша, прощай, голубушка. Молись, молись.

КСЮША (*плача, Первому*). Как тебе не стыдно такого человека забирать?! Он всю жизнь всех лечил. На войне был. Ордена есть.

ПЕРВЫЙ. Ордена мы изымем. Хорошо, напомнила. Временно, конечно.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Да. Все временно. И вы тоже, к счастью. (*Жена припадает к нему, и они так и стоят неподвижно.)* Только не плакать. Не плакать...

ПЕРВЫЙ. Все, Раскин. Хватит. (*Делает знак Второму. Рувима Моисеевича уводят. К Вере Федоровне.*) А ваш муж, как я посмотрю, человечек с характером.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Только не человечек, а человек. Не каждому дано.

Картина четвертая - у Сталина

В кабинете Сталин и Берия. Сталин просматривает бумаги. Берия с напряжением следит за ним.

СТАЛИН (*раздраженно*). А где признание Когана? Как его? Абрама, черта в ступе?

БЕРИЯ. Бориса. Так он же умер. Еще раньше. В тюрьме. А это его брат, там дальше будет и признание.

СТАЛИН (*листая*). Вижу—вижу. Брат, сват...Расплодились, как кролики. Но кроликов хоть есть можно. Как тараканы. Черт—те что!

БЕРИЯ. Вот и раздавим.

СТАЛИН(*захлопнув папку*). Все признались?

БЕРИЯ. Нет еще. Подчищаем.

СТАЛИН. Ты им скажи, своим молодцам, не будет признаний — головы снимем. С них, с них, а не с преступников. Сколько раз повторять? Они с нами стесняются? Нет! Значит, с классовой точки зрения морально и нам применять любые методы дознания. Все, что угодно. Все, что на пользу рабочему классу, морально. Это азбука, еще со времен революции.

БЕРИЯ. Они это знают, Сосо. Они стараются. Еще две—три очные ставки — и все будет в ажуре. Подобьем хвосты.

СТАЛИН. Стараться тоже надо уметь. С тем Коганом, наверное, перестарались. А с кем тогда процесс вести? Надо, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. До поры до времени.

БЕРИЯ. Так и будет. Есть новость. Тут один француз приехал. Очередной миротворец. Ив Фарж.

СТАЛИН. Знаю.

БЕРИЯ. Хочет обязательно повстречаться с подследственным Вовси. Француз, оказывается, хорошо его до этого знал, как человека правдивого. А во Франции, дескать, ходят слухи, будто все — липа. И врачи дают признательные показания, якобы только под давлением. Вот этот самый Фарж и просит разрешение убедиться, в каком тот состоянии.

СТАЛИН. А в каком?

БЕРИЯ. Более или менее.

СТАЛИН. А можно сделать, чтобы был"более"?

БЕРИЯ. На короткий срок все можно.

СТАЛИН. Гарантии даешь, что Вовси себя будет вести как надо?

БЕРИЯ (*подумав*). У него есть родные и близкие. Пожалуй, можно.

СТАЛИН. Француз по—русски понимает?

БЕРИЯ. Ни бельмеса. Вовси говорит по-французски.

СТАЛИН. Свидание будет при свидетеле?

БЕРИЯ. Само собой. При конвоире.

СТАЛИН. Так поставь такого, чтобы на ушах у них сидел и знал французский не хуже Фаржа. Что — проблема?

БЕРИЯ. О чем ты говоришь, Сосо? Зачем я тогда хлеб ем?

СТАЛИН. С маслом. Ну, а что еще во Франции говорят по поводу этой истории с врачами? Записывают, наверное, меня в антисемиты?

БЕРИЯ. Есть грех. Вспоминают твою борьбу с Троцким, Каменевым, Зиновьевым, процессы, Радека, космополитизм, ну и вообще все эти дела.

СТАЛИН. Лишь подтверждение того, что они там сейчас делают на евреев ставку. А раньше — на украинцев или грузин. Помнишь, была в Большом театре опера"Великая дружба"?

БЕРИЯ. Как же? Слова Мдивани, музыка Вано Мурадели.

СТАЛИН. Молодец. Два грузина, так? Допускаю, что кто-нибудь это задумал из простого холуйства. Захотел подольститься к товарищу Сталину. Сделать ему приятное. Но надо уметь взглянуть глубже: а если это ловушка?! Провокация! Попытка создать впечатление, будто Сталин не объективен. А результат? Ущерб нашей национальной политике. Какой вывод? Вот повод показать свою беспристрастность. И разгромил спектакль вдребезги. Хотя, между нами, он был не хуже других. А может, даже лучше. А с Украиной был случай: какой-то местный поэт написал там стишки, где превознес что-то свое, украинское.

БЕРИЯ. Владимир Сосюра.

СТАЛИН. Ну, Лаврентий, ты на месте. Он там что-то про украинский язык разошелся: певучий, такой-сякой. Пустяки, да? Нет! По башке его! Потому что у нас самый певучий язык какой?

БЕРИЯ. Русский.

СТАЛИН. То-то. В такой стране, как наша, национальный вопрос — самый сложный. Надо все время держать ухо востро. Любое проявление национализма — по башке! Потому что русский народ — царист. Можешь делать с ним что угодно, но одно тверди, что он лучше всех. Старший брат. Вот — тогда ты царь.

БЕРИЯ. Замечательно! Ты сказал все!

СТАЛИН. Не совсем. Хвалить — это не всегда хватает. К примеру, наша ситуация. Страна после войны. Разруха. Всем плохо. А русским хуже всех. Тут одними похвалами не возьмешь. Вот здесь и годятся евреи. Надо так сделать, чтобы самый последний русский чувствовал себя счастливым, хотя бы потому, что он не ев-

рей. И это не я придумал. Это еще Гитлер догадался. В сходной ситуации, когда пришел к власти. Сначала мы их космополитизмом пощипали. Но надо решать вопрос радикально. Вот почему мне и нужен сейчас этот процесс. И не потому, что я якобы антисемит. У меня даже есть статья против антисемитизма. Так что дураки они там во Франции. Не умеют мыслить государственно.

БЕРИЯ. Сосо, ты!.. Нет! У меня нет слов!

СТАЛИН. Принесешь мне потом запись разговора Вовси с французом. Сразу же. И вообще, не затягивай с этим делом. Забирай свои бумаги. (*Передает папку.)*

БЕРИЯ. Тогда я пойду, Сосо?

СТАЛИН. Можешь. Поужинаем сегодня у меня. Что смеешься?

БЕРИЯ. Вспомнил, как Микоян прошлый раз в пирожное сел.

СТАЛИН. Надо будет ему сегодня что-нибудь другое подложить. Скажем, помидор.

БЕРИЯ. Никита, мне кажется, плясал без души.

СТАЛИН. Выпил много. Нужно бы и тебе что-нибудь придумать.

БЕРИЯ. Это обязательно?

СТАЛИН (*строго).* Тебе — исключение? А что скажут?

БЕРИЯ. Не посмеют.

СТАЛИН. Не важно. Подумают. Национальный вопрос всюду имеет место.

БЕРИЯ. Могу тоже сплясать. Лезгинку.

СТАЛИН. Нет. Пляски — Никитины дела. Под стол залезешь. А мы тебя будем оттуда ногами выпихивать. Устраивает?

БЕРИЯ. Как ты сказал, так и будет. (*Выходит).*

СТАЛИН. Лезгинку ему, а? Больно жирно. Высоко себя ставишь, товарищ Берия. И на Никиту зачем-то накапал. Надо приглядеться. К обоим.

Затемнение. Свет. Нерешительно входит Берия.

СТАЛИН. Что такой мрачный?

БЕРИЯ. Чего я боялся, то и вышло. Накладка с этим французом. Вот я запись принес, послушаем. С переводом.

На переднем плане.

Вовси в хорошем костюме, чисто выбрит, причесан и очень бледен. Сидит за столом. Против него - Ив Фарж. Поодаль стоит конвоир в форме.

ВОВСИ (*конвоиру).* К сожалению, господин Фарж не говорит по-русски.

КОНВОИР. Мы в курсе. Но вы же говорите по—французски? Так что не стесняйтесь. Я тут для порядка. Вы так и объясните Фаржу, если он спросит.

ВОВСИ. Но вы—то понимаете по—французски?

КОНВОИР. Почему это вас интересует?

ВОВСИ. Чтобы не было недоразумений. Я предупрежден, о чем можно говорить, о чем нет. Не хочу, чтобы пострадали мои близкие.

КОНВОИР. Вот и придерживайтесь данной вам установки. А все прочее пусть вас не беспокоит.

ВОВСИ. Так, может, вы сами скажете ему, для чего вы здесь?

КОНВОИР. Нет. Я буду говорить только с вами и по—русски. А вы держитесь в рамочках, раз предупреждены. И все будет в порядке. Я вмешиваться не буду.

ФАРЖ. О чем это вы так долго?

ВОВСИ. Конвоир просил передать, что он здесь для порядка. Так что мы можем говорить свободно. Он вмешиваться не будет.

ФАРЖ. А—а... Ну... Понимаю. Порядок есть порядок. И я могу спрашивать вас, мсье Вовси, все, что хочу?

ВОВСИ. Да, конечно.

ФАРЖ. Что же, прежде всего я рад видеть вас в добром здравии. Вы только очень бледны.

ВОВСИ. Тюрьма не курорт.

ФАРЖ. Как вы себя чувствуете? Как здоровье?

ВОВСИ. Здоров.

ФАРЖ. А питание и прочее? Условия пребывания?

ВОВСИ. Все нормально.

ФАРЖ. Извините, много ли у вас в камере людей? Это не секрет?

ВОВСИ. Нет. Я в одиночке.

ФАРЖ. У вас уже было много допросов?

ВОВСИ. Несколько.

ФАРЖ. И в какое время суток, если не секрет?

ВОВСИ. Днем. После обеда. Дают поспать часок, затем зызывают.

ФАРЖ. Это гуманно.

В глубине.

СТАЛИН. Ну, что? Все идет хорошо.

БЕРИЯ. Поначалу. Мы же с ним репетировали. А вот потом...

Передний план.

ФАРЖ. Скажите откровенно, мсье Вовси, вас ни к чему не принуждают?

ВОВСИ. Что вы имеете в виду?

ФАРЖ. Ваши показания вполне добровольны?

ВОВСИ. Вполне.

ФАРЖ. И никаких физических или психических давлений на вас не оказывают?

ВОВСИ. Никаких.

ФАРЖ. Все же, простите, но мне трудно примириться с мыслью, что вы — врач, представитель самой гуманной профессии, и решились на те действия, которые... в которых вас обвиняют.

ВОВСИ. Тем не менее.

ФАРЖ. И потом, я знал вас как человека доброго, даже добрейшего. Еще раз простите, но как вы могли решиться на то, чтобы причинять своим пациентам вред? Это просто невероятно!

ВОВСИ. В жизни много происходит невероятного.

ФАРЖ. Тем не менее... Прошу прощения, но я должен, просто обязан спросить вас об этом впрямую. Вы действительно причастны к смерти господина Жданова и господина Щербакова?

ВОВСИ. Да.

ФАРЖ. Я обязан уточнить. Причастны случайно, по ошибке, по халатности, пусть даже преступной? Или преднамеренно — к убийству?

ВОВСИ. К убийству.

В глубине.

СТАЛИН. Ну? Чего мечешь икру? Отвечает как истый большевик.

БЕРИЯ. Дальше, дальше...

Передний план.

ФАРЖ. Но почему? Почему вы пошли на это? Вы же давали клятву Гиппократа? Вы же опытнейший врач. Вам же пациенты доверили свое здоровье! Вы же, наконец, не молоды. И не важно, верите ли вы в Бога или нет, но наступит час... Мы же все смертны. Как же вы?.. Как это согласуется с нравственными нормами, общими для всех людей? Тем более для врача!

ВОВСИ. Не согласуется.

ФАРЖ. Как же вы относитесь к этому сейчас? Сегодня?

ВОВСИ (*разведя руками*). Приходится отвечать.

ФАРЖ. Невероятно!

ВОВСИ. Это трудно понять. Виной всему, очевидно, политика. Не дадите ли вы мне закурить?

ФАРЖ. Пожалуйста. (*Протягивает портсигар и открывает его).*

Конвоир тут же подходит и следит за тем, как Вовси берет сигарету. Затем подносит зажженную спичку, помогая закурить. А в это время Ив Фарж с ужасом смотрит на пальцы Вовси без ногтей, которыми тот вытаскивает сигарету. Не в силах оторвать взгляда от пальцев Вовси, Фарж прячет портсигар, не сразу попадая в карман. Конвоир, почуяв неладное, переводит взгляд с Вовси на Фаржа и так и не может сразу понять, в чем дело. А, поняв, отходит в смятении, не зная, как поступить. Понимает, что уже не сможет помешать свершившемуся.

В глубине.

СТАЛИН. Что такое? Из—за чего заминка?

БЕРИЯ. Француз увидел, что у Вовси нет ногтей.

СТАЛИН. Что же конвоир, скотина? Как допустил?!

БЕРИЯ. А что он мог поделать?

СТАЛИН. Ай да Вовси!

БЕРИЯ. Ну — подлец!

На переднем плане

ВОВСИ (поняв, что Фарж увидел его пальцы и все оценил.). Нужно ли еще что—то объяснять?

ФАРЖ *(в смятении).* Нет...Что мы можем для вас сделать? Для облегчения вашей участи?

ВОВСИ. Боюсь, ничего. Единственная надежда, что рано или поздно правосудие свершится.

ФАРЖ. Могу ли я рассказать *обо всем* во Франции?

ВОВСИ *(подумав).* Да. Но прошу помнить о моих близких. Чтобы правда обо мне не повредила им. Я думаю о них постоянно.

ФАРЖ. Я понял. Я все понял. Что еще передать и кому?

КОНВОИР *(наконец найдясь).* Время свидания истекло! Скажите ему об этом.

ВОВСИ. Вы скажите.

КОНВОИР. Нет, вы!

ФАРЖ. Что он говорит?

ВОВСИ. Пора кончать. Спасибо, что пришли. Прощайте.

ФАРЖ. Нет! До свидания! Надеюсь, до свидания. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы... Я все...

ВОВСИ. Осторожнее.

Конвоир уводит Вовси. Фарж сидит некоторое время неподвижно, затем также уходит.

В глубине.

СТАЛИН. Конвоир не мог быть в сговоре?

БЕРИЯ. С конвоиром разберемся. Как быть с Фаржем?

СТАЛИН. Какой дальнейший маршрут француза?

БЕРИЯ. Кавказ.

СТАЛИН. Ну так в чем дело? Там такие дороги — черт голову сломит.

БЕРИЯ. Шум большой за границей поднимут.

СТАЛИН. А в политике иногда большой шум быстрей затихает. Важно, **что** выгодней.

БЕРИЯ. Придется своими двумя—тремя ребятами пожертвовать.

СТАЛИН. Тогда, чтобы среди них обязательно был грузин. Понял вопрос?

БЕРИЯ. Куда я годился бы, если бы не понимал тебя с полуслова? Тогда сделаем так...

СТАЛИН. Без подробностей.

БЕРИЯ. Но каков Вовси? Гуманист, называется. А родных не пожалел. Я из них знаешь что сейчас сделаю? О нем я уж и не говорю!

СТАЛИН. Дурак ты. Ничего ты из них сейчас не сделаешь. После драки кулаками не машут. Вовси нам теперь целей прежнего нужен. До суда. И семья также. Вот потом — дело твое. Меня сейчас другое интересует. Процесс. Вот с чем нельзя запоздать. Как там со строительством в Сибири?

БЕРИЯ. Гоним полным ходом. На всех бараков не хватит. И с транспортом будут затруднения.

СТАЛИН."На всех". А кто сказал"на всех"? Ты такие понятия — "усушка, утруска"слыхал?

БЕРИЯ. Только на них и рассчитываем.

СТАЛИН. Рассчитывать мало. Ты и с Вовси тоже рассчитывал. Надо обеспечивать. Суд будет, так? Значит, надо организовать бригады комсомольцев, партийцев, ну и прочих, которые сумеют предотвратить всякие стихийные явления. Стихию надо взять в свои руки. Ладно, иди. И чтоб Вовси и вся эта синагога была у меня к процессу в полном порядке. С ногтями! Ты меня понял?

БЕРИЯ. Прости, Сосо.

СТАЛИН (*иронически*)."Провидец"!

БЕРИЯ. Еще раз прости, Коба.

СТАЛИН. Так и быть. Как говорится, повинную голову меч не сечет.

БЕРИЯ. Спасибо. (*Выходит.*)

СТАЛИН (*после паузы*). Или сечет.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина пятая - у следователя. Допрос.

За столом следователь - Нина Ивановна.
Она не в форме, а в обычной одежде: костюм, блузка и юбка.

КОНВОИР (*входит*). Раскин доставлен.

НИНА ИВАНОВНА. Давай.

Конвоир вводит Рувима Моисеевича. Конвоир выходит. Нина Ивановна просматривает бумаги. Не поднимает голову.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Можно спросить?

НИНА ИВАНОВНА (*не поднимая головы*). Ну?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Я к вам не по ошибке? У меня был другой следователь.

НИНА ИВАНОВНА. У нас ошибок не бывает. Был другой, теперь — я.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. А... почему?

НИНА ИВАНОВНА (*взглянув на него, удивленно*). Ишь ты! (*Снова опускает голову.*) Можете сесть. (*Рувим Моисеевич садится на табурет.*) Фамилия, имя, отчество?

РУИМ МОИСЕЕВИЧ. Раскин, Рувим Моисеевич.

НИНА ИВАНОВНА (*глядя, в бумаги*).... Моисеевич. А почему в документах отца стоит не Моисей, а что—то другое?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Там стоит: Мойша—Лейб—Йоселевич. Но его в жизни называли Моисей Иосифовичем. Впрочем, если вам так удобнее, называйте меня Рувим Мойша—Лейб—Йоселевич.

НИНА ИВАНОВНА. И все—то у вас не как у людей. Вот я — Нина Ивановна. И отец у меня был Иван Иванович. А вы все на русский манер норовите. Все русскими прикидываетесь.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Мне прикидываться не надо. Всюду в анкетах пишу: еврей. Но, поскольку я живу в России, то име—нуюсь на русский лад. Если бы ваш отец жил в Польше, он бы

звался Яном, в Америке — Джоном. Так принято среди людей во всем мире. Для удобства.

НИНА ИВАНОВНА. И все—то вы, евреи, объясните.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. А разрешите вопрос: как вы отличаете еврея от русского, например?

НИНА ИВАНОВНА. И отличать нечего. За версту видно. А вообще, вопросы тут задаю я. Рассказывайте.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. О чем?

НИНА ИВАНОВНА. О вашей антисоветской деятельности.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Не было таковой.

НИНА ИВАНОВНА. Только без этого."Не было". Я вам не *тот* следователь. Со мной этот номер не пройдет. Ну? Чего молчите?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. А вы конкретные вопросы задавайте. Я конкретно отвечу.

НИНА ИВАНОВНА. Вы меня только не учите, как мне задавать.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Тогда скажите, что мне инкриминируется?

НИНА ИВАНОВНА. А если по—русски, по—человечески? Без этих"инкри"и так далее?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. В чем меня обвиняют?

НИНА ИВАНОВНА. Значит, можете говорить как нормальный человек? Вот так и выражайтесь. А вам разве *тот* следователь не говорил? В еврейском буржуазном национализме — раз. В тер—рористической деятельности — два. Понятно?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Не совсем. Что это значит: еврейская буржуазная деятельность? В чем она проявляется?

НИНА ИВАНОВНА. Вы мне только дурочку из себя не стройте. Евреев покрывали? Защищали, когда их выгоняли с работы?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Защищал. Я и русских защищал, если их несправедливо увольняли. Или еще как—либо обижали. Это что же, тогда был русский буржуазный национализм?

НИНА ИВАНОВНА. Видите, как вы выкручиваетесь? Евреев никто несправедливо не выгонял. А если выгоняли, так не за то, что еврей. А если плохо работали.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Что—то я таких евреев не встречал.

НИНА ИВАНОВНА. Вот вам и пример национализма. Причем буржуазного. Потому что для советского человека все нации равны. Теперь понятно?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Теперь понятно. А когда на работу не принимают? Или в высшие учебные заведения? Потому что — еврей. Это интернационализм? Пролетарский?

НИНА ИВАНОВНА. Клевета! Вас не увольняли? Вы работали? Вам высшее образование дали?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Образование не дают. Его надо уметь получить. Но неужели вы всерьез считаете, что евреям у нас не ставят препятствия?

НИНА ИВАНОВНА. Вы что, никак меня допрашивать собрались? Ну ловок! Но я отвечу. Без дураков отвечу. Тут Россия. Что же, по— вашему, русские должны уступать у себя в дому место всяким евреям? Или каким—нибудь хохлам? Или армяшкам? Россия для русских!

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Видите, как вы обо всех оскорбительно. А по какому праву?

НИНА ИВАНОВНА. А чтобы не лезли. Всем уступать, так и своим не останется. Вот так! Это если по правде и без дураков. А теперь хватит болтать. Выкладывайте все о своей преступной дейтель—ности.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Тут я вам ничем помочь, как уже говорил, не могу.

НИНА ИВАНОВНА. Не хотите. Напрасно. В петлю лезете. Я вам сразу хотела сказать — ваше личное дело на расстрел не тянет. Поскольку вы не главная спица в колеснице. Сами не убивали, а только покрывали убийц. Значит, сообщник. Но если станете упорствовать, — другая песня. Вы же, я вижу, умный человек, а ведете себя как дурак. Что за охота?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Охоты нет. Но не могу же я выдумывать на себя всякую чушь и гадость.

НИНА ИВАНОВНА. Вы логику уважаете?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Естественно.

НИНА ИВАНОВНА. Знаете, ваш прежний следователь, — так и быть, скажу, — поделикатничал с вами и погорел. Но у меня и не такие, как вы, раскалывались. А почему? Я на вежливость не рассчитываю. Я на логику рассчитываю. Ясно?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Рад буду заметить.

НИНА ИВАНОВНА. Иронией меня тоже не проймешь. Потому что я не забываю — сила вот здесь. (*Показывает кулак.*) В этих руках. А теперь слушайте внимательно. По—вашему выходит, что ваше заступничество — это не еврейский буржуазный национализм, а ответ на несправедливость?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Так.

НИНА ИВАНОВНА. Но с несправедливостью ведь надо бороться, так?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Так.

НИНА ИВАНОВНА. Вот я и хочу выяснить, в чем же ваша борьба? А у вас выходит — никакой борьбы вы не вели. Где логика?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Почему не вел? Вел. Но мы с вами по-разному понимаем, что такое борьба. По-вашему, допрашивать, как вот сейчас вы меня, а потом расстрелять — это борьба. А, по-моему, борьба — это доказывать, протестовать против несправедливости, опираясь на закон. Не на грубую силу. Разница.

НИНА ИВАНОВНА. Опять выкручиваетесь. А только на практике-то у вас все обстоит совсем иначе. Одни — Вовси, Коганы и прочие — умерщвляли тем, что неправильно лечили. Другие — вы, например, — покрывали убийц, прятали концы в воду. И, между прочим, напрасно вы запираетесь. Те, кто больше всего виноват, сознаются. Чтобы облегчить свою участь. И дают на вас показания. А вы их выгораживаете.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Никогда в это не поверю.

НИНА ИВАНОВНА. А я вам дам личную ставку. Это в наших силах. Сами убедитесь.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Значит, оговаривают себя под давлением.

НИНА ИВАНОВНА. А если скажут, что дают показания добровольно? Что тогда?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Это невозможно.

НИНА ИВАНОВНА (*почти ласково*). Все возможно. Ничего. На очной ставке все наружу вылезет. Но советую вам, для вашей же пользы, чтобы не надо было вытягивать из вас правду клещами. Это вам в плюс пойдет. А на сегодня все. Я устала. Тоже, знаете ли, не двужильная. Замучили вы меня.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Я — вас?

НИНА ИВАНОВНА. Вот именно. Ведь я все-таки женщина. И вот мне, женщине, приходится вас, здорового мужика, вопреки его воле, тащить чуть ли не за волосы от позорной смерти к жизни. Если пойдете, конечно, навстречу следствию. А между смертью и жизнью, учтите, большая разница.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. При моей профессии я это понимаю. Однако бывает и жизнь — хуже смерти.

НИНА ИВАНОВНА. Ну, это уже разговорчики для бедных. (*Нажимает кнопку. Входит конвоир.*) Уведи.

Рувим Моисеевич и конвоир уходят.

НИНА ИВАНОВНА (*потянувшись*). О, господи! Расстреляла бы их всех, к такой-то матери! А приходится чикаться. Ну, с этим еще туда-сюда. Как-никак, он мне в свое время дочку спас. Вылечил девку, а то совсем вроде загибалась. Вот интересно, я все ждала:

напомнит, нет? Промолчал. То ли совесть еще есть, то ли забыл? Может, надо бы самой сказать, да пусть сначала подпишет. А то еще начнет канючить. И вообще, хватит с него и того, что я его на"вы"и по имени—отчеству. И ребятам не сдаю. Но, по морде видно, недоволен. Ну? Что за народ? Всего им мало.

КАРТИНА ШЕСТАЯ. У следователя Нины Ивановны (Дома).

Прихожая. Звонок в дверь. Появляется Ира и открывает дверь. На пороге Вера Федоровна.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Здравствуй.
ИРА. Здравствуйте.
ВЕРА ФЕДОРОВНА. Ты меня не узнала?
ИРА. Нет.
ВЕРА ФЕДОРОВНА. А я жена врача, который тебя вылечил пять лет назад. Вспомнила?
ИРА. Это когда я с воспалением легких лежала?
ВЕРА ФЕДОРОНА. Да. Ты потом еще заходила к нам за лекар—ствами. Вспомнила?
ИРА. Теперь что—то... Это вы из дома напротив, да? У вас вроде еще собака тявкала. Такса, что ли?
ВЕРА ФЕДОРОВНА. Правильно.
ИРА. Теперь вспомнила. Рыженькая такая.
ВЕРА ФЕДОРОВНА. Она умерла. А потом еще твоя мама с тобой приходила, целовала меня.
ИРА. Разве? Надо же, жаль собакевича.
ВЕРА ФЕДОРОВНА. Маму позови, пожалуйста. Она дома?
ИРА. Дома. А она что — назначила вам?
ВЕРА ФЕДОРОВНА. Нет, я по личному делу.
ИРА. Вот не знаю, как она... Мам!
ГОЛОС НИНЫ ИВАНОВНЫ. Да?
ИРА. К тебе пришли.
ГОЛОС НИНЫ ИВАНОВНЫ. Кто?
ИРА. Ну, жена этого... Ну, иди же!
ГОЛОС НИНЫ ИВАНОВНЫ. Сейчас. (*Появляется.*)
ВЕРА ФЕДОРОВНА. Здравствуйте. Вы меня узнаете?
НИНА ИВАНОВНА (*дочери*). Ты иди. (*Ира уходит.*) Слушаю вас.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Я жена врача, который лечил вашу дочь. Правда, вы тогда только со мной имели дело. Вспоминаете? Это было пять лет тому назад.

НИНА ИВАНОВНА. Вы к делу, пожалуйста. Я сейчас очень занята.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Я отниму у вас немного времени. Можно не на пороге?

НИНА ИВАНОВНА. Вот позвать в комнату не могу. У меня там всюду разложены разные бумаги. Так что прошу покороче и здесь.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Я в нескольких словах. Дело в том, что мой муж... Ну, вы его знаете...

НИНА ИВАНОВНА. В каком смысле?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Он лечил вашу дочь.

НИНА ИВАНОВНА. Ах, это. Так в чем дело?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Его зовут Раскин, Рувим Моисеевич. Его сейчас арестовали. В связи с врачебными делами.

НИНА ИВАНОВНА. Так.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Вот я и хотела вас просить... Я пошла узнать о нем, а мне ничего не ответили. Вы, я знаю, следователь, так, может, вам скажут? Что с ним, как он? Не нужно ли ему чего? Где он? А я ничего не могу добиться.

НИНА ИВАНОВНА. Как, говорите, ёго зовут?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Рувим Моисеевич.

НИНА ИВАНОВНА. Фамилия?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Раскин. Неужели не помните? Вы и сами приходили, и дочь присылали за лекарствами. Мы — в доме напротив.

НИНА ИВАНОВНА. А он что, тоже замешан в этих делах?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Нет, конечно. А его взяли. Это недоразумение и, наверное, со временем все выяснится. Но он не очень здоровый человек. Диабет. Ему самому нужны лекарства. Да и вообще, мало ли.. Я бы передала, пока что.

НИНА ИВАНОВНА. А вы куда ходили?

ВЕРА ИВАНОВНА. Куда все ходят. На Кузнецкий мост, 24. Очередь. Я в окошко сунулась, а он мне: "Сведений нет!"И захлопнул. Я уверена — муж не виноват. А просто всех врачей хватают, и он...

НИНА ИВАНОВНА. Ну, положим, не всех. Ладно. Попытаюсь выяснить. Еще раз, как его фамилия?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Раскин.

НИНА ИВАНОВНА. А вас как?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Вера Федоровна. Вы еще тогда меня целовали. Говорили, век не забуду.

НИНА ИВАНОВНА. Это в связи с чем?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Ну, дочь же у вас была тяжело больна. Воспаление легких. А Рувим Моисеевич ее вылечил.

НИНА ИВАНОВНА. Да, теперь вспоминаю. Но дочь дочерью, а вы должны знать: у нас так просто не арестовывают. А вообще странно: вы русская женщина, а... Неужели не нашлось русского мужчины вам в мужья?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. А неужели не нашлось русского врача лечить вашу дочь?

НИНА ИВАНОВНА. Так, ну я вам все сказала.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Когда же мне к вам зайти?

НИНА ИФВАНОВНА. А вот этого не надо. Нам не положено вступать на дому в контакт с родственниками преступников. Я и так сделала для вас исключение. Вы оставьте свой телефон...

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Отключили.

НИНА ИВАНОВНА. Напишите адрес.

ВЕРА ФЕДОРОВНА (*пишет и отдает*). Теперь как? Просто ждать вашего сообщения?

НИНА ИВАНОВНА. Да. А если нет, значит, ничего выяснить не удалось.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Что ж, спасибо.

НИНА ИВАНОВНА. Не за что. (*Выпроваживает Веру Федоровну.*) Ирка! (*Появляется дочь.*)Ты зачем ее сюда впустила? Не могла сказать, что меня нет дома? Тебе что, родную мать не жаль?

ИРА. А в чем дело?

НИНА ИВАНОВНА. Вон ты какая дылда вымахала, а не соображаешь! Она — жена врага народа! И впускаешь в дом! Да еще ко мне, к следователю! Ну?!

ИРА. Ее муж — тот врач, что меня вылечил.

НИНА ИВАНОВНА. Мало ли кто кого лечил. Тебя он, может, и вылечил, для отвода глаз. Поскольку знал, чья ты дочь. А скольких они залечили до смерти? Ты что, газет не читаешь? Они наших вождей на тот свет отправили! Горького, нашего буревестника, не пожалели! Врачи—убийцы!

ИРА. Ну, не все же? А я его помню. Симпатичный. И со мной возился, ты сама говорила — как с дочкой. А ее ты действительно целовала, благодарила. Я помню.

НИНА ИВАНОВНА. Да что вы все заладили"целовала, целовала!"Мы же тогда ничего не знали! Это потом вскрылось.

ИРА. А ты точно уверена, что он виноват? Может, все выяснится и его отпустят?

НИНА ИВАНОВНА. Идет следствие. И пока что не пахнет, чтобы кого—нибудь выпустили. И вообще, у нас так не бывает: взяли и выпустили. Уж берут так берут. Другое дело, что накажут по—разному. А нам, следователям, не положено вне работы, да еще у себя на дому, общаться с их близкими.

ИРА. Но она же не врач, не арестована. Всего лишь его жена.

НИНА ИВАНОВНА. Ты еще спорить будешь? Жена, не жена, а кто—нибудь узнает, накатает на меня телегу, и все. И капут. Мне капут. Вот о чем ты должна думать, раз хочешь быть следователем.

ИРА. Мам, а ты действительно ничего не знаешь о ее муже?

НИНА ИВАНОВНА. Откуда?

ИРА. А можешь узнать?

НИНА ИВАНОВНА. Мало ли что я могу. Но мазаться из—за них не буду.

ИРА. Ты же ей обещала?

НИНА ИВАНОВНА. Опять подслушивала? А иначе она тут еще час торчала бы. Я и так не знала, как ее выпроводить.

ИРА. Она же к тебе за помощью пришла. Ты же ее целовала. Тогда. Помнишь?

НИНА ИВАНОВНА. Опять ты про это —"целовала"! Вот потому я с ней и разговаривала, другую сразу бы выгнала.

ИРА. А ты все—таки узнай, если можешь. я почему—то думаю — он не виноват. Ну, по всему видно, не мог он сделать ничего плохого.

НИНА ИВАНОВНА. Она думает! А ты не думай! А то думалку оттяпают! И поумней тебя, постарше да поопытней без головы остались. Вот так—то!

Картина седьмая - у следователя. Очная ставка.

В следственной камере за столом сидит Нина Ивановна и пишет. Входит конвоир.

НИНА ИВАНОВНА. Что там?

КОНВОИР. Доставил.

НИНА ИВАНОВНА. Давай.

Конвоир выходит. Входит Иван Тимовеевич.

НИНА ИВАНОВНА. Можете сесть. (*Тот садится.*) Ну что, Иван Тимофеевич, подумали?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Подумал.

НИНА ИВАНОВНА. А до чего додумались?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Да, собственно, ничего нового я вам сообщить не могу.

НИНА ИВАНОВНА. А зря, Иван Тимофеевич. Вы — русский человек, крупный врач. Вас эти самые втянули, а вы по широте натуры не смогли отказать. Допускаю, не предвидели, во что это выльется. Вам заморочили голову, вот вы и пошли им навстречу. Уверена, ни о чем плохом вы не думали. А теперь, из ложного чувства товарищества, отмалчиваетесь."Как, мол, так, я, интеллигент, и вдруг донесу?"А это не донос, а выяснение истины. И, если хотите, очищение. Вы покайтесь. Вот это будет, действительно, по-русски!

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Мне каяться не в чем. Все, что приписывают — ложь! Я клятву давал, как и каждый врач."Не навреди". Как же я мог сознательно?..

НИНА ИВАНОВНА (*прерывая*). Да что вы все"клятву, клятву". Сколько их, этих клятв, дают и тут же нарушают. Те же врачи, скажем, психиатры. Или эти, как их, абортмахеры. Да и ваши Коганы, Вовси и прочая публика. Тоже ведь клятву давали, а на деле? В роддомах пуповину наискось срезали, и младенцы мерли. А вы — не навреди.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. И вы верите про пуповину? Чушь какая!

НИНА ИВАНОВНА. Не знаю, не знаю, я не специалист. Мне серьезные люди говорили. Может, я что и спутала. Но факт — мрут дети. А каким путем их изводят, это уж детали. Но установить правду в вашем деле — это я специалист. И от того, пойдете вы навстречу следствию или будете запираться, зависит ваша, прямо скажем, нелегкая судьба. Даже тяжелая. Даже смертельно тяжелая, если уж говорить начистоту. Так что не выгораживайте вы этих коганов, Иван Тимофеевич. Будьте русским патриотом, а не жидовским приспешником.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Да вы что?! Что вы себе позволяете?! Вы же член партии, наверное! Это же!.. Да если бы вы такое сказали у меня дома, я бы вас за антисемитизм выгнал!

НИНА ИВАНОВНА. Тихо-тихо. Что это вы так распетушились? Во-первых, мы не у вас дома. А во-вторых, никакого антисемитизма. Я ведь не про всех евреев. Я про тех, кто своими преступными действиями...

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Все — ложь! И Коган, и Вовси, и другие — прекрасные честные специалисты высочайшего класса! Головой отвечаю, никогда они не могли совершить ничего противного их врачебной этике. И они, кстати, тоже давали ту же клятву!

НИНА ИВАНОВНА. Значит, им вы верите. Ради них готовы на плаху. Клятву, дескать, давали. Но Тимашук ведь тоже клятву давала. А показывает на них: убийцы! Но вы ей не верите. А почему?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Потому что она...Не хочу говорить про женщину дурно, но она...Плохой врач. И плохой человек. Все, что она утверждает, безграмотно. И это чудовищно, что она смеет обвинять таких людей, как Коган, Виноградов, Вовси, Этингер, Раскин...

НИНА ИВАНОВНА. И вас.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. И меня. И уж совсем ужасно, что вы верите ее показаниям.

НИНА ИВАНОВНА. Значит, не хотите по—хорошему. Жаль, Иван Тимофеевич, очень жаль, сволочь ты старая, так—то твою мать! А вот я сейчас прикажу, и тебя как говно размажут по стенке! Ты еще будешь, мразь ты этакая, на коленях ползать передо мной! Упрашивать, чтобы я дала подписать тебе все, что угодно! Последний раз, блядь твоя мать, спрашиваю — будешь давать признательные показания?!

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ (*он в шоке*). Как вы можете?.. Вы ведь женщина...

НИНА ИВАНОВНА. Я—то женщина, а вот ты — падаль, и я тебя в лагерную пыль разотру! Хотя до лагеря тебе не дожить. (*Нажимает кнопку, появляется конвоир.*) К ребятам. Пусть поработают. И давай второго.

Конвоир уводит Ивана Тимофеевича.

НИНА ИВАНОВНА (*одна*). Черт! Никаких нервов с ними не хватит! Ишь ты —"женщина"! Именно, забудешь с ними, что женщина. Ладно, спокойней, спокойней... А ну, расслабиться... И, как это... (*Откидывается на кресле и закрывает глаза. Монотонным голосом.*) Я лежу на берегу моря... Надо мной голубое небо... Медленно плывут облака... Мои руки становятся легкими... Тело не имеет веса... Теплые волны слегка касаются меня... Кто—то лежит рядом.. .Он ласкает меня, мои ноги, живот... И по грудям, по грудям... Волны подхватывают нас...Вверх и вниз, вверх и вниз... (*Стук в дверь.*) О, твою в бога, в душу!... (*Открывает глаза.*) Да?!

Входит конвоир.

КОНВОИР. Доставил.
НИНА ИВАНОВНА. Давай.

Конвоир выходит. Входит Рувим Моисеевич.

НИНА ИВАНОВНА (*к Рувиму Моисеевичу*). Садитесь. (*Тот садится.*) Встать! (*Рувим Моисеевич встает.*) Ох, извините, садитесь. (*Рувим Моисеевич стоит.*) Это все нервы. Предыдущий клиент был такой, что просто с ума сойти. Да вы садитесь, садитесь. (*Рувим Моисеевич садится.*) Из вашей, кстати, компании. Тоже врач. Считает себя, наверное, интеллигентом. Но тупой, просто спасу нет. А теперь перейдем к делу. Помните, прошлый раз мы с вами говорили об очной ставке? Вот она сейчас как раз и состоится. На ней мы и поставим точки над"i". Но сразу скажу, то, что вы признаете после ставки, — этому уже совсем другая цена будет. Потому что — вынужденно. Под давлением фактов. А если бы вы сами все рассказали, до ставки, то многое выиграли бы. Так что еще шанс есть. Видите, я с вами начистоту. Как, воспользуетесь шансом?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Добавить к тому, что говорил, нечего.

НИНА ИВАНОВНА. Уговаривать не буду. Тогда у меня к вам последний вопрос. Хотите ответьте, хотите нет. Это для общего моего образования. Вы знаете, я, конечно, как член партии не антисемитка. Но скажите, почему вы, евреи, как в народе говорят, лезете во все дыры?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. В народе? Вряд ли. Не слышал.

НИНА ИВАНОВНА. А я слышала. Ну, в любой бочке затычка. Я понимаю, в царское время еще туда—сюда. Тюрьма народов, для евреев особенно, и так далее. Значит, полезли в революцию. Понимаю. Но теперь—то? Русский человек терпит, а вы нет.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. А надо терпеть?

НИНА ИВАНОВНА. Вот, обычная ваша еврейская манера: на вопрос вопросом. Отвечаю: я не говорю"надо". Но вы должны понимать, вы же умные люди, что из—за этого на вас всегда всех собак вешают. Вот и хлебаете больше всех. Неприятности, я имею в виду.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. А вам не кажется, что терпеть несправедливость нельзя? Такой народ неизбежно деградирует и судьба его будет трагична.

НИНА ИВАНОВНА. Это вы про русский народ, что ли?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Про всякий, кто терпит. А что до русских, то я, наоборот, верю — лучшие силы народа не терпят. Они возьмут верх и укрепятся. Это худшие видят в евреях затычку в бочке.

НИНА ИВАНОВНА. Выходит, я — из худших. Только одного не пойму, зачем же вы и ваши коллеги Жданова и других со свету сживали?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Неужели вы действительно в это верите?

НИНА ИВАНОВНА. Есть документы. От вашей же коллеги по профессии, Лидии Федосеевны Тимашук.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Не знаю, что ее заставило сделать подлость. Вот ее я бы хотел спросить об этом на очной ставке.

НИНА ИВАНОВНА. Нет, вот такой очной ставки не будет. Зачем же? Само собой, что вы, с вашим житейским и медицинским опытом, честную патриотку затоптали бы. А вот встречу с вашим подлецом, причем не меньшего, чем вы, ранга, а может и побольше, это мы сейчас осуществим.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. С кем же?

НИНА ИВАНОВНА. Встретитесь, увидите. Надеюсь, после этого поймете — запираться вредно.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Неужели вы о моем здоровье печетесь?

НИНА ИВАНОВНА. А что? Ведь вы когда-то вылечили мою дочь. Думаете, я забыла? Вот долг платежом и красен. И о здоровье вашей жены подумала. Кстати, она приходила ко мне. На женщине лица нет. Переживает за вас. А ведь она, как я выяснила, сердечница. Не дай бог что. Это пока она еще на воле. А, представьте, что с ней будет, если ее в камеру, да к уголовницам. Это же народ отпетый. Проститутки, воровки, убийцы. И ведь, что самое смешное, считают себя патриотками, поскольку не политические. А попадись к ним политическая — не дай бог. Если бы просто убивали, а то ведь сперва замучают. Вот вы о чем задумайтесь, Рувим Моисеевич.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. А при чем тут моя жена? Ведь донос этой самой Тимашук ее не касается. Жена не врач. Обычная домашняя хозяйка.

НИНА ИВАНОВНА. Как говорит народная мудрость: муж и жена — одна сатана. И уж коли муж что замыслил, жена обязательно в курсе. А раз знала да не сообщила, значит, виновата. Может, и соучастница. К примеру, передала записку или позвонила по телефону. Да мало ли как жена может услужить мужу. Или муж жене. Мой, например, ни шагу не сделает, со мной не посоветовавшись. А вы — при чем тут жена. Жена всегда при всем.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Я вас понял.

НИНА ИВАНОВНА. Я же говорю, вы народ понятливый. Так — будете давать признательные показания?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Нет.

НИНА ИВАНОВНА. Ну, все. (*Нажимает кнопку. Входит конвоир.*) Как там дела?

КОНВОИР. В порядке.

НИНА ИВАНОВНА. Давай его сюда.

Конвоир выходит. Пауза.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. И не страшно вам, женщине, заниматься этим делом?

НИНА ИВАНОВНА. Ну, прямо как сговорились: "женщина, женщина". А если хотите знать, женщины нынче смелее вас, мужчин. А вот я вас спрошу: и не страшно вам было заниматься вашим делом?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Одного не пойму, зачем это нужно — взять квалифицированных врачей, обвинить в том, в чем не виноваты, а затем уничтожить?

НИНА ИВАНОВНА. Нет, невысокого вы о нас, как я посмотрю, мнения. Думали, не разберемся? Мы все—таки себя повыше ставим!

Входит конвоир и почти втаскивает с собой Ивана Тимофеевича. Тот передвигает ноги с трудом, смотря вокруг отсутствующим взглядом.

НИНА ИВАНОВНА. Посади его.

Конвоир приваливает Ивана Тимофеевича в спинке стула, придерживая, чтобы тот не упал.

Можешь идти.

КОНВОИР (*отпускает Ивана Тимаофеевича*). Держится. (*Выходит.*)

НИНА ИВАНОВНА. Ну что, узнали?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ (*в ужасе, тихо*). Иван Тимофеевич? (*Тот молчит.*) Иван Тимофеевич!

НИНА ИВАНОВНА. Иван Тимофеевич, что же вы молчите? К вам обращаются, а вы не отвечаете.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Эт... эт... кто? *(Смотрит на Рувима Мои—сеевича как слепой).*

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Это я, Раскин. Боже мой, что же они с ним сделали?

НИНА ИВАНОВНА. Побойтесь бога, Рувим Моисеевич! Кто сде—лал? Что сделал? Это просто ваш коллега от утрызений совести, от сознания своей вины напереживался. Ведь так, Иван Тимофеевич? Не слышу. Так?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ (*с трудом*). Да... Что?.. Да...

НИНА ИВАНОВНА. Вот и ладненько. Но я зачем вас, Иван Тимофеевич, сюда пригласила? (*Далее говорит как с тугоухим, громко и раздельно.*) Чтобы вы посоветовали Рувиму Моисеевичу зря не упорствовать. Вы скажите ему: "Не упрямьтесь. Мы все, и я, и Вовси, мы все всё признали". Вот так и скажите."Не уп..."Ну?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Не уп...

НИНА ИВАНОВНА. ...рямьтесь.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. ...ря...сь...

НИНА ИВАНОВНА (*почти весело, Рувиму Моисеевичу*). Слышали? Советует вам не упрямиться.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Я хочу с ним поговорить. Можно?

НИНА ИВАНОВНА. А мы что делаем? Ради бога.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Иван Тимофеевич, вы меня слышите? Вы меня понимаете?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Слы...(*Кивает.*)

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Прошу вас, соберитесь с мыслями. Вы понимаете, в чем вас обвиняют?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. По...(*Кивает.*)

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Будто мы хотели убить...

НИНА ИВАНОВНА. И убили.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. ...И убили руководителей партии и правительства. Тех самых, что мы лечили.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Да.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Что"да"?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Уби...ли.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Вы с этим согласны?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Да.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Иван Тимофеевич, опомнитесь!

Иван Тимофеевич машет рукой.

Что такое? Не понимаю.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ (*снова машет рукой*). Ах!.. (*Проводит рукой по губам.*)

НИНА ИВАНОВНА. Вам что, воды? (*Наливает в стакан и подает.*)

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ (*жадно пьет*). Спа...(*Отдает стакан.*)

НИНА ИВАНОВНА. Не за что. (*Участливо.*) Полегче стало?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Да.

НИНА ИВАНОВНА (*раздельно, как глухонемому*). Вот вы и скажите Рувиму Моисеевичу четко о том, что вы решили. А может, вам надо еще немного посоветоваться с ребятами? (*Кивет на дверь.*)

ИВАН ТИМОФЕВИЧ (*тряся головой).* Не!..

НИНА ИВАНОВНА. А я и не настаиваю. Тогда говорите.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Только прошу вас, Иван Тимофеевич, дорогой, миленький, голубчик мой, поймите, ведь умирать — не миновать. Раньше, позже, мы и так с вами уже не молоды. Важно остаться людьми. Прошу вас, только правду. Ничего не бойтесь.

НИНА ИВАНОВНА (*усмехнувшись*). Ишь, какую речь произнесли. А нам тоже ничего кроме правды не надо. Так что вы не давите на него. Он и так правду скажет. Иван Тимофеевич, я вижу, вы уже пришли в себя. Силенки вроде появились. Вот и говорите все как полагается. А то вы все"бе","ме". Что, вы баран, что ли?

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Ру... вим... Мои... вич (*машет рукой).* Мы (*машет рукой*) Жена... У вас... У меня... А мы (*машет рукой)*... Все равно...

НИНА ИВАНОВНА. Ну, вот и умница. Вы все поняли, Рувим Моисеевич? Или вас еще надо убеждать?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Можно, я его обниму?

НИНА ИВАНОВНА. Странная идея. Ну, обнимите.

Рувим Моисеевич обнимает Ивана Тимофеевича, тот припадает к нему и рыдает.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Ну что вы... Ну, милый, голубчик, родной вы мой...

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ (*ему, тихо)* Они бы их... Я бы все вынес... Но они бы их...

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Я так и понял.

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ. Да...

НИНА ИВАНОВНА. Ну, хорошего понемножку. Как говорится, делу время, а потехе час. Начинаю очную ставку. Давайте все по закону. Разъясняю порядок. Впрочем, вы оба его уже знаете. Друг друга тоже знаете, даже обнимались. Вопрос: когда и при каких обстоятельствах вы, Иван Тимофеевич, вовлекли Раскина Рувима Моисеевича в группу врачей для соучастия в преступных деяниях по умерщвлению...

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ (*приподнявшись*). Нет! Ни за что! Все ложь! Мучайте! Убивайте! Не подпишу! (*Падает на пол.)*

НИНА ИВАНОВНА (*несколько раз нажимает кнопку. Вбежавшему конвоиру*). Медсестру, с уколом, живо!

Картина восьмая - у Сталина

У Сталина на даче. Он полулежит в кресле. **Берия** ходит взад и вперед.

СТАЛИН. Сядь! Не мелькай перед глазами.

БЕРИЯ. С тебя беру пример, Сосо.

СТАЛИН. Знаешь изречение: "Что позволено Юпитеру, нельзя быку". Что? Репетируешь? Думаешь, раз я себя неважно чувствую, переживешь меня?

БЕРИЯ. О чем ты, Сосо? И в мыслях не было. Дай тебе бог здоровья. Уверен — мы умрем, ты останешься.

СТАЛИН. Очень может быть. Что-то мне Молотов и Микоян последнее время не нравятся. Глаза у них бегают. Что, действительно, и на них замахивались врачи?

БЕРИЯ. По материалам дела да. Правда, в последнюю очередь.

СТАЛИН. То-то и оно, что в последнюю. А Каганович?

БЕРИЯ. Тоже.

СТАЛИН. (*подумав*). Ну, этот еще пригодится. Надо идеологически народ готовить. Чтобы к концу процесса накал был полный.

БЕРИЯ. Листовки, бригады — это уже все на мази. Списки всех знаменитых евреев составлены. Все обговорено.

СТАЛИН. Никто не ерепенится?

БЕРИЯ. Шутишь, Сосо? Подпишут как миленькие. Уже провентилировали. Хотя, представь себе, один зубуксовал. Как думаешь, кто?

СТАЛИН. Интересно.

БЕРИЯ. Ни за что не угадаешь. Рейзен. Певец. Дожать?

СТАЛИН. (*подумав*). Не надо. Кстати, хороший певец. Только обидчивый. Был с ним, когда давили космополитов, случай. Уволили из Большого театра. Перестарался этот, как его?.. Ну, их Председатель комитета.

БЕРИЯ. Храпченко.

СТАЛИН. Да. Вызвал я обоих. Указываю Храпченко на Рейзена: "А ну, говорю, назови, кто он, а кто ты". — Называет: "Я — Председатель и так далее, а он Рейзен". —"Нет, говорю. Он — народный артист СССР, солист Большого театра, а ты говно. Повтори". Повторил. Ну, тогда на этом вопрос уладил. А вообще с деятелями искусства надо умеючи, Лаврентий. С ними главное — неожиданность. Он думает — пропал. А ты его обласкай. Он думает — угодил. А ты его по башке. Вот тогда он будет тебя что ?

БЕРИЯ. Уважать? Любить?

СТАЛИН. Подымай выше.

БЕРИЯ. Обожать? Слушаться?

СТАЛИН. Еще выше.

БЕРИЯ. Бояться?

СТАЛИН. Боготворить. А Рейзен пусть остается. Надо же кому-то и петь.

БЕРИЯ. Так, может, и еще кой-кого?..

СТАЛИН. Дело терпит. Как там с водородными делами?

БЕРИЯ. Намечаем в конце лета взорвать.

СТАЛИН. Надо раньше. После процесса не избежать на Западе отрицательного резонанса. У них там в США полно евреев. И с этим Израилем хлопот прибавилось. А когда взорвем водородную, им уже будет не до евреев. И процесс проглотят. С французом ведь проглотили?

БЕРИЯ. С Ив Фаржем? Да. Но трех хороших ребят пришлось вместе с ним под откос пустить.

СТАЛИН. В политике людей не считают. Проблемы считают. Кстати, семьям помогли?

БЕРИЯ. А как же? Что-что, Сосо, а мы свои кадры ценим.

СТАЛИН. Так я о бомбе. Может, там кто-то перестраховывается? Тормозит?

БЕРИЯ. Нет. Ты же знаешь ученых. (*Вертит пальцем у виска.*) Им дай проблему, и все остальное уйдет на задний план. Родную мать взорвут, лишь бы испытать: удалась ли бомба. Сами из кожи вон лезут. Но раньше августа никак не успеть. А что? Как раз к сессии Верховного Совета.

СТАЛИН Плевать я хотел на сессию! Мне перешибить процесс надо! А до августа я тянуть с ним не могу! Мне сенсация нужна!

БЕРИЯ. Может, какой-нибудь перелет устроить? На льдину кого-нибудь высадить?

СТАЛИН. Слушай, Лаврентий, ты что — идиот или прикидываешься? Мне их испугать надо! А цирк уже был! Короче — думай, ищи и без нужного варианта не возвращайся!

БЕРИЯ. Что же, буду думать.

СТАЛИН. Думай, думай, пока голова есть.

БЕРИЯ. Спокойной ночи.

СТАЛИН. И тебя туда же. (*Усмехнувшись.*) Шутка.

БЕРИЯ. Я так и понял. Рад, что ты снова в хорошем настроении.

СТАЛИН. А я всегда в хорошем настроении.

Берия выходит.

СТАЛИН (*один*). Что—то у него со сроками как будто свои со—ображения. Надо проверить. (*Встает, прохаживается.)*А голова опять кружится. Ну что ты будешь делать? И шатает. Прилечь, что ли? Где я прошлый раз лежал? Там? Значит, по всем расчетам надо бы сегодня лечь здесь. (*Садится.*) Все плывет перед глаза—ми...И, как назло, все врачи... И с Поскребышевым, с Власиком плохо... Неужели и они?.. Надо бы самому допросить... А если это все провокация?.. (*Снимает телефонную трубку и кричит в нее.)*· Немедленно врача! Когана! Вовси! Виноградова!... (*Роняет трубку и, рухнув на пол, стонет.*) Обманул Лаврентий! (*Бьет кулаком по полу и рыдает.)*

ЭПИЛОГ

Картина девятая - у Раскиных. Спустя двадцать лет. 1973 г.

В квартире Рувим Моисеевич и Вера Федоровна. Естественно - постаре-ли. Сидят за столом и пьют чай. Включен телевизор. Там Подгорный вру-чает Брежневу очередную звезду. (*Взять из кинохроники.)*

ПОДГОРНЫЙ *(читает по бумажке*). Дорогой Леонид Ильич, вручая тебе высокую правительственную награду в связи (*переворачивает листок)* с твоей выдающейся партийно—государственной деятельностью, поздравляю тебя со Звездой Героя. Разреши тебя обнять... (*складывает листок, прячет его и очки в карман, подходит к Брежневу, обнимает его, отходит, надевает очки и, вынув листок, читает дальше)... и* поцеловать. (*Снова, сложив и спрятав листок и очки, подходит к Брежневу и троекратно его целует.)*

БРЕЖНЕВ (*надев очки и вынув листок, читает).* Дорохие това—рищи...

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Выключи. Охота тебе смотреть, как человек мучается.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ *(выключает).* Это какая же у него будет Звезда? Четвертая, пятая?..

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Тебе—то не все равно?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Действительно, какая разница. Когда че—ловек стоит у ящика со звездами, он может увешать себя как новогоднюю елку.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. На елку, кстати, полагается только одна звезда. Люди меру знали.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Интересно, как себя чувствуют при таком зрелище те, кто получал звезды заслуженно? За подвиг. Кто рисковал жизнью.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Как если бы им в лицо плюнули.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Не чересчур?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. В самый раз.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Пожалуй, ты права. Хотя почему только им? А всем нам?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Тебе, насколько я знаю, пока Героя не дают.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Не в этом дело. Я думаю, господи, боже мой, ну чем мы провинились? За какие грехи великая страна должна подчиняться таким ничтожествам? Он даже не дает нам возможности создать про него иллюзию.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. А говорят же, что каждый народ достоин...

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ (*перебив*). Чепуха! Этот народ выиграл войну — вопреки правительству. Восстановил разрушенную страну — тоже вопреки. Самая богатая страна в мире, с самой большой территорией и — нищая. Почему?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Терпим мы их, вот в чем беда.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. И я так думал. Но с годами понял — терпимость — превосходное душевное качество.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. В меру. Не все надо терпеть. И не все прощать. Вот тебя посадили, мучали. За что? А ты все простил. Я — нет.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Откуда ты у меня такая взялась — жестокая?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Пока ты сидел в свое удовольствие, у меня было время ожесточиться. За все надо было потребовать к ответу. А у нас это не умеют.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Значит, если я чудом выжил, то теперь, перед тем как лечить, я должен каждый раз выяснять, не виноват ли пациент в прошлом? Врач лечит всех. Возможно, даже подлецов. Он не спрашивает. Иначе это будет не врач, а палач. Нет — хуже.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Не знаю. Я не врач. Тогда надо так: сначала лечить, а затем к ответу. Заслужил? Пулю в лоб.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. И ты бы смогла так судить?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. За тебя? Я бы могла их убить.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Сказки. Будто я тебя не знаю.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Такой ты меня не знаешь.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ (*смеется*). Всю жизнь вместе прожили и не знаю?

ВЕРА ФЕДОРОВНА (*упрямо*). Не знаешь! А вообще, с чего это ты вдруг завел такой разговор?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Просто так.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Я тебя знаю. В чем дело?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ (*после паузы*). Знаешь, я тут встретил на улице мою бывшую следовательницу. Помнишь? Ты еще к ней заходила, справлялась обо мне. Так вот она попросила мой адрес, хотела зайти. Чуть ли не сегодня.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Зачем?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. А шут ее знает. Наверное, денег стрельнуть. Вид — ужасный. Мне кажется, она спилась.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. И ты дал ей адрес?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Ну, не мог отказать. Женщина совсем одинока. Муж умер. Дочь в каком-то далеком нашем посольстве служит.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Если придет, спущу с лестницы.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Ты даже обещала убить.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Нет, вот ты скажи: зачем дал ей свой адрес?! Она же меня тогда обманула! Чуть не выгнала! Ты ее дочь вылечил, а она тебя мучила! И ведь знала же, что все ложь. А ты?..

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Ну, не мог я, когда человек просит... в таком состоянии... Да она вряд ли придет. У нее в одно ухо влетело, в другое вылетело.

Звонок в дверь.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Если это она — не впущу!

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Нехорошо, Верочка. Пусть зайдет на минутку. Как это можно не выслушать человека?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Это не человек. Зверь.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Мы не звери.

Опять звонок. Рувим Моисеевич торопливо идет открывать. Возвращается с Ниной Ивановной. Действительно, она не только постарела, но и опустилась, обрюзгла. Лицо опухшее, но волосы выкрашены хной, и вообще видно, что приоделась.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Знакомьтесь. Впрочем, что же это я. Вы же знакомы.

НИНА ИВАНОВНА. Само собой. Соседки. Ох, пока добиралась к вам, устала. *(Ищет, куда бы сесть.)* Можно, я на минутку присяду?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Да-да, конечно.

Нина Ивановна садится. Рувим Моисеевич тоже. Вера Федоровна продолжает стоять.

НИНА ИВАНОВНА (*к Вере Федоровне*). А вы что не садитесь? В ногах, как говорится, правды нет.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. В моих — есть.

НИНА ИВАНОВНА. А я с утра все по делам, все по делам. Намаялась.

Пауза.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Так. Чем обязан? Простите, забыл ваше имя-отчество.

НИНА ИВАНОВНА. Нина Ивановна. А вот я ваше помню. Рувим Моисеевич. И ваше — Вера Федоровна. Все точно?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. А мое откуда? Ведь я у вас по делу не проходила.

НИНА ИВАНОВНА. Ну, материалы... Профессиональная память. Вот уж сколько лет не работаю — у меня персональная пенсия, — а всех своих подопечных помню.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Вы их подопечными называете?

НИНА ИВАНОВНА. А как иначе? Подследственными? Уж больно официально. Да и для тех, кто вышел на волю, как-то не звучит.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. И много ваших "подопечных" вышло на волю?

НИНА ИВАНОВНА. Вот — Рувим Моисеевич. Иван Тимофеевич тоже вышел. Ваш коллега.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. И сразу умер.

НИНА ИВАНОВНА (*вздохнув*). Да, все под богом ходим. У меня тогда, после смерти Сталина, муж от переживаний злоупотреблять стал. Тоже скончался.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Если бы Сталин не умер, так Рувим Моисеевич и Иван Тимофеевич не вышли бы.

НИНА ИВАНОВНА. Кто знает? Всякое бывало.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Всякого не бывало. Всех на плаху посылали.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Нет, почему? И по десять лет давали. Без права переписки.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. А это, как оказалось, расстрел. А скажите, почему вы мне тогда говорили, что ничего про моего мужа не знаете? А сами вели его дело.

НИНА ИВАНОВНА. Не имела права. Такой был порядок. И вообще, что ни говори, а был порядок. Каждый март, например, снижали цены. А теперь... (*Машет рукой.*) Вот у меня персональная пенсия, а что я могу купить? Дочь из-за рубежа если изредка и пришлет какую-нибудь цветную тряпку, так не носить же? Мне, чтобы прожить, все приходится продавать. Даже мужний подстаканник мельхиоровый. Вы загляните ко мне. Пусто! У вас, я все же посмотрю, достаток. Наверное, благодарят пациенты?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. А вы хотели бы, чтоб и вас благодарили? Те, кто выжил?

НИНА ИВАНОВНА. Знаете, каждый человек исполняет свой долг. Кем я была? Как товарищ Сталин сказал, — винтик в государственной машине. И попробовала бы я что не так. У нас, знаете ли, было круто. Дай признательный протокол и все тут. Хоть кровь из носу. Иначе голова долой. Не ваша, моя. А с Рувимом Моисеевичем, помнится, я была даже очень деликатна. Что, не так? Он о моих переживаниях не подозревал. Меня начальство даже как-то упрекнуло: "Зачем миндальничаешь?"А знаете, что бывает, если начальство так спросит? Загремишь за милую душу, вот как ваш предыдущий следователь. Теперь — дело прошлое, могу сказать. А я: "Нет, говорю, у меня свой подход". И потом помнила: дочь мою вылечил. А вот, интересно, почему вы мне об этом тогда не напомнили?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. У вас не было прав кое-что сказать. И у меня.

НИНА ИВАНОВНА. Кто же это вам запретил?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Сам.

НИНА ИВАНОВНА. Не поняла. Ну, да ладно. (*Вытирает платком глаза. Вере Федоровне.*) Так что, как ни говорите, а я его вам сберегла. Если правде в глаза. С другими, знаете, что было? Вот хотя бы с тем же Иваном Тимофеевичем. А ваш жив и здоров. До сих пор. Да и вы, я ведь видела, знала, хлипкого здоровья были. Сердечница. Попадись вы в другие руки... А я вас даже не тронула. Наоборот, постаралась не волновать. А вы теперь упрекаете. Вы-то в добром здравии, а я...(*К Рувиму Моисеевичу.*) Так что напрасно ваша супруга на меня так.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Как — *так*?

НИНА ИВАНОВНА. Ну...

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Без благодарности, да?

НИНА ИВАНОВНА. Нет, я не к тому, а просто... Но ведь факт? Вот Рувим Моисеевич жив – здоров, а Ивана Тимофеевича – нету. Это тоже понимать надо.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. И что отсюда следует?

НИНА ИВАНОВНА. А ничего. Такова жизнь. Вы свое дело делали, а я свое. И что я теперь? А у вас полный порядок. Это справедливо?

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. А как справедливо?

НИНА ИВАНОВНА. Не знаю. Теперь справедливости не жди. Я ведь, стыдно сказать, бедствую! Мало того, что я мужа потеряла. Сестра тоже умерла. Дочь на отшибе. Верите ли, концы с концами не свожу. Вот я и подумала, а может, вы?.. Взаимообразно, конечно.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Сколько?

НИНА ИВАНОВНА. Нет, я отдам. Но у меня такое сейчас сцепление обстоятельств... Ну, рублей двести, если можно. А я, в ближайшее время... Я тут должна в одном месте получить, и тогда сразу же... Адрес ваш у меня есть, так что если не смогу по состоянию здоровья, так по почте... Мне просто, буквально, на несколько дней...

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Да я дам, дам. Я сейчас.

НИНА ИВАНОВНА. Ну, двести – триста, если не жалко.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Сейчас принесу. (*Хочет идти.*)

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Нет, я! (*Выходит и скоро возвращается.*) Где у вас, вы говорите, адрес?

НИНА ИВАНОВНА. Да вы не беспокойтесь, я не потеряю. Где – то был тут...*(Роется, достает скомканную бумажку.)* Вот как будто. Да, он. (*Разглаживает)* Так что занесу. Или по почте. Получу и тут же.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Давайте – ка адрес. (*Берет бумажку.)* Вот вам двести рублей. А нам с мужем сейчас уходить надо. Так что...

НИНА ФЕДОРОВНА. Да – да. (*Берет деньги.)* А адрес?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Больше не понадобится.

НИНА ИВАНОВНА. Так, деньги вернуть.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Не надо. Все. Мы торопимся.

НИНА ИВАНОВНА. Да – да. (*Рувиму Моисеевичу.*) Строгая у вас супруга. Когда ко мне приходила, поласковее была. Ну, что же, как говорится, тогда я вас, теперь вы меня выручили. Будьте здоровы. (*Встает, идет к дверям.)*

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Я провожу вас.

Оба выходят. Рувим Моисеевич возвращается.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Даже не поблагодарила.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Считает — мы квиты.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Но ты хорош! Надо же, этакую и к себе в дом.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. А ты? Сама за деньгами сходила.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Чтобы ты не отвалил ей триста. А адрес — вот! *(Рвет бумажку на мелкие кусочки.)* И, если еще раз придет, спущу с лестницы.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Или убьешь. Слышали уже. А впрочем, она вполне может придти. Деньги вернуть.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. Да ты что? Такая если и придет, то лишь еще попросить. Хотя вряд ли. Судя по ее виду, адреса ей ни за что не вспомнить.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Нет, память у нее есть.

ВЕРА ФЕДОРОВНА. А ведь на таких все держалось.

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Вернее, такие всех держали. А держалось на таких, как мы. А ну, включи телевизор. Может, кончилось это безобразие?

Вера Федоровна включает. Выступает Брежнев. Он с трудом читает по бумаге.

БРЕЖНЕВ. Дорохие товарищи. В условиях зрелого сыцилизма, мы, продолжая осваивать новые рубежи, идем все дальше от одних очередных храндиозных успехов к друхим...

РУВИМ МОИСЕЕВИЧ. Интересно, и до каких же пор это будет продолжаться?

ВЕРА ФЕДОРОВНА. А до тех пор, пока народ это разрешит.

КОНЕЦ

Марк КОНЯШОВ

СТРАННАЯ ПЭРИ

РАССКАЗ

Пэри лежала на своем коврике, и суетливые перемещения Дмитрия Семеновича по квартире, казалось бы, ее не интересовали. Правда, маленькая надежда еще оставалась. Может, сейчас он найдет то, что ему нужно, то, что он забыл, и тогда снова прозвучит самая любимая команда: "Пэри! Гулять!"За многие годы она хорошо изучила повадки хозяина и точно знала: когда он берет ее на улицу и когда не берет. Они уже выходили, но совсем ненадолго, Пэри только-только успевала сделать свои дела. А Дмитрий Семенович все кружил по квартире, заходил то в одну комнату, то в другую, потом шел на кухню, снова возвращался, понимал, что это глупо, но не мог, не решался уйти. И только когда Пэри прикрыла глаза, Дмитрий Семенович шмыгнул в прихожую."Ну извини, красавица ты моя, днем погуляем подольше, дойдем до самой Сретенки, если захочешь... Ну разве моя вина, ну боится собак эта глупая симпатичная блондинка, боится, и ничего ты с ней не поделаешь... Она собак любит, не может не любить, просто побаивается их немножко, наверняка у нее в детстве были неприятности с каким нибудь бездомным и ненормальным псом".

Пока спускался по лестнице, угрызения совести отошли на второй план, главное: не опоздать. Она приходит в киоск ровно в семь и тратит на все про все не более десяти-двенадцати минут. Сначала купит три свои газеты: "Известия","Московские ведомости","Колобок", потом три-четыре фразы с киоскером: "Как поживает ваша подагра? На кого вы сегодня ставите? Бессмертник для вашей жены я заказала, принесут через пару дней". Две-три фразы с ним: "Ну что, голубчик, я оказалась права! Советую больше со мной не спорить!.. Ах, да, чуть не забыла, вот ваши семена", - она протягивает Дмитрию Семеновичу небольшой пакетик, и не успевает он опомниться и положить пакетик в карман, она уже поворачивает с бульвара на Большую Дмитровку.

Израиль Григорьевич приветливо улыбается и протягивает ему газету, Дмитрий Семенович, в свою очередь, также приветливо улыбается Израилю Григорьевичу: "Дождя, кажется, не будет?"-"Во вторник во второй половине дня обещают". -"Ну, что ж, поживем, увидим".

Появились сразу три покупателя, две девушки и парень. Дмитрий Семенович никогда раньше их не видел, по одежде, по веселому

беззаботному и громкому говору Дмитрий Семенович решил, что молодые люди приехали в Москву откуда-то с юга - из Одессы или Екатеринодара.

Было уже четверть восьмого, но Полина Григорьевна еще не появилась. Дмитрий Семенович присел на скамейку и раскрыл газету."Что ж, посмотрим, чем нас сегодня порадуют. Курс рубля повысился на два пункта. Хорошо... В Ревеле начался ежегодный турнир по лаун-теннису - тоже хорошо... Нижегородская ярмарка приглашает всех садоводов на широкую распродажу малогабаритной сельскохозяйственной техники отечественного производства... В Калуге открывается международный конгресс по проблеме НЛО - интересно, интересно! Новый сезон в Большом театре откроется в этом году на два дня позже - странно, странно, что у них там могло случиться?!"

Да, но что же случилось с Полиной Григорьевной? Ведь они договорились... Полина Григорьевна сама передала через Израиля Григорьевича записочку, в записочке четким почерком, черным по белому написано: "Завтра, если только вы соизволите явиться без собаки, у меня будет полчасика". -"Может быть, заболел кто-то из внучат, жаль, что у него нет ее телефона, давно хотел спросить, но как-то не решался. Знал бы ее телефон, мог позвонить и спокойно все выяснить. Но, увы! Придется подождать еще немного. Что там у нас в Лиге наций?.. Давно пора. Ему эта идея пришла в голову восемь лет назад, а то и больше, зато до них, до умников из Лиги наций, эта идея дошла только что, хотя все проще пареной репы. Да, но если Италию исключить из Лиги, что это даст?! Муссолини от этого не поумнеет, как был придурком, так и останется. Может быть, итальянцам по душе, что у них Дуче - придурок, они ведь тоже себе на уме, считать всех итальянцев простаками глупо. А, вот интересная новость: из тюрьмы в Иерусалиме сбежал руководитель террористической еврейской организации Менахим Бегин, ну, теперь, англичане, держись... Нужно сказать Израилю Григорьевичу, может быть, он еще не знает, что его племянничек на свободе, вот обрадуется!

Постепенно Дмитрий Семенович добрался до шестнадцатой полосы, здесь, на шестнадцатой полосе,"Известия"обычно печатали расширенный некролог забытому ко дню своей кончины политическому деятелю, артисту, ученому, имя которого когда-то в свое время гремело.

Некролог назывался: "Поэт или бандит"за подписью: Карл Радек."Радек? Радек?"Наконец, Дмитрий Семенович вспомнил: "Карл Радек? Кажется, тот самый, довольно известный своим цинизмом большевистский публицист, соратник Ленина, который в один прекрасный момент бросил большевиков и переметнулся к анархосиндикалистам, потом сам основал какую-то партию, потом бросил и

свою собственную партию и объявил себя независимым фельетонистом и взял ернический псевдоним -"Жидовская Морда". Правда, последние три-четыре года его фельетоны Дмитрию Семеновичу не попадались. В свое время поговаривали, что все мало-мальски остро-политические анекдоты сочинял именно Радек! Посмотрим, посмотрим, кого это он решил проводить в последний путь: !"И как не любопытно было Дмитрию Семеновичу это узнать, чтение некролога пришлось отложить.

Часы показывали четверть девятого. Наверняка там что-нибудь стряслось и ждать Полину Григорьевну не имело смысла. Тем не менее Дмитрий Семенович домой решил возвращаться по Большой Дмитровке - а мало ли что? В Столешниковом переулке Дмитрий Семенович зашел в булочную, купил ситник, потом зашел в колбасную лавку. Его встретил хозяин, услужливый добродушный грек Поповадис: "Добро пожаловать, добро пожаловать! Вот ваша ветчина, вот ваша колбаса... Хотите взглянуть? А вот сарделички для нашей красавицы, только вчера получили из Жмеринки". -"Дело в том, что я забыл сумку и мне все не унести", - смутился Дмитрий Семенович."Ничего страшного, ничего страшного, не беспокойтесь! Через пятнадцать минут Гаврила доставит все в лучшем виде, он так любит вашу Пэрочку, но стесняется зайти к вам без повода". По субботам и воскресеньям Поповадис с половины восьмого и до двенадцати обслуживал своих клиентов сам, и все видели, какое огромное удовольствие получает он от своей работы, но лично Дмитрию Семеновичу казалось, что именно с ним хозяин колбасной лавки бывает особенно радушен.

Гаврила, тринадцатилетний сын Поповадиса, явился следом за Дмитрием Семеновичем, попросил разрешения покормить Пэруху, как он называл Пэри; Дмитрий Семенович разрешил, оставил их на кухне, а сам пошел в комнату, уселся в кресло около окна, развернул газету на шестнадцатой полосе и начал читать:

"Третьего дня, за полгода до своего шестидесятилетия, покончил счеты с жизнью Иосиф Джугашвили. Воздадим должное этому странному, несколько несуразному, но по-своему одаренному человеку".

Он родился шестого декабря 1879 года в далеком грузинском городке Гори, расположенном недалеко от Тифлиса. Его мать, красавица Екатерина, уроженка Гори, была прислугой в доме местного князя, отец - Виссарион Джугашвили, уроженец осетинской деревни Дидилило, работал на обувной фабрике в Тифлисе. Надо полагать, работа его была не из легких, ибо Виссарион Джугашвили довольно часто напивался, тогда доставалось и жене, и сыну. Тем не менее Сосо (так называла его мама), маленький хрупкий мальчик, совсем не походил на затравленного волчонка. Он был смелым и ро-

мантичным ребенком, у него был красивый звонкий голос, он часто и с удовольствием пел на берегу Куры для своего друга Петы Капанадзе, того самого Капанадзе, который стал первым грузинским летчиком и вслед за Нестеровым совершил"мертвую петлю". В горийском духовном училище Сосо среди первых учеников, да и в тифлисской духовной семинарии вполне успевал, но по совершенно непонятной причине, буквально за месяц до выпускных экзаменов, Иосиф Джугашвили изгнан из семинарии. По официальной версии у него в комнате нашли запрещенную марксистскую литературу. После изгнания из семинарии след его теряется. Правда, в тифлисских, бакинских и батумских газетах время от времени появляются лирические стихи за псевдонимом Сосело.

Есть все основания предположить, что эти романтические вирши принадлежат перу нашего героя. Но, если соотноситься с книгой"Провокатор", напрашивается другое предположение: мечта маленького Сосо все-таки сбылась, только он стал не абреком - благородным бандитом-одиночкой, а главарем небольшой, хорошо организованной банды, диапазон действий которой простирался от Тифлиса до Еревана. В один из набегов банда попала в засаду, произошла незапланированная схватка с жандармами, Сосо был схвачен, среди жандармов оказалось двое убитых, ему грозила смертная казнь. Следствие вел достаточно проницательный жандармский офицер, он довольно быстро оценил все"плюсы и минусы"молодого и вполне образованного бандита. Еще до того, как Сосо получил прямое предложение о сотрудничестве с охранкой, его перевели к политическим и он как бы естественным манером попал под их отеческую опеку. Не только в царской охранке, и в среде социалистов нашлись светлые головы. Предводители политических в Баиловской тюрьме Курнатовский и Кецховели решили"этого хорошего парня"(характеристика Кецховели) перетащить на свою сторону. Так что судьба благоволила весьма коварному замыслу жандарма. За несколько дней до суда состоялся побег из третьей камеры, и вскоре в большевистском подполье появляется молодой революционер Давид, он же Коба, Нижерадзе, Чижиков, Иванович и, наконец, Сталин. Довольно быстро ему удается сблизиться со Стуруа, Тодрия, Енукидзе, Лакоба, а через них с подпольем в России. Но роль агитатора скоро надоедает Иосифу, и он, вполне резонно, предлагает использовать свой бандитский опыт и связи (для многих жителей грузинских, азербайджанских, осетинских и армянских селений, тифлисских, бакинских, батумских предместий и окраин он попрежнему - главарь банды). Теперь он добывает деньги для революции, делает это с прежней ловкостью, а посему, когда часть из добытых денег прикарманивает, руководители партии закрывают глаза (как-никак экспроприированные денежки обеспечивают их нелегальное житье и на родине и за границей). Иногда его ловят

жандармы, но каждый раз ему удается благополучно бежать. Не будем описывать дальнейшие перипетии продвижения Кобы (Сталина) по иерархической партийной лестнице, скажем только, что к моменту февральской революции и возвращения из эмиграции Ленина через Германию в апреле семнадцатого года в опломбированном вагоне он уже был членом Центрального Комитета. (Если кто-то до сих пор сомневается насчет опломбированного вагона, ваш покорный слуга сей жизненный факт может засвидетельствовать с полным основанием, ибо сам прибыл в кипящую революционную Россию в том же вагоне.) Но во время октябрьского переворота случилась непонятная история. Коба исчез и пропадал три дня, в Смольный институт заявился только 28 октября. Его обвинили в трусости, и он не мог или не хотел сказать что-либо в свое оправдание, был выведен из ЦК, и лишь заступничество Ленина спасло Кобу от позорного изгнания из партии большевиков. Больше того: Ленин настоял, чтобы его оставили работать в аппарате ЦК. Неизвестно, как сложилась бы политическая карьера Джугашвили в дальнейшем, не убей эсерка Елена Шнейдер Ульянова (Ленина) на другой же день после разгона большевиками Учредительного собрания, в самом начале 1918 года. Дело в том, что Коба оказал Владимиру Ильичу в июле семнадцатого года неоценимую услугу, когда правительство Керенского объявило Ленина немецким шпионом. Были какие-то намеки на прямые доказательства, были свидетели, готовые подтвердить, что большевики на деньги, полученные от немецких агентов в Петрограде, подкупали рабочих и солдат и подстрекали их к беспорядкам. До поры Владимир Ильич на все это плевать хотел, находился в хорошем расположении духа и даже собирался явиться в суд (на чем, кстати, настаивали некоторые члены ЦК, в том числе и Сталин). Но тут Владимир Ильич получил информацию, что у меньшевика Чхеидзе имеются неопровержимые доказательства, чуть ли не копия соглашения, а точнее, обязательств большевиков на случай успешного захвата ими власти в России, выданных самому Вильгельму; и что Чхеидзе со дня на день опубликует эти материалы в своей газете. Тут Владимир Ильич по-настоящему сдрейфил. Не знаю откуда, через кого ему стало известно о приятельских отношениях Кобы и Чхеидзе (может быть, Коба сам предложил свои услуги), зато знаю точно, что Ленин обратился к Сталину с просьбой поговорить с ретивым меньшевиком. Каким образом - по дружбе или под угрозой расправы, Коба сумел уговорить приятеля, и злополучные материалы не только не увидели свет, но и совсем исчезли из исторического обращения.

Последнюю точку в политической карьере Иосифа Виссарионовича Джугашвили поставил Владимир Львович Бурцев. В июле 1918 года знаменитый изобличитель Азефа опубликовал очерк"Российские провокаторы". В этом очерке автор отводит Ста-

лину третье (призовое) место вслед за Азефом и Малиновским, и добавляет еще две, до сих пор неизвестные кликухи большевистского экспроприатора: Пастырь и Шашлычник. По утверждению уважаемого Владимира Львовича, этимология и того, и другого псевдонима явно свидетельствуют об уголовном прошлом. Здесь же Бурцев напоминает, что их собственные пути-дороги пересекались всего один раз и сей факт вполне мог стоить ему (Бурцеву) жизни.

В Туруханский край Владимир Львович прибыл в разгар лета 1915 года по этапу. В селе Монастырском уже давным-давно (с тринадцатого) квартировали Свердлов и Сталин. Не успел он оклематься и обнюхаться в селе Монастырском, его внезапно отправляют дальше, в село Бугучанское. Исправник, который сообщил Бурцеву о переводе, в порыве откровенности сказал (видать, проникся симпатией), что тюремное начальство тут ни при чем, приказ получен сверху, но, может быть, это к лучшему. Есть тут один опасный человек; ему (исправнику) еще в прошлом году стражник Мерзляков рассказал, что по наколке этого человека (а с Мерзляковым они кореша) годом раньше был утоплен в Енисее один ссыльный большевик по кличке Инок (фамилию стражник забыл, помнит только, что двойная). Позже Бурцев узнал: Свердлов и Сталин прибыли в Туруханский край вместе зимой 1913 года. Первой их остановкой был станок Костино, всего на пять изб, потом они перебрались в село Курейка. Вскоре, по просьбе Свердлова, его переводят в село Монастырское, а Сталин остается в Курейке. Через некоторое время сюда доставляют большевика Иннокентия. Стражник Мерзляков оказался, на поверку, доверенным человеком Сталина, на его имя (для Сталина) приходят из России денежные переводы, и вполне регулярно. Между Иннокентием и Сталиным произошли две разборки (тет-а-тет), и неожиданно Сталина переводят в Монастырское, а через три дня после этого в Енисее обнаруживают утопленника - Инока. От знакомых большевиков Бурцев узнал, что Иннокентий возглавлял одну из самых крупных нелегальных организаций в России, которую жандармы довольно долго пасли с помощью нескольких провокаторов, среди коих оказалась и любовница самого Иннокентия. Работая в начале восемнадцатого года в архивах жандармского отделения, Бурцев получил подтверждение своим догадкам и подозрениям. Тем не менее в конце очерка он предостерегал и большевиков, и другие партии от расправы с бывшими предателями и провокаторами, потому как теперь они не представляют никакой опасности. (По его мнению.)

Несколько лет после появления очерка о Джугашвили ничего не было слышно, только одна моя знакомая со слов своей знакомой говорила мне, что он жив-здоров, живет отшельником, что-то пишет, единственное развлечение - рыбалка, довольно часто, кроме соб-

ственного улова, на столе у него ничего не бывает, если не считать двух-трех бутылок дешевого грузинского портвейна.

Но вот в 1929 году появляется новый перевод"Витязя в шкуре барса", автором которого оказался Сосело (Иосиф Джугашвили). И хотя критика отметила определенные реминисценции из Бальмонта, автору перевода воздавалось должное за нетрадиционный взгляд на поэму Руставели. Ровно через год, а именно в июле 1930 года, во Франции на русском языке тиражом полторы тысячи экземпляров вышла книга"Провокатор", где подробно, как бы с нарочито канцелярской тщательностью, излагалась опись террористической деятельности большевиков между 1903 и 1914 годами. Книга была написана от имени, от первого лица видного и хорошо осведомленного террориста - некоего Абрама Ривкинда. Однако многие увидели в герое книги именно Кобу. Да и сам автор нисколько не заботился о сокрытии подлинного прототипа. Но сенсации не произошло. К этому моменту большевики почти полностью утратили свои позиции в правительстве и в Думе. Тем не менее стоит привести некоторые выдержки из книги, чтобы убедиться, насколько простодушен и одновременно дерзок ее истинный автор.

"*...Меня часто упрекали в излишней жестокости. Кое-кто из слишком интеллигентных революционеров полагал, что революцию можно делать в белых перчатках. В подтверждение моей жестокости приводились один или два факта. Как-то я заподозрил товарища, члена боевой группы, и на это были причины. Я попросил своего помощника Гиви устранить предателя, хотя знал о их дружбе. Через полгода я признался Гиви: произошла ошибка, и Авель ни в чем не виноват. Гиви долго смеялся, смеялся и одновременно плакал, я видел на его щеках слезы. В порыве откровенности Гиви признался, что не выполнил моего приказа и как хорошо все обошлось. Этот презренный тупица наверняка ожидал моего одобрения, но ничего такого в моих глазах не обнаружил. Он перестал смеяться и вытер руками слезы. В тот день я ничего ему не сказал. Пока я думал, как с ним поступить, Гиви сбежал, и только через пару месяцев мне принесли письмо со штемпелем города Цюрих. Письмо адресовалось одному из членов нашей организации. Гиви пишет, что в моем"рысьем"взгляде увидел угрозу и решил не искушать судьбу. И потом этот подлый трус никак не мог успокоиться, перебрался в Америку, откуда строчил по три-четыре письма в год, и все письма о моей кровожадности. Он же припомнил и другой случай, когда мне пришлось пристрелить тяжело раненного товарища. Но раньше особой сентиментальностью Гиви не отличался и мой поступок не вызвал в нем ничего, кроме восхищения. Мы попали в западню и, если бы пытались спасти товарища, наверняка погибли бы сами. А того в любом случае*

ждала виселица. Можно сколько угодно кривить губы в гадливой презрительной усмешке, но, уважаемые господа, прежде чем съесть шашлык, нужно зарезать барашка, сколько бы ни проливалось слез до и после необходимой экзекуции. И не думайте, что другие глупее вас и не понимают значение кое-каких фактов своей биографии - факты упрямая штука, а не ошибается только тот, кто ничего не делает. Кроме всего остального: ваши светлые теоретические головы не могли допустить, что рядом существуют другие, совсем не такие, как вы. Что этим, не таким; как вы, некоторые ваши бредовые революционные идеи совсем не по душе. Что они помалкивали до времени и занимались грязной работой не ради вашего благополучия или благополучия ваших шлюх. Пока вы были еще нужны, но потом вам пришлось уступить и уйти в тень или совсем уйти".

Надеюсь, читатель вполне сможет оценить эти откровения, и даже допускаю мысль: когда писались приведенные выше строки, перед глазами автора, как и в детские годы, предстал бесстрашный Коба, герой повести Александра Казбеги, который всю жизнь боролся с полицейскими и чиновниками, скупыми и сладострастными князьками, царским самодержавием. А наш Коба к этому списку добавил бы еще этих чистюль, не в меру заносчивых врагов революционеров. Как бы там ни было, книга написана, и, хотя Абрам Ривкинд (он же Иосиф Сталин), явно не претендует на славу Александра Казбеги, все точки над"i"расставлены, и вся желчь, вся досада обрели, наконец, сосуд для вечного хранения.

Спустя еще несколько лет Сосело выпустил сборник стихов"Черные ласточки"(1932 г.), затем"Око за око"(1934 г.) и"Будь мужчиной"(1937 г.) - сборник детских стихов, даже не детских, скорее, сборник стихов - воспоминаний о детстве. Все три сборника были изданы на средства автора, каждый тиражом не более трехсот экземпляров. Появление этих сборников особого трепета у читающей публики не вызвало, хотя по поводу одной романтической поэмы произошел спор между двумя известными поэтами - Николаем Асеевым и Сельвинским Ильей. Поэма воспроизводила сказку о Великом Амирани. Однажды Амирани погнался за Черным Драконом, который похитил солнце. Он бился изо всех богатырских сил, и все-таки Дракону удалось проглотить великана, но Амирани не погиб, алмазным ножом он рассек живот Дракона, и солнце, как прежде, засияло людям. Но на этом сказка об Амирани не кончается. Злые духи ему отомстили. Они приковали его к железному столбу, и самая высокая гора накрыла его тяжелой снежной шапкой. Верный пес Курша лижет цепи, и они становятся все тоньше и тоньше. Амирани напрягает все свои силы и разрывает цепи, но, увы, не успевает он вырваться из цепей, как цепи срастаются вновь. И так из года в год.... Асеев

усмотрел в поэме склонность автора к мазохизму, Сельвинский же наоборот - пост-фрейдистские тенденции, хотя оба критика сошлись в одном: основным изъяном собственного творчества Василия Сосело (псевдоним поэта) они признали упорное его стремление писать стихи на русском языке, притом что думать он продолжал все-таки по-грузински. Мне лично запомнились строчки из последнего сборника.

Что проку переплыть ленивую Куру,
То ли дело Лиахви, она сшибает тебя,
Как Арагви, уносит из-под твоих ног камни,
Но ты держишься, ты не сдаешься, ты чувствуешь себя
Настоящим мужчиной. Ваша! Ваша! Ваша!

И вот печальное известие. Но прежде чем сказать: мир праху твоему, странный, так и не понявший себя человек, хочу добавить одно личное воспоминание. На следующий день после похорон Владимира Ильича Ленина в одном из коридоров Смольного института меня остановил Иосиф, как-то почти нежно дотронулся до моего рукава и произнес без своей обычной лукаво-ленинской интонации: "Знаешь, Карл Бернгардтович, после моей смерти напишут много всякой чепухи, чиркни и ты пару строк, ты хоть и еврей, но хороший человек, и я тебе доверяю". Честно сказать, в тот момент его словам я не придал никакого значения, меня несколько смутило его обращение по отчеству, но не более того, и вспомнил я этот эпизод только третьего дня, когда мне позвонили и сказали, что Сосело (Сталин) наложил на себя руки.

Злые языки говорят... впрочем, какая разница, что говорят злые языки. Вспоминаю прожитое, и теперь мне кажется: за его простой и нарочитой грубостью скрывалось нечто нежное и мистическое, так никогда и не проявившееся, что-то такое, к чему он предназначался судьбою и что оборвалось и отныне останется тайной".

От редакции: похороны Иосифа Джугашвили состоялись на Минаевском кладбище. Проводить в последний путь одинокого, почти всеми забытого поэта, к вящему удивлению вашего корреспондента, собралось довольно много народу, в основном литераторы, и среди них: Владимир Маяковский, Борис Пильняк, Марина Цветаева, Николай Клюев, Осип Мандельштам, Сергей Есенин и другие, а под самый конец панихиды подоспели Михаил Булгаков и Борис Пастернак... Из товарищей по партии пришел, кажется, один Каганович".

Дмитрий Семенович еще раз перечитал строки от редакции, прикрыл глаза и задремал. Дочитал страницу, и глаза смежил, и увидел Ниццу, дом, где жил милый сердцу пуританин (детства друг Андрей Потанин).

Разбудил Дмитрия Семеновича телефонный звонок: "Это я - Полина!"На улице, на воздухе голос у нее звучит совсем по-другому, и если бы она не назвала себя, он скорее всего не узнал бы ее."Ты прочитал газету?! Ну, конечно, прочитал! А что же тебе еще делать, внуков-то у тебя нет".

Да, это была она. Тот же напор, та же нарочитая резкость. Но голос совсем молодой, звонкий."А знаешь, я была любовницей этого Сосо... Джугашвили. В одна тысяча девятисотом году. И первый день, первую ночь двадцатого века он встретил в нашей семье, в Батуми..."

"Зачем она мне все это говорит?"- подумал Дмитрий Семенович, повесил трубку и посмотрел в окно. На улице шел дождь. Он постоял немного, глядя в окно, а когда снова сел в кресло, поймал укоризненный взгляд Пэри."Вот видишь, -говорили ее глаза, - на улице идет дождь, и наша прогулка опять откладывается".

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС
(ЛИТВА)

ХАЗЫ

Хазы - ноты средневековья.
Солнце заходит - исходит кровью.
Это в ущельях - рыданье вдовье.

1

Не плачь, Армения! Не то
И я ударюсь в слезы.
И на моем дубу листов
Немало сбили грозы.

Валялись ветки на земле,
Вершину гнуло к плахе.
А как он пышно зеленел
На европейском шляхе!

Давай встречать с тобой весну;
Забудем эту муку.
Тебе я лиру протяну,
А ты подай мне руку.

Мы братья - словно два крыла -
И в горе, и в веселье.
Не вся ты кровью истекла;
С троянских войн доселе

Полна, как прежде, до краев
Душа твоя живая.
А плачет - прошлое твое:
В нем рана ножевая.

2

Не плачь, Армения, минором Комитаса.
Твой плач мне сердце беспощадно рвет,
Смотри: еще и солнце не погасло,

И жив, как прежде, древний твой народ.

Конечно, если бы собрать все жертвы
Гулявших век за веком здесь ножей,
То Арарат, огромен и божествен,
Предстал бы холмиком. А кровь всех этих жертв!..

О если бы к глубокому Севану
Однажды притекла вся эта кровь -
Растекся бы Севан по Айастану,
Мгновенно выйдя вон из берегов.

О если б крик всех боен взвился разом,
То голос мог бы небо расколоть,
И помутился бы предвечный разум,
И возрыдал бесчувственный Господь.

Не выдержать боишься, сердце? Что ты?
Но этот шквал не устает метать,
Как острые ножи, мне в сердце ноты,
Которыми стенает Комитас.

3

Но если бы слова Месропа,
Горючий плач Нарекаци,
Саят-Новы златую россыпь,
Айрен, глубокий, как Коцит,

Если стихи Исаакяна,
Севака (он мне был как брат),
Слог Туманяна златотканый -
Да, если это все собрать,

То блеск их ослепит громадой.
Они - как солнца ярый диск.
Величье слов - сильнее ада;
Гордись, Армения, гордись!

Ты можешь смело их очами
Глядеть вперед. Переиначь
Былое - в новое начало.
Не плачь, Армения, не плачь.

Перевод с литовского Феликса Фихмана.

Александр ВАЙНШТЕЙН
(Москва)

Угол зренья сменив на квартирный свой угол,
Заведя для зажима вещей центрифугу,
Простирав впечатленья от жизни сутяжной,
Начинаешь от зависти смахивать к другу
Угловые вопросы, как ворох бумажный.

Пятикнижье углов, талмудический выступ,
Размахнувшись, бросаясь, как рота на приступ
Неизведанных сонных артерий крутых,
Обращаясь по поводу боли к дантисту,
Угловые ответы ты ждешь от святых.

Но судьба семиструнна и невыразима,
Тишина - это все, что она исказила,
Обозначив своим транспортиром углы.
Начинай, все зависит от действия, сила
Отдана Моисею у входа скалы.

Пятикнижье - оптический конус движенья,
Угол зренья - всего лишь начало скольженья,
Начинай узнавать слово высших стихий,
Размахнувшись, бросаясь на каменный выступ,
В Вавилонский Талмуд запечатай стихи!

1992

Лия АРОНОВИЧ
(ДЗЕРЖИНСК)

РАКОВИНА.

...теперь я знаю,
что есть горизонт
и мы на краешке живем
раскрытых створок...
пусть дольше не зашторивает тьма
разорванные светом половинки

***

Стихий небесных и стихий земных
недобрые, неправедные тропы -
не вдруг поймешь,
что близок Арарат
и есть в конце концов
конец потопа,
и есть начало новым городам,
но все придется начинать сначала...
- а кто об этом думает,
когда,
земля тверда,
исчезли холода
и в океане
больше не качает.

Эли ВИЗЕЛЬ

ИОВ, ИЛИ РЕВОЛЮЦИОННОЕ МОЛЧАНИЕ

Когда-то, где-то в далекой стране жил человек, правдивый и мудрый, смиренный и милосердный. Его богатство и добродетельность вызывали зависть на Небе и на земле. Звали его Иовом.

Наш предшественник или современник, этот герой нам знаком. Его испытания и трудности прочно вросли в наше время. Мы узнаём его историю, потому что сами ее пережили. В трудные минуты это его словами мы говорим, чтобы выразить гнев, протест или покорность. Он стал частью нашего искалеченного внутреннего мира.

Иов: миг беспредельного стремления; отсвет тоски, подавленный, но не до конца задушенный крик, готовый прорваться в нас; тысячекратно разбитое зеркало, отражающее одиночество, которое граничит с безумием.

В нем соединяются легенда и правда, слово и молчание. Его правда соткана из легенд, его слова вскормлены молчанием.

Когда мы пытаемся рассказать о собственной судьбе, то всегда рассказываем о его судьбе. Мы сами выстрадали и на своем опыте зла и смерти познали правдивость легенд о нем и его слов, казавшихся фантомами. Пожар, который сжигает человеческие леса, сообщая им неземную красоту и таинственность, ослепляет нас так же, как его.

В нем мы находим одинокую душу Авраама, испуганную душу Исаака, страдающую душу Иакова. Когда автору *мидраша*[*] не хватает примеров, он всякий раз независимо от темы вспоминает Иова - и это всегда уместно.

Он напоминает Авраама: трагедия каждого из них порождена, по видимости, произвольно назначенными им испытаниями. Но, в отличие от Авраама, ему удается сохранить тонкое чувство юмора. И еще: в отличие от Авраама, его история целиком определена легендой, до такой степени, что легенда ставит под вопрос само его существование.

Начнем сначала.

***

Однажды... Когда однажды? Неизвестно. Иезекииль упоминает его имя между делом, рядом с именами Ноя и Даниила: был ли он

---

[*] Из книги “Весть Библии. Портреты и легенды.”

Мидраши - толкования Библии, созданые в талмудическую эпоху (4 - 7 вв. н.э.)

современником одного из них? Возможно, но его связывают также и с временем Авраама, Иакова, Моисея, Самсона, Соломона, Артаксеркса, вавилонского изгнания. Тогда он должен был бы жить не двести десять, а более восьмисот лет.

Удивительно, что он, не знавший никакой страны, кроме собственной, - созданной легендой - как будто бы жил во всех странах; он, возможно, никогда не рождавшийся, словно стал бессмертным.

Понятно также, что он привлекал бесчисленных рассказчиков и комментаторов на протяжении многих веков.

Количество свидетельств о его рождении увеличивается. Он, не имевший гражданства, кажется, принадлежит ко многим народам и многим эпохам. Он, не признает географию и хронологию. Был ли этот первый гражданин мира евреем? Возможно, хотя и маловероятно. Согласно большинству текстов, все же нет. В этих текстах говорится о его характерных чертах, о его добрых делах, которые позволяют считать его пророком или *праведником народов мира.* * Те, кто настаивают, что он был евреем (полагая, что персонаж такого масштаба никем иным быть не может), составляют незначительное меньшинство. Кроме того, некоторые считают, что он был египетским чиновником высокого ранга при дворе фараона, коллегой Валаама и Иофара. Когда фараон задумался о том, как решить еврейский вопрос, Иофар высказался в пользу просьбы Моисея - отпустить его народ. Валаам был против. Когда же спросили Иова, он отказался высказаться, предпочитая нейтралитет; он молчал - ни за, ни против. Этот нейтралитет, это молчание - говорит мидраш - и навлекли на него в будущем страдания. Во времена испытаний и опасности никто не вправе выбирать осторожность и уклончивость. Когда в опасности жизни человеческого сообщества, нейтралитет преступен.

Эта легенда, конечно, была создана для оправдания будущих мучений Иова: если нет преступления без наказания, то нет и наказания без преступления.

Такое объяснение неубедительно: как можно обвинять Иова в безразличии к преследованиям евреев, если сам он евреем не был? Ответ: даже если он не был евреем по рождению, то он принял еврейство. Иначе говоря, он был очень тесно связан с евреями. Согласно некоторым источникам, он был женат на дочери Иакова Дине. Апокрифический текст "Завещание Иова" указывает, что Дина была его двоюродной сестрой, так как он сам был сыном Исава. Но

---

* *Праведники народов мира* - понятие, использовавшееся в раннем раввинистическом иудаизме для обозначения тех неевреев, которые должны были иметь долю в грядущем мире. Предполагалось, что они исполняют некоторый минимум предписаний.

как же ему удалось проникнуть во дворец египетского фараона? Вероятно, ему оказал поддержку двоюродный брат Иосиф, знаменитый премьер-министр. До тех пор, пока Иосиф мог его защищать, он был в безопасности. Положение Иова, вероятно, пошатнулось, когда из-за Моисея в стране стали возникать трудности, и это объясняет, почему во время обсуждения вопроса об освобождении евреев он предпочитает не высказываться и не вмешиваться в принятие решения. Выбрав эту позицию, он становится виновным и заслуживает наказания.

Но это опровергается другой легендой, которая изображает Иова благополучным жителем земли Ханаан, куда он пришел задолго до евреев. Он умер в тот самый день, когда туда проникли разведчики Моисея. Потому-то страна и показалась им унылой и пустынной: все жители отправились хоронить своего князя, славного Иова. Следовательно, разведчиков несправедливо обвинили и наказали. Ведь они не оклеветали и не оболгали Обетованную землю, они лишь рассказали то, что видели: улицы пустынны, дома заброшены, люди в слезах. А виноват в этом Иов. Он мог бы умереть в другое время и в другом месте.

Странно, что Моисей об этом не знал. Разве он не был пророком, притом самым великим из всех? Разве он не понимал, что надо отложить отправление разведчиков, послать их позже или раньше? И вообще, не он ли считается автором Книги Иова (хотя и написанной без божественного вдохновения)? Он должен был знать все о своем герое. В его защиту надо сказать, что уследить за Иовом не так-то легко: он все и повсюду одновременно. Его можно назвать героем в поисках идентичности. Если его перемещения по векам и странам еще не окончательно нас запутали, то можно вспомнить рабби Шмуэля, сына Нахмана, который утверждает, что Иова попросту вообще никогда не было: он только символ, притча. И это еще не все ожидающие нас сюрпризы. Сама идея поэтического вымысла развивается в разных направлениях. Одни утверждают, что Иов очень даже существовал, но все его страдания - вымысел. На что другие возражают: Иов никогда не существовал, однако несомненно страдал.

***

Поговорим об этом страдании, без которого его жизнь была бы вполне банальной. Кто этого не помнит? Иов является вначале как человек вполне благополучный - богатый, гостеприимный, влиятельный, имеющий отличную репутацию как среди сограждан, так и заграницей. Все, чем он владел, было приобретено честно. Его дом, открытый с четырех сторон, так что каждый проходящий нищий мог сразу же войти и наесться, напоминает нам об Аврааме. Бедные

кочевники земли Уц знали только Иова, посещали только его дом, самый гостеприимный, самый привлекательный и единственный в своем роде: ведь туда сходились люди со всего мира. Иов никого не отсылал прочь, никому ни в чем не отказывал. Он подавал, не унижая; подавая, он дарил часть самого себя, и ничто не доставляло ему большей радости. Не было больного, которого он не попытался бы вылечить; не было вдовы, которую он не постарался бы утешить. Он не жалел времени, помогая бедным, людям, менее удачливым, чем он сам.

Был ли он счастлив? Он не жаловался. Да, в сущности, ему не на что было жаловаться. У него была жена, семеро сыновей и три дочери, а также огромное имение, размером с царство. Он был настолько занят добрыми делами, настолько увлечен гражданской деятельностью, что, естественно, несколько запустил воспитание детей. Они участвовали слишком во многих пирах, так что ему приходилось просить за них у Бога прощения.

Все это мы знаем из мидраша, а также из самой Книги Иова, которую Рабби Йоханан не мог читать без слез, ибо в ней его задевала имманентная и трансцендентная несправедливость по отношению к человеку: Иов, друг людей, которого испытывает Бог, не заслуживает такой кары. В прологе книги описана его катастрофа, которая разворачивается с головокружительной быстротой. Он почти одновременно теряет состояние, имущество, детей, друзей и все стимулы продолжать жизнь. Ряд жестоких ударов, череда несчастий. Один за другим являются вестники с короткими, сухими сообщениями, постепенно и систематически навязывая ему роль жертвы, падающей в пропасть. Не дающее передышки описание, скупое и реалистичное. Один вестник еще говорит, но уже другой начинает свой рассказ: "Огонь Божий упал с неба, и опалил овец и отроков, и пожрал их; и спасен только я один, чтобы возвестить тебе"(Иов 1: 16). Или : "Халдеи...бросились на верблюдов, и взяли их, а отроков поразили острием меча; и спасся только я один, чтобы возвестить тебе."...Приходит другой и сказывает: "Сыновья твои и дочери твои ели и вино пили в доме первородного брата своего. И вот большой ветер пришел от пустыни, и охватил четыре угла дома, и дом упал на отроков и они умерли; и спасся только я один, чтобы возвестить тебе."(Иов 1: 17 - 19).

Иов не задает вопросов вестникам несчастий, не задает их и себе самому. Он не сомневается в правдивости сообщений. Не говорит себе, что столько бед не могут поразить сразу одну семью, не утешается сомнениями, не считает, что все это невозможно, невероятно, что где-то должна быть ошибка. Нет, он верит. Он все принимает. Он *знает*, что вестники не солгали. И действует соответствующим образом.

Он разорвал на себе одежду, остриг волосы в знак скорби, но не жаловался, не протестовал. Он заболел, и ему становилось все хуже: его тело покрылось отвратительного вида болячками и язвами, но он по-прежнему не протестовал. Жена побуждала его к богохульству, но он не слушал. (Великодушный мидраш рисует более привлекательный образ жены: она жертвует собой, любовно и самоотверженно ухаживая за ним.) Дорогие, близкие друзья приходят навестить его, притворяясь, будто хотят утешить, Именно они заставляют его расстаться с иллюзиями относительно божественной справедливости и человеческой дружбы. В первый раз он начинает говорить. Он испускает крик проклятия: "Погибни день, в который я родился...день тот да будет тьмою...Ночь та, - да обладает ею мрак, да не сочтется она в днях года!"(Иов 2: 3, 4, 6) И затем он бросает Небу вечный вопрос гонимых: За что? За что меня? Почему сейчас? В чем смысл наказания, посланного праведнику? Что делает Бог и где Его справедливость?

Иов, так же как и мы, знает, что он ничем не согрешил, что ему не в чем себя упрекнуть, - тем более нам или Богу. Как и мы, Иов знает, что всю жизнь он исполнял божественную волю, боясь и любя Бога; он не нарушил накакого закона, не преступил никакой заповеди. Да и мидраши неизменно восхваляют и прославляют его. Некоторые даже сравнивают его с величайшими из наших предков. По мнению одного автора, самостоятельно открыли Бога четверо из них: это Авраам, царь Езекия, Иов и Мессия. Чего только ни написано о Иове! Например, что он родился обрезанным, что уже при жизни наслаждался плодами и радостями рая. Что, будучи *праведником народов мира*, он пытался через свое страдание спасти человечество. Итак, Иов - другой Мессия, занятый искуплением неевреев... Ему приписывают особую силу. Раздаваемая им милостыня становилась проводником и источником благословения: всякий, получавший хоть одну монету, становился богачом. Значит, Иов был чудотворцем? Возможно. Мидраш рассказывает, что в царстве Иова ему подчинялись даже законы природы, слабые не боялись сильных, овцы господствовали над волками. Этого удивительного человека царь Соломон включает в число семи отцов человеческого рода. Более того, его имя едва не попало в наши молитвы. Один из мудрецов утверждает, что, если бы не его гнев, мы взывали бы к Богу Авраама, Исаака, Иакова и Иова. Мы обращались бы и к нему тоже, просили бы о его заступничестве перед Богом, чтобы Он не отворачивался от Своего народа. Но тогда почему он был наказан? Чем этот пророк, судья, заступник обиженных, защитник сирот заслужил такую тяжкую судьбу? Кто или что навлекло на него эти мучения?

Мидраш задается этими вопросами независимо от истории Иова, потому что"случай Иова"возник еще до самого Иова. Авраам не

грешил и, однако, подвергся испытанию. Сопоставление с Авраамом представляется умышленным, и оно повторяется многократно. Оба они добры и милосердны, оба страдают. Обращаясь к Богу и задаваясь вопросом о Его непостижимых путях, они пользуются почти одинаковыми словами. Авраам говорит о Содоме и Гоморре; Иов - о самом себе. Авраам просит о спасении человеческого сообщества, целого города; Иов хочет осмыслить собственное несчастье. Авраам пытается предотвратить; Иов обвиняет. В этом разница между Авраамом и Иовом. Авраам спорит с Богом, защищая интересы других; в отличие от него, Иов восстает против несправедливости, когда она затрагивает лично его. Неужели он наказан за это?

Возможно, сопоставление с Авраамом задумано для утешения Иова. Создатели мидраша словно бы говорят ему: "На что ты жалуешься? Твой случай не единственный. Думаешь, тебя одного Бог заставил дрожать? Есть, по меньшей мере, один прецедент. То, что происходит с тобой, уже происходило с другим, причем с человеком более великим - с Авраамом. И он покорился божественной воле..." Жалкое, примитивное утешение, однако часто эффективное: больному становится легче (или только так кажется), когда он узнает, что страдает не он один. Но Иов мог бы возразить: "Какое мне дело? Новый мой случай или старый - это не меняет моих вопросов; повторение зла не может служить извинением. У каждого человека личный опыт страдания, и каждый должен создавать собственное оружие, иначе он сойдет с ума". Еще Иов мог бы сказать: "Трагедию одного человека можно связать с трагедией другого или других, но это ее не объясняет и, конечно, не оправдывает..." Но Иов ничего не говорит. Он ничего не опровергает. Так рассуждает за него мидраш.

Рассказ: когда Рабби Йоханан бен Заккай потерял сына, ученики пришли его утешать. Рабби Элиэзер напомнил ему, что то же несчастье поразило и Адама, который сумел преодолеть боль. Рабби Йоханан бен Заккай ответил: "Разве мне не довольно собственных мук? Зачем ты добавляешь к ним муки Адама?" Тогда Рабби Иегошуа напомнил ему об испытаниях Иова, который позволял себя утешать. Но Рабби Йоханан бен Заккай ответил: "Разве мне не довольно собственных мук? Зачем ты добавляешь к ним муки Иова?" Тогда Рабби Йосе напомнил ему о трагедии первосвященника Аарона, который видел гибель двух своих сыновей, однако подавил боль и молчал. И Рабби Йоханан бен Заккай ответил: "Разве мне не довольно собственной боли? Не добавляй к ней боль Аарона!"

Нет, трагедии, следуя друг за другом, друг друга не отменяют; напротив, они разрастаются и увеличиваются, с каждым разом становясь все более несправедливыми. Конечно, каждый человек страдает в одиночку, он одинок в своем страдании, но в то же время никто

не страдает один, если его страдания соединяют его с другим человеком. Страдание порождает только новое страдание, всегда более тяжелое, более глубокое, более мучительное. Иначе говоря, муки Иова, даже если они напоминают муки Авраама, даже если их повторяют, не могут быть ими объяснены. То обстоятельство, что испытания Иова имели прецедент, не означает, что в них есть какой-то смысл. Здесь еврейские представления отличаются от буддистских: соединение индивидуальной боли с космической не решает проблему, а напротив, ее усугубляет. Именно в этом проявляется ее универсальность. Всякий человек - одновременно начало и конец, именно поэтому он заслуживает ответа, а не утешения, если только само утешение не есть ответ.

***

Попытку дать ответ мы находим в книге Иова, уже в шестом стихе. Мы сразу же узнаем, что виновник - Сатана, один из *бней-Элогим* (сынов Божьих, близких к Престолу), которого особенно интересуют земные дела. Бог слушает его впечатления о путешествии.

Извечный подстрекатель человека против Бога в этой сцене подстрекает Бога против человека. Это он провоцирует Бога, так что верность Иова становится одновременно и орудием, и ставкой в игре.

Иов оказывается полем сражения, живым примером, предметом спора, приводящего к грандиозным и - как ни страннно - неожиданным последствиям.

Разговор между Богом и Сатаной звучит миролюбиво, дружелюбно: "Обратил ли ты внимание свое на раба Моего Иова? Ибо нет такого, как он, на земле; человек непорочный, справедливый и удаляющийся от зла. "И отвечал Сатана Господу: "Разве даром богобоязнен Иов? (Иов 1: 8-9) Он добр, потому что Ты добр к нему, милостив, потому что Ты милостив к нему. У него ни в чем нет недостатка. Но встряхни его немного, заставь его страдать, и мы увидим его истинное лицо..."Так Иов становится предметом сверхчеловеческого, нечеловеческого спора, главным действующим лицом в игре, исходные данные и правила которой ему неизвестны, а смысл непонятен. Он не знает и не может знать, что происходит вокруг него. Он чувствует, как его тянут и швыряют в разные стороны, но не понимает, что это соответствует каким-то планам. Поначалу он даже спрашивает себя, не стал ли он жертвой ошибки, ужасного недоразумения.

Согласно легенде, совершенно ошеломленный Иов обращается к Богу и говорит: "Господин Вселенной, возможно ли, чтобы перед Тобой пронеслась буря, так что Ты перепутал слова *Иов и Ойев* (враг)?"

Как ни странно, из всех заданных Иовом вопросов ответа удостоился только этот.

Бог прорычал сквозь бурю: "Возьми себя в руки, человек, и слушай. Я создал много волосков на человеческой голове, и каждый имеет свой корень. Я не путаю корни, как же мог бы Я спутать слова *Иов и Ойев*? Я создал много капель, составляющих облака, и каждая имеет свой источник. Я не путаю ни капли, ни облака, как же мог бы Я спутать слова *Иов и Ойев*? Я создал много молний на небе и прочертил для каждой ее собственный путь. Я не путаю молнии, как же мог бы Я спутать слова *Иов и Ойев*? И еще знай, что дикая коза жестока к своим детям: чтобы родить их, она забирается на очень высокую скалу и бросает их оттуда в пропасть. Поэтому Я приготовил орла, чтобы он ловил их на свои крылья. Но если орел прилетит на мгновенье раньше или позже, малыши разобьются о землю. Я не путаю ни мгновения, ни молнии, ни капли, ни корни, и ты спрашиваешь, не путаю ли Я слова *Иов и Ойев*, Иова и врага?"

Неужели Иов и вправду так наивен, что думает, будто Бог путает слова? Его вопрос - провокация. Своей явно неуместной дерзостью он хочет раздражить Бога, вынудить Его оправдаться за свои действия хотя бы задним числом. Раз уж он все равно страдает, пусть это по крайней мере будет обоснованно; Иов хочет, чтобы его страдание было мотивированным, а не беспричинным, случайным. Иначе говоря, он предпочел бы быть виноватым. Будучи невиновным, он остается в неведении, а если бы был виноват, то его опыт имел бы какой-то смысл. Он охотно отдал бы душу за знание. Он просит не счастья и не возмещения ущерба, а ответа - любого ответа, который ясно показал бы ему, что человек не игрушка, что он определяется лишь отношением к самому себе. Он потому-то и восстает против Бога, что хочет вновь Его найти, встретить Его лицом к лицу. Для того он и бросает Богу вызов, чтобы ближе к Нему подойти. Чтобы услышать Его голос, если даже этим он навлечет на себя проклятие. Лучше Бог жестокий и несправедливый, чем безразличный.

Более того, Иов нуждается в Боге, потому что чувствует себя покинутым людьми. Жена подталкивает его к решению для слабых - к отрицанию и отречению. Друзьям нечего предло-жить ему, кроме жалости, нечего противопоставить ему, кроме недоверчивости: они готовы признать, что он страдает, но все же не так сильно, как показывает. Они считают, что Иов неправ, он не должен воспринимать все столь трагично, целиком отдаваться своему горю. Возможно, он вдруг осознаёт, что никогда не сможет передать, высказать им всю глубину своей боли. Он восстает против тех, кто отказывается слушать до конца, смотреть до конца. И точно так же он бунтует против этого Бога, во имя которого лгут его друзья, когда говорят с

ним. В конечном счете его бунт на глубоко человеческом уровне направлен против его собственного одиночества. Неустранимого, так как за лицом человека оно скрывает лицо Бога.

Нет нужды украшать сцену: она великолепно описана в книге Иова и проиллюстрирована мидрашом.

Когда два небесных игрока уходят за кулисы, Иова посещают трое его друзей: Елифаз Феманитянин, Вилдад Савхеянин и Сафар Наамитянин.

С первого взгляда они его не узнали, потому что он изменился, а они нет. Узнав же его, они зарыдали. Они разорвали на себе одежду, посыпали головы пеплом и, сев рядом с ним на землю, молчали семь дней и семь ночей. (В ранее упоминавшемся Завещании Иова "друзья не молчат, а всю неделю расспрашивают его о случившемся. Комментарий мидраша : "Из уважения к скорбящему надо подражать его поведению".) Гости Иова встают одновременно с ним, едят одновременно с ним, пьют одновременно с ним. Все это молча, потому что иногда горе порождает соизмеримое с ним молчание, а слова всегда звучат предательски. Когда трое друзей молчат, они трогают нас, волнуют, но, как только начинают говорить, разочаровывают. Болтуны. Лицемеры. Их чувства искусственны. Перед ними выбор: принять сторону подавленного, побежденного друга или Бога. Они делают неправильный, более удобный выбор. Иов разочарован не меньше, чем читатель. Эти три самодовольные гостя, пришедшие издалека, преувеличивают, когда изо всех сил стараются объяснить Иову смысл событий, трагическая тяжесть которых лежит лишь на его плечах. Он страдает, а они произносят речи о страдании. Он раздавлен горем, а они строят теории, классифицируют разновидности горя, боли, гонений.

Елифаз говорит: "Нет человека, который не согрешил бы, и ты тоже. Кто знает, что ты мог сделать, чтобы навлечь на себя небесную кару?"

Вилдад пробует убедить Иова, говоря с ним ласково: "Хорошо, я готов верить, что ты невиновен, но ты должен признать, что Бог не ошибается, у Него не бывает ошибок. Если ты сам не знаешь, что сделал, то Бог наверняка знает".

Третий, Сафар, пользуется случаем, чтобы упрекнуть его в высокомерии: "Кто ты такой, Иов, чтобы подвергать сомнению пути и намерения Господа? Ты считаешь, что, раз ты жертва Бога, тебе все позволено?"

Раздраженный речами друзей, Иов предпочитает обратиться к Богу и спорить с Ним. Это и понятно: лучше иметь дело с Богом, чем с Его толкователями.

Понятно и то, почему мидраш сравнивает Иова с еврейским народом. Израиль тоже одинок, его лучшие друзья готовы жалеть его в несчастье, но не помогать с этим несчастьем справиться. Израиль тоже обвиняют в том, что он действовал против Бога и вынудил Его прибегнуть к наказанию. Израиль тоже ведет бесконечный разговор с Богом или о Боге. Израиль тоже подвергается гонениям со стороны людей, которые затем обличают его в том, что он хочет переносить страдания гордо и трезво. Если исходно Иов не еврей, то он им становится. У него нет шансов победить в обществе, где нет дружбы и где страдание отождествляется с расплатой.

Некоторые наши мудрецы вслед за тремя"друзьями"Иова пытаются утешить его, сводя его проблему к привычным категориям. Раз необходимо любой ценой найти какую-нибудь причину, какой-нибудь грех, они не скупятся на выдумки: один вменяет ему неверие в воскресение мертвых, другие - высокомерие, гневливость. *Иов локе умеваэт*: Иов слишком упрямится, слишком сильно сопротивляется своему несчастью. Наказание непропорционально столь малым грехам. Нет, нужно придумать что-то получше. Зачем вообще говорить о грехах? Один мидраш изображает Иова мучеником, пострадавшим за еврейский народ. Когда дети Израиля готовились покинуть Египет, Сатана поспешил к Богу и запротестовал: "Господин Вселенной, подумай! Еще вчера эти люди проявляли неверность и поклонялись идолам, а Ты хочешь совершать чудеса, чтобы им помочь? Неужели Ты вправду позволишь им перейти Красное море? И дашь им Закон? Значит, Ты им доверяешь?"Тогда, чтобы побыстрее от него отделаться, Бог указал ему на Иова: "Пойди-ка сначала займись им, потом поговорим". И пока Сатана мучил свою жертву, Бог смог освободить Свой народ из страны фараонов.

Мидраш иллюстрирует эту идею следующей притчей. Представим себе пастуха, который видит, что на его стадо собирается наброситься волк. Что делает этот пастух? Он подставляет волку самого сильного и строптивого из своих баранов, и пока волк сражается с этим бараном, пастух уводит стадо в безопасное место.

Логически рассуждая, и Иов, и Сатана имели все основания стать антисемитами: ведь евреи использовали их для своей выгоды, а Бог евреев их обоих одурачил.

Если Иов может утешаться тем, что страдал не напрасно, то заставивший его страдать Сатана остается без утешения. Вот почему один из мудрецов утверждает, что из них двоих большей жалости заслуживает Сатана. Обманутый Богом, он оказался в невыносимом положении того, кто должен вскрыть бочку, но не может попробовать вино. Ему было разрешено мучить Иова до строго установленного предела. Иов должен был выдержать все мучения: Богу он был нужен живым.

Другой текст, более жестокий по отношению к Сатане, отрицает, что это он придумал испытать Иова. Иов сам выбрал свою роль. Бог спросил его: "Что ты предпочитаешь - нищету или болезнь?"На что Иов ответил: "Лучше страдать, чем жить в нужде". С виду великий мастер игры, Сатана оказался всего лишь орудием. Он с отвращением покидает сцену. Навсегда. В Книге Иова он больше упоминаться не будет. Его стремительный уход побудил одного из мудрецов вернуть его на место действия под видом четвертого друга .- Елиуя. Неожиданно появившись почти в самом конце, Елиуй пытается довести Иова до отчаяния, но и на сей раз это не удается. Еще одна неудача Сатаны. Бедный Сатана под личиной друга. Вот так использует его мидраш для создания черного юмора.

***

Великие страницы, следующие за прологом, не требуют создания дополнительных рассказов, они были бы излишни. Самого текста достаточно, чтобы мы стали участниками драмы. Диалоги Иова с друзьями и потом с Богом поражают своей ясностью. Вечные вопросы, мучительные ответы. Земля и небо служат декорациями последнего столкновения человека с самим собой, с его образом Бога.

Прочитаем: "Если я согрешил, то что я сделаю Тебе, страж человеков? Зачем Ты поставил меня противником Себе, так что я стал самому себе в тягость? (Иов 7: 20) Вретище сшил я на кожу мою, и в прах положил я голову мою. Лицо мое побагровело от плача, и на веждях моих тень смерти" (Иов 16: 15-16). И затем этот вопль, который через поколение, через погромы и резню разносится из конца в конец изгнания: "*Эрец аль техаси дами*. Земля! Не закрывай моей крови, и да не будет места воплю моему!"(Иов 16: 18) У Иова не осталось на свете ничего, кроме слов, но он умеет ими пользоваться, он заставляет их жить, заставляет кричать.

До этого момента Иов искал опоры, поддержки, но не находил их; искал собеседника - не важно, судью или заступника, но не находил его. Тогда самый бедный и самый одинокий в мире человек (ведь он имел все и все потерял) совершенно неожиданно собирается с силами и решает выразить свой протест, черпая смелость и аргументы в собственной бедности, слабости и одиночестве. Он отвергает легкие решения и унизительные уступки; он открывает в себе недюжинную силу; он меняется с Богом ролями. Обвиненный, проклятый и отвергнутый, он бросает вызов сковавшей его системе. Он начинает судебный процесс, и на сей раз обвиняемым оказывается Бог. Иов высказывает Ему свою обиду, свою боль, он говорит Богу то, что Он должен был знать давно, быть может, с самого начала: что-то в Его Вселенной происходит не так. Праведников несправедливо

наказывают, преступников незаслуженно награждают. Хуже того, праведников и нечестивцев ожидает одинаковая судьба: Бог отворачивается от них и от всех. Вообще Бог не интересуется Своим Творением, Он в нем не присутствует. В пылу обличения Иов отбрасывает все запреты, сметает все препятствия. Освободившись от всех табу, он идет очень далеко, слишком далеко. Говоря о своих"друзьях", которых он разоблачает и которых в конце концов отвергает и Бог, он на самом деле метит в Бога и пытается загнать Его в угол. Бог - его единственный противник. Он восклицает: "Посмешищем стал я для друга своего, я, который взывал к Богу... Покойны шатры у грабителей и безопасны у раздражающих Бога"(Иов 12: 4, 6). И, обращаясь к своим посетителям, Иов взывает: "Замолчите передо мною, и я буду говорить, что бы ни постигло меня... Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться..."(Иов 13: 13, 15). И дальше: "Пусть бы только Он обратил внимание на меня. Тогда праведник мог бы состязаться с Ним"(Иов 23: 6-7).

Этот акт отчаянного мужества приносит плоды. Внезапно Бог вторгается в повествование и позволяет Себя услышать. Согласно мидрашу, Иов почувствовал, что его волосы разметала буря, и так он услышал божественный голос. Значит ли это, что весь диалог происходил лишь в его воображении? Возможно. И в сущности не важно. Бред это или реальность, но Иов чувствует себя победителем. Бог отвечает ему серией вопросов: "И где был ты, когда Я полагал основания земли? (Иов 38: 4) Что знаешь ты о Моих тайнах, чтобы подвергать сомнению Мои пути и замыслы? Что знаешь ты о справедливости, о том, как Я ею распоряжаюсь? Что знаешь ты об истине, милости и жизни, если осмеливаешься бросать Мне вызов?"По сути, Бог не говорит ничего такого, что Иов мог бы истолковать как ответ, объяснение или оправдание своих испытаний. Бог не сказал: "Ты согрешил, ты плохо поступил". Не сказал, что ошибся. Бог говорит обобщенно, прибегая к всяческим упрощениям. Индивидуальный опыт Иова, его личные несчастья не считаются, значение имеет лишь ситуация в целом, общий контекст. Идея страдания важнее самого страдания, вопрос знания важнее самого знания. Бог говорит с Иовом обо всем, кроме того, что касается его лично. Он отрицает за Иовом право на индивидуальность.

И однако вместо того, чтобы возмутиться, Иов заявляет, что удовлетворен. Реабилитирован. Он больше ничего не требует. Для него справедливость осуществилась.

Неистовый борец, бесстрашный бунтарь, осмелившийся открыто выразить свой протест Небу, этот свободный человек внезапно склоняет голову при первом же ответном ударе. Едва Бог заговорил, как Иов уже раскаялся. Неужели он был настолько горд тем, что вдохновил Бога на целую поэму, настолько счастлив ее услышать, что

позабыл свою стойкость и принципы? Неужели божественный голос произвел на него такое впечатление, что он тотчас же оставил свою решимость? Не успел Бог начать Свою проповедь, как Иов отступил, отказался от всех вопросов, отрекся от жалоб."Все это верно, - неожиданно смиренно говорит он, - я мал и ничтожен, я не вправе говорить или думать. Я не знал, не понимал, не мог знать. Отныне я буду жить в раскаянии, в прахе и пепле".

И вот Иов, наш герой, наш нравственный образец, сломлен и побежден. Он сдался, он на коленях, он капитулировал. Безоговорочно. А Бог великодушно позволяет ему подняться и снова жить.

***

Итак, все хорошо, что хорошо кончается. Все удовлетворены. Иов - потому что услышал голос Бога. Бог - потому что Иов и Сатана перестали Ему докучать. Трое друзей - потому что Иов, как кажется, не держит на них зла. Только Сатана должен был чувствовать себя обиженным, но его нет, он решительно предан забвению.

Что касается практического вознаграждения, Иов возвращает себе состояние и даже получает право на возмещение ущерба. Он становится богаче, прославленнее и счастливее, чем когда-либо прежде. У него родились семь сыновей и три дочери (самые прекрасные в мире, согласно мидрашу), и он прожил еще сто сорок лет. Последний стих Книги Иова представляет собой также и последнее ироническое замечание: "*Вайомот Иов закен усева йамим.* И умер Иов в старости, насыщенный днями"(Иов 42: 17). Это можно понять как"пресытившийся жизнью"- с него хватило. Это может означать, что, несмотря на свое показное счастье, несмотря на новое богатство, он больше не держался за жизнь. Он уже знал, что достаточно пустой болтовни или случайного пари, чтобы здание человеческой жизни рухнуло, точно песчаный замок под ударом морской волны.

Однако при буквальном прочтении эти слова скорее всего означают, что Иов, пережив все испытания, жил в мире со своей судьбой, в согласии с Богом и людьми.

И вот здесь мне хотелось бы выразить свое несогласие и протест. Насколько раньше меня восхищал его страстный порыв, настолько же теперь огорчает его поспешное отступление. Когда Иов был проклят и страдал, я видел в нем больше человечности и достоинства, чем после того, как он отстроил себе роскошные хоромы под знаком вновь обретенной веры.

Известно, что многие считают эту концовку Книги Иова неподлинной, полагают, что она была добавлена, присоединена к настоящему тексту, чтобы вселить уверенность в благочестивые души. Или внушить гонимым, что человек способен все потерять, но сохранить при этом надежду. Подобно Иову, человек должен быть в силах пе-

ренести несчастье и, несмотря ни на что, при первом же затишье вернуться к началу и снова порождать жизнь. Но я предпочитаю думать, что подлинное окончание Книги вообще пропало, что Иов умер, не раскаявшись и не унизив себя, что он встретил несчастье, сохранив человеческое достоинство и цельность. Странно, что мидраш, столь богатый легендами в начале драмы, становится таким скупым, когда доходит до ее эпилога. Вероятно, он смущал комментаторов. Третий акт должен быть апофеозом, а здесь он весьма бледен. Борец превращается в ягненка. Печальная метаморфоза. А в чисто литературном плане - неубедительная.

И еще... Зачем умалчивать об этом? Иов не давал мне покоя, особенно после войны. Он встречался мне по всей Европе. Раненый, ограбленный, покалеченный. Безусловно, не счастливый и не смирившийся.

Покорность Иова представлялась мне оскорбительной. Он не должен был сдаваться так легко. Он должен был продолжать борьбу и отвергнуть подачки. Он должен был сказать Богу: "Ладно, я прощаю Тебя, я прощаю Тебе все, что касается меня, - моей боли, моего горя. Но мои мертвые дети? Разве они прощают Тебя? Разве я могу говорить от их имени? Разве у меня есть моральное, человеческое право принять конец, развязку этой истории, где они играли роль, навязанную Тобой не из-за них самих, а из-за меня? Разве, приняв Твою несправедливость, я не сделаюсь Твоим сообщником? Теперь я должен выбирать между Тобой и своими детьми, и я не могу их отвергнуть. Я требую, чтобы ради них - если не ради меня - осуществилась справедливость и чтобы судебный процесс продолжался..."Да, он должен был сказать что-то в этом роде. Но он не сказал ничего. Он согласился вернуться к прежней жизни. В этом и состоит истинная победа Бога: Он заставил Иова принять счастье. После катастрофы Иов готов быть счастливым, вопреки самому себе.

***

Однако суд продолжается. Трагедия Иова не кончается с его смертью.

Оставим легенду и откроем учебники новейшей истории. Она изобилует множеством других жестоких показательных процессов. Гиганты революции, обвиняемые в мерзких и гнусных преступлениях, не возмущаются, не отвергают клевету, не разоблачают инсценированные заседания суда. Напротив, они делают"добровольные признания"и еще многое добавляют к обвинениям. Унизительно и мерзко смотреть, как вчерашние боги и проповедники очерняют, обличают самих себя, спешат к казни. Потрясенный мир замирает и перестает

понимать. Что же случилось с ними, что ими движет? Почему эти идеалисты хотят быть уничтоженными, убитыми, стремятся вызвать к себе ненависть толпы? Может быть, они боятся смерти - они, тысячекратно смотревшие ей в лицо в царских тюрьмах и сибирских снегах ? Какая сила сломала их - тех, что сломали русского царя, ломали Историю, дабы изменить ее ход? Сколько мук претерпели эти неистовые и неукротимые люди, прежде чем стали жалкими предметами, сломанными игрушками в грязных руках палачей? Говорят о пытках, о психологическом давлении, о плохом обращении... Как знать, в какой мере справедливы эти гипотезы? Не дело рассказчика, не сведущего в этих делах, высказывать свое мнение. Он удовлетворяется тем, что предлагает более личное и, несомненно, фантастическое объяснение: все эти герои, осмеянные и преданные друзьями, товарищами и последователями, не отказались от борьбы, их публичные признания не были проявлением покорности. Напротив, стремясь сделать признания, доводя их до полного гротеска и даже дальше, они надеялись тем самым получить последнее слово и доказать свою невиновность. Говоря судье "да", выкрикивая это слово с саморазрушительной страстностью, они превращали его в насмешку. Признаваясь в совершении смехотворных и нелепых, абсурдных, невероятных и невозможных преступлений, они обнажали их неправдоподобие. Соглашаясь играть до конца в предложенную инквизиторами игру и оказывая им горячее содействие, они их тем самым разоблачали. Если бы эти павшие князья защищались, если бы они боролись за честь или жизнь, можно было бы в них усомниться. Вот почему они предпочитали не защищать себя, а обвинять: чтобы усилить неправдоподобие всего процесса. Обвиняя себя, они становились обвинителями. Их оружием был смех - сдержанный, затаенный, запоздалый. И они гибли в борьбе, получив пулю в затылок в подвалах тайной полиции.

Вот почему Иов - праведник и мудрец - столь быстро и целиком покоряется. Чтобы обмануть противника.

В конце борьбы, которую Иов заранее считал проигранной (разве человек может надеяться победить Бога?), он открывает хитроумный прием, позволяющий ему упорствовать в своем сопротивлении: он делает вид, что от всего отказывается, еще не вступив в бой.

Если бы он оставался тверд, если бы начал шаг за шагом обсуждать аргументы Бога, можно было бы заключить, что он вынужден признать свое поражение перед превосходством риторики собеседника. Но он тотчас же говорит Богу "да", не колеблясь, не размышляя, не прибегая к уверткам, не указывая ни на какие противоречия. На этом основании мы заключаем: несмотря на все, что мы видим, или именно поэтому Иов продолжает вопрошать Небо. Со-

знаваясь в несовершенных грехах или оправдывая незаслуженные мучения, он показывает нам, что не верит собственным признаниям: это всего лишь уловка. Иов олицетворяет вечный поиск справедливости и истины, и он не отступает. Итак, его испытания ненапрасны; благодаря ему мы знаем, что человеку дано преобразить божественную несправедливость в человеческую справедливость.

***

Когда-то в далекой стране жил легендарный человек, праведный и щедрый, который в своем одиночестве и отчаянии нашел в себе мужество восстать против Бога и заставить Его посмотреть на Свое Творение и заговорить с людьми, которые иногда - вопреки Ему и самим себе - одерживают над Ним победы, важные и тревожащие.

Что осталось от Иова? Притча? Тень? Нет даже и тени тени. Может быть, пример.

Перевод с французского
и примечания Ольги Боровой.

Виктория ЧАЛИКОВА

ГЕНОЦИД - ЭТО ВСЕ МЫ

В городе Иерусалиме есть Стена Плача. Если судьба занесет вас в Иерусалим хоть на один день, вас непременно подведут к месту в этой стене, где камни ничем не отличны от остальных, и скажут: "Вот здесь!" - "Что здесь?"- спросите вы."Здесь он стал на колени. Он стоял и плакал и просил прощения у еврейского народа за грех своего народа". И только когда вы спросите: "Да кто он? Кто просил прощения?"- незнакомец сообразит, откуда вы приехали: "О, совьет, рашиа!"

Да, мы единственная страна, граждане которой не знают, что возникшее на развалинах третьего рейха немецкое государство взяло на себя ответственность за геноцид еврейского и других народов, осуществленный нацистами. Что это государство, само разрушенное и нищее, начало выплачивать и выплачивает по сей день ежемесячную компенсацию всем выжившим узникам концлагерей - кто б они ни были и где б они ни жили.

Только советские узники отказались от этой компенсации - сделать это им было тем проще, что они о ней и не подозревали.

Марина Влади рассказывает, что, когда Владимир Высоцкий впервые увидел супермаркет в ФРГ, с ним случилась истерика, кончившаяся судорогами и рвотой. Он повторял в каком-то пароксизме отчаяния: "Кто выиграл Вторую мировую войну? Кто?"Один народный депутат, хорошо известный по своим частым и всегда экзотичным выступлениям, во время обсуждения на сессии Верховного Совета вопроса о советско-немецком пакте, по существу, повторил Высоцкого. Этот бедно одетый, измученный человек растерянно спрашивал у элегантных, уверенных в себе прибалтийских делегатов: "Какой же я оккупант, если я живу хуже вас? Разве так бывает?"Зал хохотал, а мне хотелось взять этого человека за руку (уж точно не один мужик в его роду сложил голову в войне с фашизмом) и сказать: "Да, бывает".

Вот такие мы,"оккупанты". Это и есть наша суть и наша судьба. Попытку повернуть эту судьбу в нормальное направление мы и назвали словом"перестройка".

Наша перестройка окрашивается кровью. Кровью турок-месхитинцев, армян, русских, азербайджанцев. Ребята из"Памяти", вдохновленные безнаказанностью погромщиков юга, кричат, что не сегодня завтра прольют еврейскую кровь. Тысячи молодых семей, как правило, смешанных, русско-еврейских, покидают страну. Уезжают одаренные, умелые, волевые, уверенные, что выживут в жестокой конкуренции капиталистического мира. Близкий, дорогой мо-

ей семье мальчик, прощаясь, сказал: "Может, и не повезет мне там. Но лучше умереть от голода, чем от пули погромщика".

От пули? Если б от пули или осколка. Да ведь хуже... Это живому смерть страшна в любом обличье. Но умирающему под изощренными медленными пытками смерть кажется неслыханным блаженством. "Они резали по кускам, - рассказывает мне женщина-азербайджанка о своем муже-армянине, - он кричал: "Убейте", и я, связанная, кричала: "Убейте, убейте скорее!"Просила убить мужа. Говорит она с гримасой, заменяющей плач. Никто из московских поклонников"бакинской революции", распространяющих фотографии несчастных убитых при вводе войск в Баку, не набрался мужества взглянуть в глаза этой женщине. Никто из них не пошел в больницы, где умирают старики с отбитыми почками, женщины, изнасилованные до разрыва внутренностей. А ведь больницы ближе, чем Баку, куда поехали они после всех ужасов в воскресающий присмиревший город, чтобы потом на митингах громко назвать себя"очевидцами событий".

Отчего эти люди, в обычной жизни добрые и щедрые, сейчас одели себя броней непробиваемой, монолитной жестокости к жертвам? Отчего мы, победители величайшей в истории войны, живем хуже всех в цивилизованном мире? Это не два вопроса. Это один вопрос, и частицу ответа на него надо искать у Стены Плача, там, где - согласно легенде - преклонил колени первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр. **В те мгновения, когда он преклонил колени, его родина встала с колен.** Нищая и опозоренная, перед всеми виноватая и всеми проклинаемая, она встала, да так встала, что в конце концов восточные немцы (не признавшие, между прочим, вины за геноцид) прорвали собственными телами другую, то есть свою - Берлинскую! - стену, чтобы хоть на мгновение глотнуть воздуха свободы. Когда Берлинская стена - этот материализованный символ разделения двух миров - рухнула, это была детонация того взрыва, который совершился в душах людей, пославших Аденауэра к Стене Плача.

В Иерусалиме прекрасный гид, друг моих друзей, водил меня по старому городу. Меня потрясло обилие христианских храмов: протестанских, католических, русских, греческих, армянских. Разноязыкий говор стоял над священной землей, но в нем явно преобладала немецкая речь. Между прочим, сын моего спутника учился в ФРГ, дочь другого знакомого вышла замуж в эту страну. Обычное дело. Вместе с немецкими туристами мы постояли у"детской стены"в одном из храмов. Стыдно плакать при людях, тем более что считается: это мы в России сентиментальны, а западные люди сдержанны. Но немки ревели не хуже меня. И тут меня пронзило странное воспоминание.

Лет десять назад, еще в брежневское зловещее затишье, я была на научной конференции в одной из южных столиц. За трезвость еще не боролись, и утренние доклады вечером щедро заливались вином. Моим соседом по застолью был молодой, красивый и хорошо образованный историк из Азербайджана. Между нами возникла та стремительно вспыхнувшая и столь же стремительно уходящая дружба, какая бывает во время разного рода научных сборов. Когда за столом начались тосты за братские народы и дело дошло до Армении, наряду с дежурными эпитетами"солнечная"и"многострадальная", был помянут тамадой мало кому известный в СССР, но вошедший в хрестоматии всего мира исторический факт: геноцид армян в Османской империи - истребление полутора миллионов мирных жителей - от грудных детей до парализованных стариков - в 1915 году.

В этот момент я услышала хрип и одновременно почувствовала, что мое платье намокло. Мой сосед вскочил, опрокинув бокал, и забился в истерике, повторяя: "Этого не было, этого не было. Ложь, ложь". Мы дали ему воды, это помогло, но ненадолго. Я хотела было напомнить ему о документах геноцида, но вспомнила, что ведь он историк и сам все знает. Но он никогда не примет этого знания, поскольку живет в ложном, абсурдном убеждении, что никакого отношения не имеющий к тем событиям в Османской империи Советский Азербайджан, а значит, и он лично, виновны во всех грехах против армянского народа, что так думает весь мир и сами армяне, которые раньше или позже за это отомстят.

И у меня сердце захолонуло при мысли, что же будет, если тоталитарный режим рухнет, а вместе с ним распадется на куски"новая историческая общность", и каждый"кусок"вспомнит то, что было запрещено ему вспоминать полстолетья. Эта мысль исчезла мгновенно. Ведь тогда, в середине 70-х, кто мог поверить, что предсказание Оруэлла по-своему точно: 1984-й будет рубежным годом?!

Андрей Битов, один из самых интеллигентных русских писателей, приехав в начале 70-х в Армению, с изумлением узнал, что гитлеровский геноцид - не первый, а второй в новейшей истории, что в 1915 году была его генеральная репетиция."Достать книгу об армянском геноциде, - пишет А. Битов, - оказалось так же трудно, как Библию."Наконец он нашел ее в Ленинке, раскрыл в четырех местах -"...и я больше не могу. Я кажусь себе убийцей, лишь переписывая эти слова, и почти озираясь, чтобы никто не видел. Тут сидят сто человек. И никто не знает, чем я занят. Все тихо пишут свои кандидатские диссертации... Если мы думаем, что чего-то нет, что чего-то не может быть, что что-то невозможно, - то это есть".

Тогда, в 1915 году, организатор геноцида, лидер младотурецкой партии Энвер-паша сказал посланцу гуманистической Европы не-

мецкому пастору: "Господин Лепсиус, мы будем придерживаться политики, отвечающей нашим интересам. Воспрепятствовать нам может только держава, которая выше всех интересов и не замешана ни в каких мерзостях. Если вы найдете такую державу в дипломатическом справочнике, то дозволяю вам снова явиться ко мне в министерство".

Вот первый ключ к любому геноциду: "Мы плохие, но и все плохие". И точка. Но многие ли из наших современников содрогаются, читая про Энвер-пашу? Почти никто не знает, что партия младотурков, осуществлявшая геноцид 1915 года, не только не была религиозно-фанатичной, а совсем наоборот - это была революционно-атеистическая партия, которая проводила репрессии и над подлинной исламской элитой. А элита эта, цвет мусульманского духовенства, образовала тайный штаб сопротивления геноциду, связалась с христианскими миссионерами, организовала спасение людей от погромов и переправку в Европу. Многие ныне живущие в разных странах армяне не подозревают, что их предки были спрятаны и вывезены из охваченных резней районов благодаря исламским мудрецам - поэтам и исследователям Корана. И это незнание побуждает столь несправедливо называть сегодняшних погромщиков"религиозными фанатиками". Культура Корана упала в СССР. Толпа ожесточенных людей в Гяндже, Ташкенте и Душанбе свистом и грязной руганью прогоняет своих муфтиев, но охотно слушает безграмотных проповедников, имеющих такое же отношение к исламу, как колотящий по жестянке дикарь - к классической музыке.

Революционный атеизм младотурков покорил сердца вождей пролетариата. Романтика, как всегда, мешалась с трезвым геополитическим расчетом. В результате"дарились"куски территорий (так случилось и с Карабахом, в чем его нынешние азербайджанские жители не виноваты, и их приверженность земле понять можно: что-то никто не спешит отдать назад полученное по несправедливым договорам). Но самое страшное: был наложен запрет на упоминание об исторических фактах геноцида армян. Ни памятника его жертвам, ни одной о нем публикации, ни мемуаров. Разве что стихи - только в зашифровке.

Армяне были оскорблены, но вместе с тем произошла духовная мобилизация и консолидация нации. Ребенок вырастал в тайных преданиях, в заветах, в рассказах бабушек и дедушек, в самиздате и тамиздате. Это все способствовало формированию"оппозиционного сознания". Армения дала непомерно большое для маленькой нации число диссидентов. И там же на почве протеста против АЭС и ядовитых производств первое массовое перестроечное движение - прообраз Народного фронта. Запрет на память о геноциде имел и обратную сторону - консервацию в народе обиды и неутоленной боли.

Но гораздо страшнее обернулся расстрел исторической памяти для азербайджанского народа. Как могли понять люди тот факт, что ни в одной книге не написано о том, что было на памяти их отцов и матерей? Они поняли это по пословице: "В доме повешенного (или повесившего) не говорят о веревке". Молчанием азербайджанцев побуждали думать, что их предки в чем-то виноваты, но говорить об этом нехорошо: обидно для нации. Так ведь рассуждает и И. Р. Шафаревич: признать, что десятилетиями одни россияне казнили, ссылали и грабили других россиян - значит оскорбить Россию. Но кто же казнил? Евреи? Но их полпроцента, на один большой город палачей не хватит, куда уж на одну шестую земли! И была придумана не отмеченная ни на одной географической карте нация - масоны. Вот эти-то никогда не существовавшие масоны были и есть всему виной.

Как утверждает Фазиль Искандер, на его родине, в Абхазии, где про масонов никто и слыхом не слыхал, люди придумали другую фантастическую нацию - эндурцев. Пока дела шли хорошо, их не вспоминали, но стоило прийти беде, как началось: умеют эндурцы устроиться. Нам беда - им радость.

Азербайджанский народ не смог придумать ни эндурцев, ни масонов. Защититься от необъявленного трибунала (а замалчивание есть самый страшный трибунал) ему было нечем. Если бы целое поколение азербайджанской интеллигенции не было поголовно истреблено в репрессиях 30-х годов, если бы мафия не затаптывала способных и честных и не одаривала ловких и бесчестных, не произошло бы того, что после Сумгаита одни члены творческих союзов славили погромщиков, другие осуждали погром, кратко, одной беглой фразой, потом представляли жертвам геноцида встречный иск, целый лист аргументов, начинавшийся с рокового в таких ситуациях слова"но...".

Эти аргументы я слышала от лучших представителей НФА, вышедших из него в знак протеста против погромов. Но ведь все эти оправдания мог бы представить городу Иерусалиму и всему человечеству и тот человек у Стены Плача."Да, - мог бы сказать он, - преступления были, но:

1) Лично мне не за что просить прощения, я был антифашистом и, когда совершались все эти преступления, сам сидел в гитлеровском концлагере.

2) Что касается моего народа, то почему вы говорите о сожженных белорусских и украинских селах, о разоренной Смоленщине, о Бабьем Яре и не говорите о миллионах погибших немцев, о мирных жителях, которых грабили и убивали победители, о варварских бомбежках наших городов?

3) И почему все говорят о миллионах угнанных в Германию и не говорят о десятках тысяч немцев, вовсе не эсэсовцев и не нацистов, которых поляки изгнали в 1945-м из родных для них мест?

4) И что значит фраза"шесть миллионов невинных погибли в газовых камерах"? Разве среди этих миллионов не было воров, убийц, проституток, шулеров и прочей дряни?

5) А вы знаете, что в городе X некий директор завода Y - еврей уволил пятерых рабочих, и все пятеро были немцы.

Мог бы сказать так Аденауэр и был бы субъективно прав.

1) Да, он лично боролся с фашизмом и страдал от него.

2) Да, гибли немцы не только на поле боя. Да, мародерство и насилие в армии, вступившей в Германию, было пресечено только жестоким приказом Рокоссовского: расстреливать виновных! Да, бомбежка англичанами Дрездена - варварская акция.

3) Да, немцев, прежде живших в Западной Польше, в 1945 году выселили.

4) Да, в такой выборке, как шесть миллионов, не может не быть разных людей. И шестьдесят-то одинаково хороших вслепую не наберешь.

И ведь все эти аргументы изложены сегодня в неонацистской литературе. В библиотеке, где я обычно работаю, есть даже книга, в которой Освенцим описывается как санаторий для евреев. Есть у меня и книга на английском, в которой утверждается, что геноцид 1915 года - историческая мистификация: несколько армян подрались, а свалили на турок. (Советую любителям конъюнктуры перевести эту книгу на русский, заменив"армян"на"аппаратчиков". Это будет, как говорится, и дешево и сердито.)

Но ни Конраду Аденауэру, ни его соотечественникам не пришло в голову в те времена предъявлять встречный иск по Нюрнбергскому процессу кому бы то ни было. Кровь своих отцов и матерей, кровь детей, которых фашисты ставили на берлинские баррикады, они записали на счет третьего рейха и поклялись построить государство, которое заставит мир уважать и ценить немецкий народ.

Скажу больше. Японцы, над которыми было совершено в конце второй мировой войны одно из самых страшных в истории человечества преступлений - уничтожение Хиросимы и Нагасаки атомным взрывом и заражение радиоактивным ядом нескольких поколений, - великой скорбью до сего дня отмечают эту дату, создали на ее основе мощное антиядерное движение, но, повинуясь глубоко нравственному и разумному инстинкту, не сделали из Америки образа врага, не сосредоточили всю энергию нации на обличении американского империализма. Они умудрились соединить протест против Хиросимы с приятием жестокой правды о безумии японского мили-

таризма, сумели отказаться от позорного прошлого, взять в учителя тех же американцев и, не теряя ни капли национальной самобытности (дай нам Бог так сохранить свою русскость, как они сохранили свое японство), обогнать своих учителей в мирном состязании цивилизаций.

Тоталитарное государство не дало такой возможности ни одному народу, его населяющему.

Страшен был первый посттоталитарный геноцид - сумгаитский. Страшное продолжалось и потом. Радио объявило, что произошел"межнациональный конфликт", но благодаря мудрому руководству он улажен. Телевидение показало роскошную армяно-азербайджанскую свадьбу. Честные, талантливые репортажи с мест событий были отвергнуты цензурой. Видеофильмы запрещены для публичного показа. Прорвавшиеся в передачу"Позиция"крупицы правды были названы"семенами вражды". Русский солдат в этой передаче растерянно говорит: "Но они даже не сопротивлялись. И не мстили". В видеофильме другой русский солдат говорит: "Армяне - какой-то странный народ. Если б убивали моего отца, изнасиловали мою сестру, я бы не знаю, что сделал!"

Пройдет несколько месяцев - армяне ответят: будут выгонять с работы, из домов, наконец, возьмут в руки оружие. И в горах Карабаха, в армяно-азербайджанском приграничье, возникнет уже не геноцид, а действительно межнациональный конфликт. Такие межнациональные конфликты сопровождают всю человеческую историю. Сейчас они идут в Стране Басков, в Ливане, на Кипре, в Косово, в Ольстере... Любой честный ученый знает: причина национальных конфликтов - в диспропорции между количеством претендующих на государственность этносов и количеством удобных и желанных территорий. Почему-то эти конфликты идут неравномерно, волнами: то тихо в мире, то - как по команде - Косово, Кипр, Карабах. Чижевский считал: все от расположения звезд. Во всяком случае, не от товарного голода. Проездом в Израиль я видела Кипр: нет слов в советском языке, чтобы рассказать об изобилии этих мест, где войска ООН стоят между двумя враждующими группами.

Сейчас мир живет в фазе подъема этноволны: специалисты это знают. Одно из ее проявлений - межнациональные конфликты. Они бывают во всех государствах, кроме тоталитарных: там само государство проводит такой обширный и тотальный геноцид, что для частных попыток просто места не остается. (Витии, называющие сегодняшнее наше государство тоталитарным, должны бы это помнить.) В период перехода от тоталитаризма к демократии межнациональные конфликты неизбежны.

Но национальный конфликт и геноцид - совершенно разные вещи. Геноцид можно остановить. Но при одном условии: не назы-

вать его межнациональным конфликтом, не смешивать его с национальным конфликтом. Назвать геноцид межнациональным конфликтом так же преступно, как налить в стакан вместо воды соляной кислоты и дать человеку выпить. Но в цивилизованном мире, расследуя такого рода преступления, прежде всего встает вопрос: ошибка это или умысел? На этот вопрос отвечу позже. Пока же напомню: старушка в Сумгаите, которая готовила внукам обед, когда в комнату ворвалась пьяная орава, не имела никаких территориальных притязаний к Азербайджану. Сами пьяные подростки тоже не имели никаких притязаний ни к Армении, ни к старушке, которую они видели впервые в жизни, как и она их. Назвать то, что произошло в то утро между ними, межнациональным конфликтом можно только при условии, что с давних пор памятное убийство маньяком с армянской фамилией московского ребенка, доверчиво открывшего дверь"дяде из Мосгаза", мы тоже должны назвать"русско-армянским конфликтом". А газовую камеру тогда надо называть"территорией еврейско-немецкого конфликта"?

Все эти примеры я приводила два года назад московским журналистам, хорошим, честным людям. И они отвечали в отчаянии: "Но у нас же нет частной типографии! А в газетах - цензура, говорят: не надо разжигать страсти, так скорее залечатся раны". Ну да, разумеется, если не разбинтовать раны, не промыть, не залить йодом, если ткань будет преть и гнить, то уж, конечно, рана заживет. Недавно известный тележурналист показывал американских детей, которых несколько лет назад всеми силами медицины лечили от рака и при этом внушали: в тебе сидит рак, твой враг, борись с ним каждый день, каждую минуту. Сегодня все они, кроме одной девушки, живы, здоровы и счастливы. Потом Познер спросил советских врачей: а что вы об этом думаете? И одна начальственная докторша отвечала: "Мы тщательно скрываем от ребенка, чем он болен". -"И долго же скрываете?"-"До конца".

Вот мы и скрывали до конца. А конца не было видно. Неожиданно явились в Москву обезумевшие от ужаса и горя люди - турки-месхитинцы, народ уникальный, переживающий второй в жизни геноцид на памяти одного поколения. (В конце сороковых годов Сталин выслал их из родной Грузии.) На вопрос"кто вас резал?"беженцы отвечали: "Они". Не могли выговорить"узбеки"- так жива в благодарном сердце народа память о щедром узбекском братстве полвека назад. Но как"они"решились на погромы - соседи, благодетели, единоверцы?"А это после Сумгаита! Раз те погромы не объявили геноцидом, то и эти не объявят".

И вот уж качает права подвыпивший"памятник": "Мы что, у Бога теленка съели?"Азеру"можно армяшку в огонь бросить, а русскому человеку нельзя жиду и морду набить? Где ж равенство?"Дожили: требуем равенства в геноциде.

Межнациональные споры иногда тянутся веками. Нет у человечества еще противоядия. С геноцидом яснее. После Освенцима, после поголовного истребления племени - ибо запрет на геноцид стал властной международной нормой. Никаких"с одной стороны, с другой стороны". Погромщик - вне закона, жертве - независмо от того, сопротивляется ли она или нет, статус пострадавшего и помощь.

Почему же, удивлялся тот солдат, несколько месяцев не отвечали злом на зло армяне? Это заслуга церкви, интеллигенции, заслуга демократического движения Карабаха и Армении. Сразу после Сумгаита было сказано с экрана, повторено на митингах в Ереване: "Народ не виноват. Ни один волос не должен упасть с головы азербайджанцев. Мы требуем: наказать виновных- погромщиков, и помогавшую им милицию, и прокуроров-обманщиков. Только их. Но прежде всего объяснить стране: никаких войн, стычек, драк между нашими народами нет. В одном месте был геноцид. Произнесите эти семь букв. Ведь оба народа помнят 1915-й и 1918-й: один открытой памятью, другой - скрытой. Скажите слова и залейте опасную жажду памяти".

Мы в Москве - в"Мемориале", в"Московской трибуне", в"Демократической перестройке"- писали воззвания, собирали подписи, посылали наверх: скажите! Из Еревана шли отчаянные телеграммы: еще контролируем ситуацию, но из последних сил. В одном городке, рассказывали очевидцы, весь митинг молча встал на колени перед вышедшим на балкон московским начальником в мольбе: ге-но-цид! Но у начальника не было такого указания. И что им, может быть, думал он, эти семь букв? В их нищий горный край, где дети годами не видят сливочного масла, прислали вагоны деликатесов. Не разгружают! Слова требуют. Слова! Что делать? Они взращены в культуре, в коде которой записано: "В начале было Слово".

Раньше или позже все тайное становится явным. Недавно перед закрытым заседанием сессии по ситуации в Закавказье показали видеофильм - нет, не о погромах (их даже сфотографировать было невозможно), показали фильм о выживших после погрома, прибывших на пароме в Красноводск. Потом выступили очевидцы. И рухнул миф о каком-то"межнациональном конфликте", завершившемся комсомольской свадьбой по телевизору. Депутаты перестали твердить: "Там какие-то передрались, надо им поровну всем постановление вынести". Наконец ощутили себя частью человечества, уже давно освободившегося от людоедства. В тот день был сделан первый шаг по освобождению от великого зла двух несчастных народов.

Освобождение произойдет не сразу. Как скоро? А тут и гадать нечего: проверено - с каждым показом в ФРГ фильмов о преступ-

лениях фашизма росло национальное достоинство. И доброжелательность к другим народам росла вместе с ним.

Есть формула, выстраданная веками истории человечества: скорость спада волны национальной или расовой ненависти прямо **пропорциональна интенсивности информации** о самых страшных результатах этой ненависти. Вот страшная запись в дневниках Короленко:

"Эти дни прошли в сплошном грабеже. Казаки всюду действовали так, как будто город отдан им на разграбление"на три дня"... Мальчишки указывают грабителям жилища евреев и сами тащат что попало. В покупке награбленного участвуют"порядочно одетые люди"... На улице лежит труп учителя гимназии Ямпольского - еврея.

"Многие искренне возмущены. Среди других - смущение... Эта искупительная жертва меняет настроение большинства".

Слово правды о геноциде и для тех, кого бьют, и для тех, кто бьет, равноценно воде во время пожара. Воды не может быть слишком много, ее может быть только слишком мало. Потому в Америке 60-х годов этого века тысячу раз показали и рассказали, спели знаменитый сюжет в кафе кампуса одного из южных штатов: черного парня не обслужил официант; он выскочил, пошел по дороге; все белые студенты пошли за ним; назавтра они привели своих девушек, те - своих братьев, сестер, знакомых. Потом это было названо - "личностная политика": ты идешь со мной, я иду с тобой, у нас нет идеологии, просто мы идем. Так смывала Америка черное пятно со своей демократии. А"черная месть","черные пантеры", безумно вспыхнувший терроризм"революционной армии", подорвавшейся на собственных бомбах, - зловещие спутники 60-х годов - ничего не смывали. Они только тормозили, искажали движение к освобождению. И те"новые левые", что путали терроризм с освобождением, совершали ту же роковую ошибку, что и поклонники"революции в Душанбе", утверждающие без всякого юмора: "Что громят - плохо, а что прогнившие структуры - хорошо".

Воды не может быть слишком много при пожаре. Поэтому многосерийный фильм о Голокаусте, который я еле выдержала один раз (он идет несколько часов), в ФРГ показывали несколько раз. Нужно очень любить свою страну, чтобы так показывать совершенные ею преступления.

Свою страну любят депутаты и ученые Таджикистана, пославшие телеграмму президенту Академии наук Армении с извинением за вспышку насилия в Душанбе.

Свою страну любят русские, добивающиеся расследования о расстреле польских офицеров в Катыни.

Смутное, неосмысленное чувство вины разлагает душу и человека, и народа. Жажда истины распрямляет душу, вытесняет глухую вину, заменяя ее разумным покаянием, неотделимым от веры в свои силы.

Не по своей воле молчала пресса о геноциде - ей так велели. А велели не от жестокости, не от презрения к тому или иному народу, а от повального, сверху донизу, убеждения, что если грипп назвать"ОРЗ", то гриппа и не будет. Это предрассудок нашего общества, разделяемый и властями: они ведь тоже нашего роду-племени. Увидеть предрассудок трудно: легче обвинить начальство в тайных связях с мафией, в армянском или, наоборот, азербайджанском родстве, приписать ему сознательное провоцирование погромов и даже устройство искусственного землетрясения.

Прежде чем написать эту статью, я несколько лет сопоставляла четыре ряда данных: свидетельства участников и очевидцев в Армении, свидетельства и документы Азербайджана, официальные документы, неформальную и зарубежную прессу. Я проверяла эти данные всеми доступными мне материалами науки о социальной психологии национального насилия и геноцида. Я слушала беженцев и бывших членов Народного фронта Азербайджана; слушала доклады Сергея Лёзова и Игоря Крупника, Галины Старовойтовой и Гасана Гусейнова. Я прислушивалась к тому, что думали об этих событиях и говорили А. Сахаров, М. Гефтер, Л. Баткин, В. Библер. Перечитывала свои конспекты работ А. Камю и Т. Адорно, Ханны Арендт и Н. Бердяева. Слушала рассказы лидеров"Карабаха","Крунка", Народного фронта Азербайджана, пресс-конференцию Вольского, рассказы"огоньковцев"и"известинцев"- те, что им так и не удалось напечатать. И я увидела, что на бушующую стихию этнической вспышки наложилась не только борьба политических, экономических, групповых интересов, но и предрассудки, и стереотипы, и страхи, страхи. Страх показаться левым, страх показаться правым, страх прослыть русским шовинистом, человеком с имперским сознанием.

А во мне жил другой страх, и стало легче на душе, когда услышала, как незнакомый человек, писатель Кабаков (автор новой антиутопии), сказал интервьюеру"Взгляда": "У меня сейчас один страх: вдруг накажут невинного". Можно ли было не допустить насилия в Баку? Можно. Только одним способом - арестовать тех, кто собирал оружие и организовывал банды. Но в условиях тотального недоверия к власти и поголовного наркотического опьянения формулой"Народный фронт"это требовало отчаянной смелости. А ее не оказалось. Ни у власти - решиться, ни у общественности - поддержать. Нам всем не хватало мужества встать на сторону горстки бедных, слабых людей (богатые и сильные давно уехали) против

уверенных, горластых, размахивающих знаменами. Нам не хватило мужества **встать на сторону закона.**

В письме к А. Кремневу Короленко вспоминал, что, когда он выступил в защиту вотяков, обвиненных в ритуальных жертвах (известное"мултанское дело"), часть общественности на него набросилась: "...

Разве дело этих людей так уж важно...Еврей писал о том, что евреев притесняют больше, чем вотяков, поляк писал о положении Польши, а украинец говорил о притеснении украинской культуры.

Когда мне случалось выступать в защиту евреев - упреков раздавалось еще больше. Когда же в 1905 году, а позже в 1911 году я нарисовал картину усмирения сорочинских мужиков и полицейских истязаний над мужиками Саратовской губернии, то даже и тогда у меня спрашивали, считаю ли я эти случаи более важными, чем многое другое, о чем я не писал...

На это я отвечал и отвечаю, что считаю себя вправе писать правду, не справляясь, самая ли она важная в данную минуту, лишь бы была правда".

Потому я говорю: **геноцид - это все мы**. Кровь замученных и слезы бездомных, которых гонят с улюлюканьем по всей стране, нигде не принимая, держатся не только на мафии и террористах. Они и на власти, не сумевшей назвать вещи своими именами и прямо, открыто стать на сторону человечности и закона. Они и на демократическом движении, которое заблудилось в трех соснах и растерянно спрашивало: а как отличить девочку, тихо певшую молитву на тбилисской площади, от мужика, насилующего ребенка? Бедное демократическое движение хотело иметь формулу раз и навсегда: армию вводить можно или армию вводить нельзя.

В романе Солженицына"В круге первом"интеллигентные зэки рассуждают на прогулке: вот революция вроде делалась для справедливости, и насилие было во имя этого, а кончилось все лагерями. Спорят, ссорятся: кто прав, кто виноват? Огромный узловатый мужик - дворник Спиридон - не участвует в споре. Его и воспринимают как неозвученную массу. И вдруг масса заговорила: "Волкодав - прав. А людоед - нет". Я не знаю другой формулы.

Мы легко признаем, что человек может впасть в состояние шока, транса, помутнения. Но факт того, что это может случиться с **массой людей,** почему-то признать не хотим. Мы ставим перед собой абсурдную задачу: описать события честно, не упоминая, где оно происходит, кто были его участники. Чтобы нацию не обидеть! Так возникает ложь, и ее следствие - жестокость.

Не обижает же нормальных русских людей самая уничтожающая критика"Памяти"и ее идейного арсенала. Критика идеологии

Ле Пена не может обидеть нормального француза. Казалось бы, ясно.

Однако же есть причины, побудившие многих людей и целые организации, известные вроде бы своим демократизмом, в ситуации геноцида стать не на сторону солдата, выносящего обожженного ребенка из залитого бензином барака, а на сторону революционеров, выставивших молодых камикадзе, чтобы помешать солдату это сделать. Отчего именно наше правительство не признает очевидного для всего мира геноцида? Отчего иные представители элиты, составляя резолюции против бесчинств в ЦДЛ, называют по имени виновника -"Память", описывают пострадавших писателей, а вырезанные турки-месхитинцы вместе с сожженными армянами попадают в этой резолюции в скромную рубрику"и другие"? Отчего на митингах клеймятся какие-то таинственные лица, переодевающиеся то в узбеков, то в таджиков, то в азербайджанцев, то в молдаван, но обходятся стороной известные по именам убийцы? Отчего депутаты, как рассказала нам Г. Старовойтова, весело смеясь, проходят мимо женщин, кормящих грудью детей прямо на ступеньках депутатской гостиницы? Отчего москвичи, столь щедро обогревшие жертв землетрясения, о жертвах геноцида говорят зачастую с раздражением и брезгливостью? Отчего автобусы с несчастными людьми, второй месяц не мывшимися, не менявшими белья, не спавшими на мягком, подъезжая к подмосковным пансионатам, встречают митинги и демонстрации протеста: убирайтесь назад?!

В черствость нашего народа я не верю: я слишком много видела примеров сострадания. Известна мысль о том, что наше общество не может активно сострадать пострадавшим, потому что оно само в целом ощущает себя пострадавшим. Не говоря уж о прошлом, в которое просто страшно оглянуться, тревожные сигналы подает и будущее. Конечно, большинство не расшифровывает эти сигналы рационально, но люди смутно чувствуют, что могут оказаться заложниками в борьбе между вчерашней и завтрашней властью. Ведь сама логика войны, любой войны, такова, что меньше всего воюющие стороны думают о человеке, который на этот случай называется"обывателем". При этом оговаривается: обыватели бывают и образованные, с дипломом. Считая себя таким вот обывателем с дипломом, то есть человеком, который может, сцепив зубы, подсобить нести крест политической борьбы, я чувствую эти сигналы и как профессиональный политолог могу попытаться их расшифровать. Так вот, я склонна думать, что пассивность, неотзывчивость объясняются просто: не хватает душевных сил на турок, когда сам завтра будешь в их положении. Но главная тревога сегодня не в равнодушии, а в **активной агрессивности** к пострадавшим. Агрессивность-то откуда? Это страшный вопрос, глубоко философский и аб-

солютно житейский. Мы входим в глубокую рану: скальпель здесь не должен гнуться.

Я читала не раз в американских социологических исследованиях, что между дискриминированными группами населения, например, неграми и пуэрториканцами, не только нет солидарности, но есть некоторое отталкивание и напряжение, какая-то скрытая, вывернутая наизнанку конкуренция: "Это не нас не любят, это вас не любят! Нас тоже, конечно, но меньше и ошибочно, по недоразумению, может быть, путают с вами? Так вот, не путайте... И я не хочу жить в этом квартале! Ну и что из того, что квартал тихий и чистый?.. Я не могу там жить. Почему? Я не знаю, почему, не знаю..."

- Я не знаю, почему, может быть, я плохой человек, - сказала мне соседка по палате в Остроумовской больнице, - но с тех пор, как я узнала, что у Люси"это"(тогда еще не выговаривали слово"рак"), я не могу больше с ней дружить.

- Ты считаешь, это заразно?

- Нет, нет, и если б так, давно б уж... Мы еще на приеме подружились, уже месяц вместе. Но мне кажется: вот она хочет, чтобы и я была такая же...

- Но она же не знает! От нее же скрывают. И мы-то случайно узнали.

- Ну, все равно. Я не могу. Я ее скоро возненавижу.

Увы, это не расовое, не классовое, не национальное. Это страх заразиться несчастьем. Зараженного СПИДом малыша надо оперировать за границей: ни один хирург в стране не рискнул. Пытались поджечь дома инфицированных в Элисте. Дезактиваторам, которые ценой своего здоровья спасли нас от тотального распространения чернобыльского радиояда, говорили злобно: "Когда вы уже подохните?"И не только из зависти к внеочередному получению квартир. Из страха тоже. Но это страх физический, в нем есть рациональная основа: СПИД действительно заразен, и никто еще точно не знает - как.

Страх заразиться чужим несчастьем лишен разума и оттого еще опасней. Именно он, этот страх, родил крылатую фразу: "Но почему всегда бьют евреев и армян? Значит, они в чем-то виноваты. Дыма без огня не бывает".

В последний раз я слышала эти слова от московского таксиста, очень симпатичного средних лет человека. Я стала рассказывать о географическом положении древней Иудеи, о судьбе Армении. О местах на земле, где нет ни евреев, ни армян, но в их роли выступают другие народы. О том, что в 20-е - 30-е годы в СССР практически не было антисемитизма, но были миллионы других"евреев" [illegible] бухарины. Не раз пре-
[illegible]

ма". Но таксист хотел слушать. Потом сказал: "Вообще-то у меня и друзья среди них есть, они нормальные. Но народ так говорит. Конечно, не знаем ничего. А чего б вам по телевизору все это не рассказать?"

Милый человек, да кто ж пустит меня на телевидение с таким? Раньше можно было только про"дружбу народов", теперь - только про"прогнившие структуры". В очень официальном издании не взяли кем-то туда отнесенную статью о ситуации в Закавказье: говорят, и логика есть, и аргументы живые, но главного нет - не сказано, что во всем виноваты прогнившие структуры. Очень грозное и парадное издательство, туда в прежние времена без славословий"развитому социализму"и не подойти. А теперь вот нельзя обойтись без проклятий"прогнившим структурам". А если у человека правая рука такая, что тогда не могла эти буквы выписать: "раз-ви-той"? А теперь не может: "прог-нив-шие". Может, на левую руку перейти, она послушнее будет?

Можно, конечно, играя словами, сказать, что"прогнившие структуры"- это наше"старое мышление", наши анахронистические понятия. Но я не верю в"новое мышление"и"нового человека". Мышление и душа - не платье: новым старое не заменишь. Мы люди и не можем превратиться в"новых человеков". У нас есть зубы, печень, живот. И боль то в одном, то в другом отравляет жизнь большинству из нас. Если б не было живота, печени, зубов, ничего б не болело, но тогда б и нас не было. Мы не можем избавиться от своих страхов, тревог, обид, подозрений или, как говорят в науке, комплексов. Но мы можем о них знать и лечить их каждый день без абсурдной и вредной надежды излечиться навсегда.

Меня передергивает, когда я слышу, как очередные витии сулят народу"счастливую жизнь". Нет на земле страны счастливых людей, нет места, где не льется ручей слез и крови человеческой. Но на нашей земле они лились и льются морями. Все, что мы можем сделать, - это жить, как люди живут. Не пытаться создать на одной шестой земли то, что невозможно создать на пяти шестых. И в стремлении к этому опираться не только на заветы альтруизма, но и на нормальный эгоистический расчет. Прежде чем лихо требовать, чтобы завтра все республики объявили себя суверенными государствами, а кому не нравится, пусть уезжают - вспомним, что изгнанные из родных домов люди - естественная почва правого переворота. Если б не умная, твердая политика сильного президента де Голля, изгнанные из Алжира французы могли, наверное, устроить во Франции фашистский путч. А изгнанные из Анголы португальцы сильно способствовали фашистскому перевороту в этой стране. Пусть люди недобросовестные упрекают меня в сочувствии к колониализму. Я не сочувствую колониализму - ни заморскому, ни отечественному. Но я не сочувствую и тем, кто спешит отметить-

ся в своей"левизне", поставив подпись под требованием немедленно вывести войска, ни минуты времени не потратив на продумывание способов расселения и трудоустройства семей военных. Это, мол, не наше дело. Но если так, и войска выводить - не наше дело .

Но почему у Вацлава Гавела, пострадавшего во время пражской трагедии, болит душа: как устроятся семьи советских демобилизованных офицеров, когда в стране тысячи бегущих от геноцида, а еще надо переселять миллионы"чернобыльцев"из Белоруссии? И Гавел соглашается ждать год, хотя наши войска в Чехословакии абсолютно не нужны ни нам, ни им. Он предлагает сто тысяч сборных домиков для военнослужащих.

Почему Роберт Конквест, первый и непревзойденный историк сталинизма, потративший жизнь на исчисление наших жертв, на летопись наших страданий, радуясь горбачевским реформам в армии, обеспокоенно спрашивает: "Но что с ними будет, с офицерами? Уже есть бомжи. Как будут учиться их дети? Есть ли специальность у их жен?"Он спрашивает это в гостинице, где я по заданию"Книжного обозрения"беру у него интервью, и возвращается к этой мысли вновь, когда мы идем в гостиницу из издательства, заключившего с ним договор на"Большой террор"."Фантастика! - говорит он. - В Москве будут печатать мою книгу! Да, но как все обойдется? Сколько людей не у дел! Еще эти несчастные беженцы".

Эти беженцы сейчас будто раскачиваются на чаше политических весов. Правые кричат левым: "Ваших рук дело!" - "Ха-ха, - отвечают левые, - кто вам поверит? Ваших!" А людям на весах больно. Ведь у них содрана кожа.

"ЛГ-ДОСЬЕ", март 1990 г.

Почти год назад, когда писалась эта статья, еще только в самой глубине душевной, в сокровенном тайнике, где рождается мысль, брезжил вопрос: "Кто следующий?"Какой еще народ, какая нация будут поставлены вне законов человеческой морали, о какой группе отверженных - большой или малой - вновь будет сказано: "Вообще убивать нельзя, но *этих* можно"?

Не двусмысленно ли звучит этот вопрос сегодня, когда бомбы антииракской коалиции обрушиваются на.Ирак и незрячая смерть равно приходит и к агрессору, и к мирной жертве? Может быть, больше и к мирной жертве, потому что агрессор умеет хорошо спрятаться, заслониться женщинами и детьми...

И тут снова мы возвращаемся к дилемме, вставшей перед совестью каждого в дни бакинской трагедии. Пока существуют государства и армии, пока война не перестала быть реальностью сознания и поведения, нравственный выбор есть выбор между насилием над агрессором, жестоким, до зубов вооруженным, и насилием над

людьми, которые никого не убили и не ранили. Народы Кувейта и Израиля пальцем не тронули ни одного иракца, и не защитить Кувейт и Израиль - значит согласиться на публичную казнь невинных, безоружных людей.

И народ Литвы, защищавший свой парламент, свою государственность, свою отнятую полстолетия назад независимость, не стрелял, не поджигал. Пусть его лозунги действительно оскорбляли кого-то, пусть законы его парламента не всегда были разумны и справедливы, но все это заслоняется фактом нового свершившегося зла: солдаты крупнейшей армии мира, армии сверхдержавы, стреляли в мирный, безоружный и очень маленький народ, уже не раз преданный и растоптанный и отчаянно ищущий своего пути в мире.

Толпы людей, требующих, чтобы Америка ушла из Персидского залива - Америка, а не Ирак! - искренне хотят мира, но они не понимают, что, пока ставится знак равенства между агрессором и жертвой, не только не будет мира как реальности, но даже психологическая установка на мир не может сформироваться.

И те, кто справедливо говоря о преступлениях советской армии и ответственного за ее действия политического руководства, перечисляют в одном ряду Тбилиси, где озверевшие люди в военной форме забивали насмерть девушек и женщин, голодавших во имя своих или чужих идей, и Баку, где армия, штурмом взяв баррикады, авиа и морской порт, спасла от мучительной смерти в костре или под ножом тысячи детей, женщин, стариков, инвалидов. В нее стреляли, стреляла и она, и слепая пуля, как сегодня в Багдаде, не знала, в кого она попадет. Вместе с членами Хельсинкской группы я опросила десятки беженцев - в том числе этнических азербайджанцев, - и все свидетельствовали: **зверствовали безнаказанно погромщики.** Когда их зверства достигли апогея - тысячи людей лежали уже в облитых бензином бараках, со связанными руками, - начался штурм, в котором погибло немало солдат и офицеров. Дети беженцев рассказывали мне, как солдаты накрывали их телами, перевозя на баржах под градом пуль в Красноводск. Сейчас те, кто насиловал и убивал в Баку, поют славу Саддаму Хуссейну, ободренные общественным мнением, которое не хочет отличать кровавых маньяков от тех, кто, жертвуя собой, защищает ближних. Борис Ельцин призвал солдат России не поднимать руку на людей других наций. Но этот благородный призыв сможет реализоваться только в том случае, если солдат будет солдатом, то есть мужчиной в форме, защищающим жертву от агрессора, а не карателем. Через несколько месяцев после событий в Баку банды обезумевших, накачавшихся наркотиками подростков в узбекском городе Андижане бросились жечь армянские и еврейские кварталы, насиловать, избивать до смерти. А командующий соседним гарнизоном заявил: "Я и пальцем не шевельну. Это ваши дела. Приказа не было". Мы дол-

жны понять: офицер, которому нужен приказ, чтобы вытащить из огня ребенка или отбить у группы садистов женщину, с легким сердцем подчинится приказу стрелять в безоружных, как это было в Вильнюсе. Одно вытекает из другого, и не понимать этого, ставить на одну доску головорезов Саддама и летчиков-союзников, армию в Тбилиси и Вильнюсе и армию в Баку - значит создавать в мире ситуацию перманентного геноцида, растаптывать слабейших, посыпать соль на их обнаженные раны.

"Kontinent"(Бонн), № 2, 1991 г.

Надежда БАНЧИК
(УКРАИНА)

КАТАСТРОФА ИЛИ КАТАСТРОФЫ ?

Подлинная история XX века разрушает сложившуюся после Второй мировой войны "монополию" еврейского народа на право считать себя единственным народом - жертвой геноцида, со всеми вытекающими из этого экономическими и морально-политическими компенсациями. Все больше народов предстают очевидными жертвами массовых злодеяний. После крушения СССР свой мартиролог предъявляют литовцы, латыши, эстонцы, казахи, чеченцы, ингуши, калмыки, крымские татары. Можно рассматривать сталинский голодомор 1933-1934 гг. как геноцид украинского народа, хотя голод убивал не только украинцев, но и русских, евреев, поляков. Эти народы ждут *покаяния* от России.

Опыт изучения специфики этих и других трагических событий, каждого отдельно, вне исторического контекста, неминуемо приводит к вопросам вроде "какой народ больше пострадал ?", ведущим к обидам и упрекам.

А если попытаться увидеть бедствия народов в XX веке с более общей точки зрения ? Выстроив катастрофы во временной и логической последовательности, отчетливо видишь их взаимосвязь, обнажающие не межэтнические, а совсем иные подводные течения, стремившие народы к гибели. Эти потоки можно проследить по основным событиям, определившим их направление:

- еврейские погромы в России, "дело Дрейфуса" во Франции, начало "антисемитского движения" в Германии и других европейских странах → волны еврейских погромов в Европе и России в первую мировую войну, в годы гражданской войны в России и на Украине → рост юдофобии в Европе 30-х гг. → приход Гитлера к власти и поэтапное "решение еврейского вопроса" вплоть до "окончательного";

- стремление султана Абдул-Гамида "решить армянский вопрос" в Османской империи, армянские погромы в Турции и Закавказье в 1890-е гг. и в начале XX в. → 1915 г. (первый массовый геноцид XX в.) → доктрина об "уничтожении кулачества и буржуазии как эксплуататорских классов", "ликвидация националистических элементов" и "буржуазного национализма" → осуществление этих идей большевизмом и сталинизмом → гитлеровское "окончательное решение";

- идеи о "сверхчеловеке", национальном и расовом превосходстве → идеология тоталитаризма → построение тоталитарно-репрессивных систем: Османская империя младотурок → государство победившего пролетариата → третий рейх;

- нарастание эгоистических интересов "великих держав", столкновение которых привело к первой мировой войне → неспособность мирового сообщества остановить геноцид армян в Турции → закрепление несправедливого раздела мира после окончания войны (в частности, Западная Армения возвращена Турции; британский мандат на Палестину препятствовал строительству еврейского и арабского государств вопреки декларации Бальфура; Украина расчленена между Польшей, Россией и Транснистрией) → попустительство преступлениям большевизма и нарождающегося фашизма → молчаливое одобрение захвата нацистами Австрии, Судетов, Чехословакии → "закрытие дверей" перед обреченными на гибель евреями оккупированной Европы.

Четыре мощных потока общественных процессов определили течение истории XX в. и слились воедино во Второй мировой войне, чудовищным эпицентром которой стал Голокауст - Катастрофа европейского еврейства.

Даже предельно упрощенная схема обнаруживает, что геноцид армян и евреев, преступления большевизма и гитлеризма являются звеньями единой цепи постепенного морального распада, КАТАСТРОФОЙ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. *Покаяние* Германии, а затем и других стран перед еврейским народом явилось попыткой осознать лишь о д и н из этапов, но не в с ю д о р о г у в а д, обнаружило узость взгляда, не позволяющую выявить целиком механизм гигантских машин уничтожения, запрограммированных именно на такое, а не иное движение. Сегодня просто необходимо осмыслить всю цепь событий. Осмыслить и осудить тоталитаризм как политическую систему во всех разновидностях и проявлениях: пантюркизм, большевизм, национал-социализм, любой агрессивный и ксенофобский национализм.

Именно недопонимение р я д а национальных трагедий порождает напрасные надежды, что еврейский народ гарантирован от повторения Катастрофы самим существованием государства Израиль и международной поддержкой. Свидетельством иллюзорности таких надежд служит новое наступление на армянский народ, которое началось в 1988 г. с погромов, депортаций и энергетической блокады всей Армении. Видимо, самой надежной гарантией безопасности еврейского, армянского и других народов можно считать только демократические режимы.

Осознать, глубоко пережить и осудить путь насилия, которым двигалась история в XX в., - задача огромной важности и сложности. Не менее важна и "сверхзадача": решительное международное осуждение всех массовых злодеяний, начиная с 1915 года и до сего дня, поиски возможных путей исправления исторических несправедливостей, защита прав людей и народов.

Львов

Андрей ЛАРНЕР
(МОСКВА)

СПАСЕННАЯ ГАЛАКТИКА

"Вы не знаете, кто это ?"- из разговора двух евреев перед портретом Рауля Валленберга в московской синагоге.

История не испытывает недостатка в душегубах, уничтоживших миллионы людей, но много ли в ней героев, спасших тысячу жизней ?

Один из них - швед Рауль Валленберг. Пять месяцев он вел поединок с нацистской машиной уничтожения. Люди, вступившие в битву такого масштаба, редко умирают своей смертью. Валленберг - не исключение. И хотя публикации последних лет о нем состоят большей частью из вопросов, я решусь тоже задать их: почему он спасал евреев? почему его похитила советская разведка?

Первый вопрос, как и само понятие"чужого"народа, скорее риторический. Датские рыбаки, переправившие в 1943 г. сотни евреев в Швецию, после войны говорили: "Мы не сделали ничего особенного. Каждый помогает соседу в трудное время". Однако даже среди праведников мира фигура Валленберга представляется необычной."Эта еврейская собака Валленберг", - сказал о нем Адольф Эйхман. Но и у многих обывателей - евреев и неевреев - подвиг Валленберга вызывает недоверие, непонимание.

Рауль Валленберг, родившийся в 1912 г., принадлежал не к самой влиятельной ветви знаменитой фамилии. Архитектор по образованию, он приехал в 1936 г. в Хайфу, где работал в филиале Голландского банка. На Святой земле он встретил немало беженцев из Германии, их рассказы произвели сильное впечатление на молодого бизнесмена.

Вернувшись в Стокгольм, он становится представителем торговой компании, которую возглавлял венгерский еврей К. Лауэр. Так началось его знакомство с венгерским еврейством, приближавшимся к трагической черте своей истории. Вернее, вступление гитлеровских войск в 1944 г. в Венгрию должно было подвести черту или перечеркнуть само существование евреев этой страны. Сотни из них были арестованы в первый же день оккупации. Эйхман, прибывший в Будапешт в начале марта, немедленно организовал отряды для ликвидации евреев. К концу апреля в концлагерях оказалось 150 тысяч евреев, а к тому времени, когда Валленберг стал атташе посольства Швеции в Будапеште, узниками нацистов стали 476 тысяч евреев.

Спасти их могло только чудо.

Вначале"паспорта Валленберга"получали те, кто имел какие-то связи со Швецией, но вскоре их выдача стала массовой. В октябре 1944 г. 33 тысячи евреев нашли убежище под защитой флагов нейтральных стран, еще десятки тысяч спаслись в"шведских домах"- зданиях, купленных Валленбергом и защищенных флагом Швеции.

Валленберг боролся за каждого человека, спасая обреченных даже из гетто, из поездов смерти, из подвалов гестапо. Он добился того, что открытая депортация евреев, осуществленная нацистами в Бухаресте и Праге, Киеве и Риге, стала невозможной в Будапеште. И все-таки в ноябре 1944 г. несколько тысяч венгерских евреев этапировали к австрийской границе. Валленберг и секретарь шведского посольства Пер Ангер последовали за колонной, снабжая узников едой и одеждой; отчаянными усилиями им удалось спасти 500 человек и вернуть их в Будапешт.

Единоборство Валленберга и Эйхмана достигло кульминации. Во время встречи на одном из раутов Валленберг высказал уверенность в скором разгроме Германии."Не надейтесь, что вас спасет шведский паспорт !"- вместо ответа пообещал Эйхман.

Вскоре после этого разговора на узкой улице в машину Валленберга врезался бронетранспортер. Дипломат чудом не пострадал. Наступление советских войск помешало Эйхману предпринять вторую попытку, но он и предположить не смел, что его угрозу осуществят СМЕРШ и НКВД. 19 января 1945-го Валленберг был вызван в штаб советской армии в Дебрецене. С этого момента события ускользают от исследователей, отделить факты от вымысла становится невозможно.

Немецкий историк В. Шиллер считает, что формальным поводом к аресту Валленберга могло служить обвинение в сотрудничестве с нацистами. Но разве нужен был какой-нибудь повод той темной силе, что ненавидит свет ?!

"Спасающий человеческую жизнь спасает целый мир."Двести тысяч спасенных миров - это даже не созвездие - галактика. Галактика, спасенная человеком по имени Рауль Валленберг.

Владимир АБАРИНОВ

(МОСКВА)

РЕАБИЛИТИРОВАН ЯПОНСКИЙ ВАЛЛЕНБЕРГ

За перипетиями дела Демьянюка публика пропустила событие противоположного содержания: в Японии реабилитирован посмертно Сенпо Сугихара, японский Валленберг.

В 1940 году, будучи консулом Японской империи в Ковно (Литва), Сугихара спас от 6 до 9 тыс. еврейских беженцев из оккупированной Польши. С японскими визами на руках им удалось переправиться в Кобэ, а оттуда в Шанхай, где они дождались конца войны. Сугихара действовал в нарушение приказа МИДа на собственный страх и риск. После включения Литвы в состав СССР дипломат вернулся в Японию и уже после войны был уволен. В 1968 году один из спасенных Сугихарой евреев узнал его на улице Токио. Отставной консул, однако, не смог по состоянию здоровья прибыть на собственное чествование в Израиль. Сенпо Сугихара скончался в 1989 году.

Как сообщает агентство Киодо Цусин, только теперь министерство просвещения Японии решило внять многочисленным ходатайствам и включило рассказ о Сугихаре в школьный учебник префектуры Гифу, родины дипломата. По японским понятиям, это и есть"правительственная реабилитация".

Газета"СЕГОДНЯ", 27 августа 1993.

Левон Л. ХАЧАТРЯН

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Учился в киноинституте с будущими знаменитостями армянского кино А. Пелешяном, А. Мкртчяном, Р. Ватиняном, А. Вагуни. Хоть я и сделал несколько картин на"Арменфильме", мой вклад в кино так и не вышел за рамки учебы с будущими мастерами кино Армении.

Никогда не любил литературы в картинах. Литература сама может стать картиной. Ничего не хочу утверждать, но так оно и есть.

Недавно один из талантливых поэтов, который на старости лет решил заниматься созданием"газетных картин", объявил, что бросает это дело. Мол, газеты стали неинтересны. Почти голодовка, протест, до лучших времен...

Есть работа"Автопортрет с матерью"американского художника-армянина. Я бы эту картину распространил по всей территории Армении. Везде. В аэропортах, универмагах, ресторанах, казармах, детских домах, в казино, парламенте, в журналах и учебниках. Я бы разбрасывал репродукции картины с вертолета. Мне жаль, что в Армении нет работ Великого Востаника, что армяне не читают его писем в оригинале (читают обратный перевод с английского), что одна из трагических фигур нашей эпохи стала скорее экзотикой, чем реальной величиной.

Впервые я сделал работу из текста в 1964 году. Это были страницы из книги западноармянского поэта Сиаманто. Получилась картина с текстом. Зритель мог не столько смотреть, сколько читать картину. Это было в России, на втором году службы в Советской Армии. Фотография этой работы должна быть в архиве поэта Р. Давояна.

Я был потрясен, когда впервые увидел рукописи Хлебникова, рисунки Бойса,"Квадрат"Малевича, фотографию Арчила Горки.

Культ слова и букв всегда присутствовал в творчестве художников в разное время. Я не говорю о старинных книгах или иконах, это естественно. В начале века в русском изобразительном искусстве они появлялись то на живописных картинах, то в рукописных книгах. Буквы присутствовали как один из компонентов картины, наравне с цветом, фактурой. Искажался рисунок, искажались и буквы. Слова дробились и разбрасывались, как и предметы натюрморта, по всему пространству холста. Авторы использовали эти отдельные слова, демонстрируя возможности в каллиграфии, композиции, да и, что там говорить, в формальных исканиях. Для художников источником вдохновения оставались старые традиционные понятия букв и слов. С ними и попытались соединить новейшие направления в искусстве.

Короче говоря, буквы на картине имели такую же художественную ценность, как битое стекло, песок, битум, обрывки газет.

Я никогда не был за границей, в Большом театре, в Мавзолее.

Уже несколько лет работая в кино, захотел стать членом Союза кинематографистов. Председатель секции мультипликации сказал: "Знаем этих армян. Как можно за неполных три года сделать четыре фильма ?"Он мог сомневаться в записях в моем творческом листке, но фильмы-то шли на экранах. Были"Шлепанцы Абу-Гасана","Трое из Простоквашино","Каникулы в Простоквашино"(за десять лет 12 фильмов), но членом СК СССР я так и не стал.

Когда сочинял свои нерисованные картины, подумать не мог, что позднее подобные работы будут называть то соц-артом, то концептуализмом, а то и тем и другим вместе.

Долгие годы меня и мою семью кормили коммунисты, вернее, их Центральный Комитет. Многие журналы, начиная от"Работницы"и"Огонька"до"Советского Союза"и"Миши", выходили под эгидой ЦК КПСС. Как раз в этих местах я иллюстрировал произведения нашей многонациональной литературы. Ведь за двадцать лет членства в Союзе художников я не продал ни одной картины, не получил ни одного заказа, хотя исправно платил членские взносы.

Я всегда хотел убрать художника, который каждый раз появляется между картиной и зрителем. Наверно, со временем роль и значение художника в создании художественного произведения будут пересмотрены.

Сейчас звучат фамилии нескольких художников, которые считаются"отцами"генеральных направлений в нашем искусстве. Я тихо скрылся как"отец-алиментщик". На многих моих работах только после появились подписи и даты (хотя сохранились слайды тех лет). В 60-70-е годы ни одному нормальному человеку в голову не могло прийти, что эта куча вырезок из газет или страницы старых журналов и есть произведения искусства. Эти работы спокойно могли сойти за макулатуру (связанные веревками, они долго лежали под кроватью). Я прекрасно понимал, что никому не нужен ни я, ни эти работы, но конспирация есть конспирация. Я ведь не знал, как можно отправить за границу работы, как созвать пресс-конференцию, и за меня вряд ли заступились бы зарубежные дипломаты.

Изредка я слышал о подпольной художественной жизни Москвы. Пару раз ходил к"малогрузинам". Они тогда гремели, но мне решительно не нравились. Потом я читал воспоминания о"бульдозерной"выставке: как организаторы буквально терроризировали разных капитанов и майоров милиции, те просто ходили на цыпочках перед искусствоведами (настоящими) при словах"сейчас позвоним иностранным корреспондентам". Всегда можно восхищаться

общественной деятельностью или организаторскими способностями многих художников и (извините) арт-критиков, но причем тут искусство ?

Пару лет назад по нескольким адресам любителей и знатоков "Петушков"послал письма, где говорил о своей работе по поэме В. Ерофеева. Я так и не получил никакого ответа ни от знатоков, ни от любителей. А факса у меня нет.

Уже неинтересно смотреть работы молодых коллег. Боюсь, что они еще болтаются в заброшенных старшими товарищами окопах. Они идут по второму кругу, но рвутся завоевывать новые плацдармы. Конечно, победа будет за ними. А после победы настанут трудные времена. Сейчас молодые могут стать классиками за 4-5 лет, а остальное время придется доказывать, что они классики. Неинтересны работы молодых. И мой возраст тут ни при чем. Я нынче похож на зрителя, которому показывают фокусы, а он знает секреты этих трюков.

Напрасно опасение, что в новейшем искусстве повышается возможность обмана, появление шарлатанов. Ну, появятся, но ведь у реалистов тоже немало мошенников. Жулики были и есть среди политиков, биологов, экономистов, кибернетиков, поэтов-песенников. Неужели художники менее талантливы, чем эти ? Нет надобности оправдывать их. Где деньги, бизнес, рынок - там всегда есть жульничество.

Нечего беспокоиться. Современное искусство имеет свои законы ценностей. Многое мне непонятно. Почему работы одного и того же художника, одного года создания, одинакового размера стоят поразному ? Я не знаю этих законов, но они есть. И факт, что в музеи попадают в основном хорошие работы, тому пример.

Я так и не ощутил перемен времени. Как при старом режиме, продолжаю оформлять исторические и детективные книги, сомнительного качества рассказы, фольклор многонационального юга России. Я доволен, что сейчас как и раньше, мое"искусство остается для искусства", и вовсе не жду с нетерпением"долгожданных встреч со зрителем". И не жалко, что работается меньше. Какая разница, сколько куч газет стоит в углу комнаты или развешено по стенам ? Дело ведь не в количестве. Была бы идея.

Дюшан создал только несколько работ (я не имею в виду его второстепенные живописные работы). То есть если он был бы автором только этих живописных работ, то вряд ли бы о нем вообще говорили. Дюшан всегда останется создателем"готовых изделий".

Малевич тоже. Он до"квадратов"был нормальным живописцем. Писал так, как писали художники половины России, но останется как создатель"квадратов".

Как и Татлин со своими"контррельефами".

Отличие искусства XX века, наверно, еще и в том, что надо делать"по-другому", а не"лучше". Ведь невозможно написать"черный квадрат"лучше, чем *тот*"Черный"квадрат". Так вот, после этих работ Дюшан оставил искусство. Никогда не вспоминаются работы, созданные в 30 - 40-х или 50-х годах, хотя он скончался в 1968 году. Пример Дюшана не для сравнения. Это повод для размышления о наследии художника. Наступает время, когда самому приходится разными примерами оправдывать свою более-менее видимую творческую деятельность. Я даже не о таланте, а о том, что вопреки всему разумному, несмотря на очевидную нелепость и ощутимую опасность выбранной тематики, пришлось отказаться от ремесла художника.

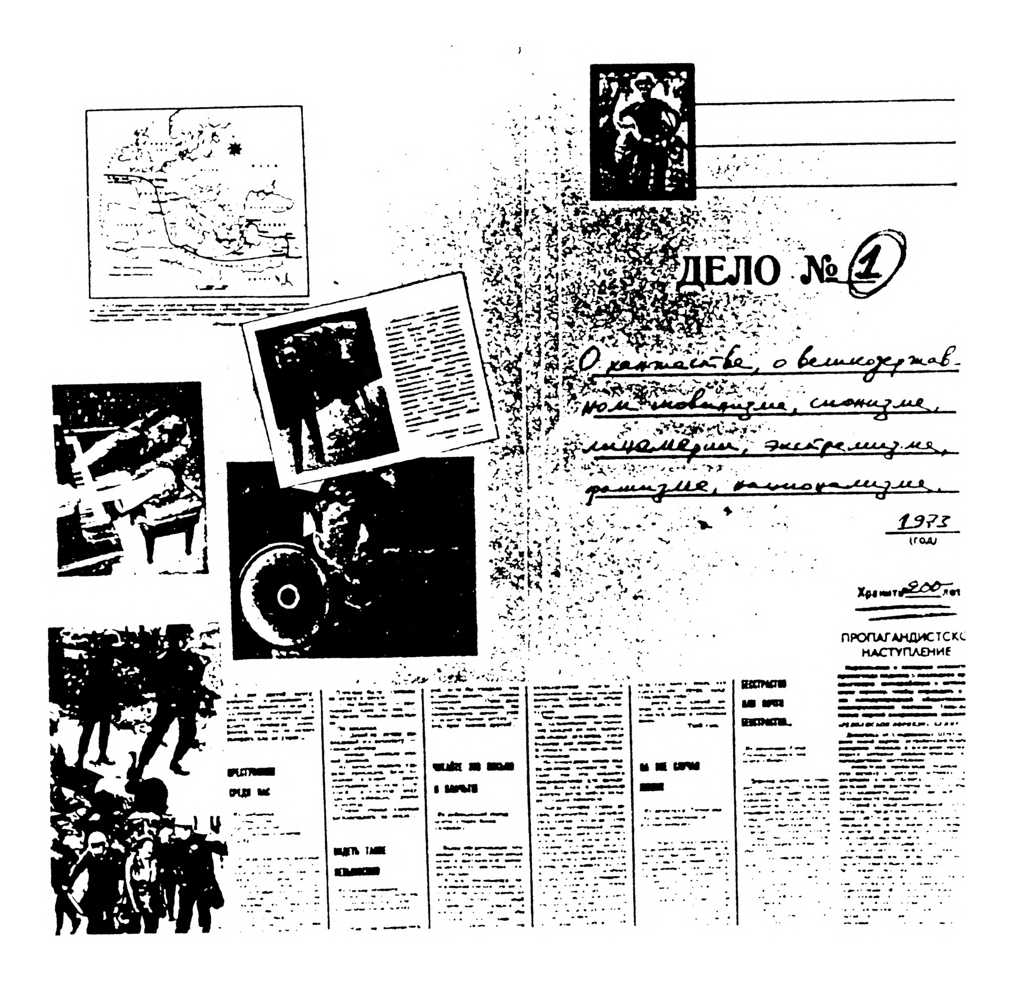
Вот о таком чисто советском понятии как"самиздат". Как художник я мог посвятить этому только картину. Не статью, не поэму, а картину, объект. Одни будут считать глупостью всю эту затею. Было так было это явление, чего еще памятник ставить. Другие мои коллеги укажут разные художественные способы. Наверно, они есть, однако я оформил как графические листы эти одиннадцать разворотов ксерокопии рассказа С. Довлатова"Представление".

"...Навсегда расстаемся с тобою, дружок
Нарисуй на бумаге простой кружок.
Это буду я, ничего внутри,
Посмотри на него и потом сотри".

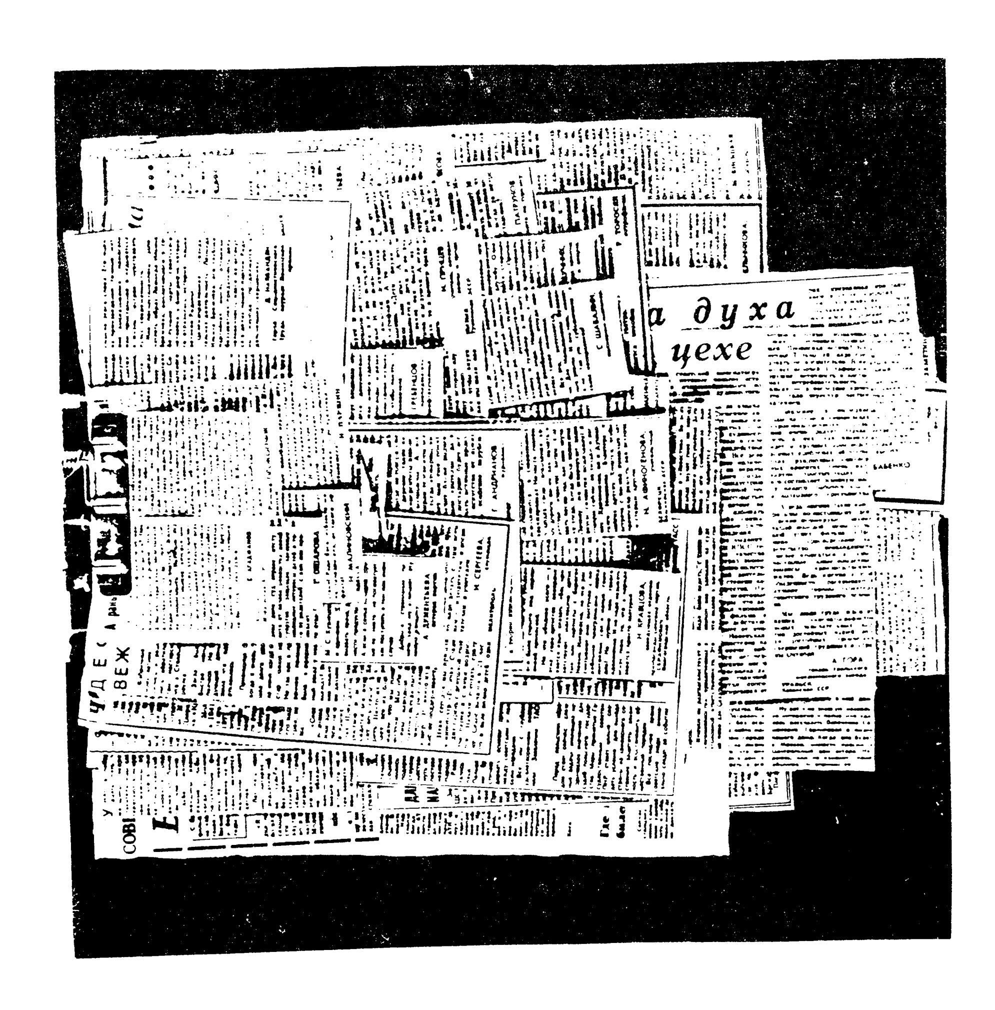
Это Бродский.

А это Крученых:

"...Что такое высшее счастье ? Это когда в холодную ночь идешь и ищешь ночлега. Увидишь огонек, будешь долго стучать в дверь, но тебе не откроют и прогонят прочь".

ДЕЛО № 1
О хамстве, о великодержавном шовинизме, сионизме, лицемерии, экстремизме, фашизме, национализме.
1973
(год)
Хранить 200 лет
ПРОПАГАНДИСТСКО
НАСТУПЛЕНИЕ

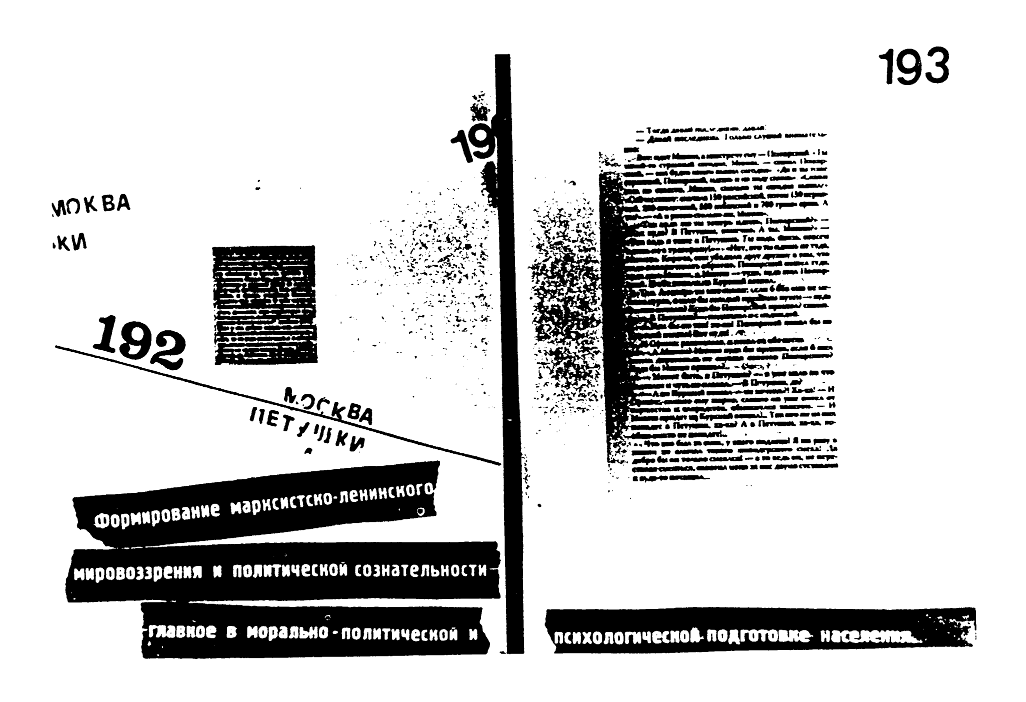
1. Дело № 1. 1973

2. Письма читателей. 1970-е

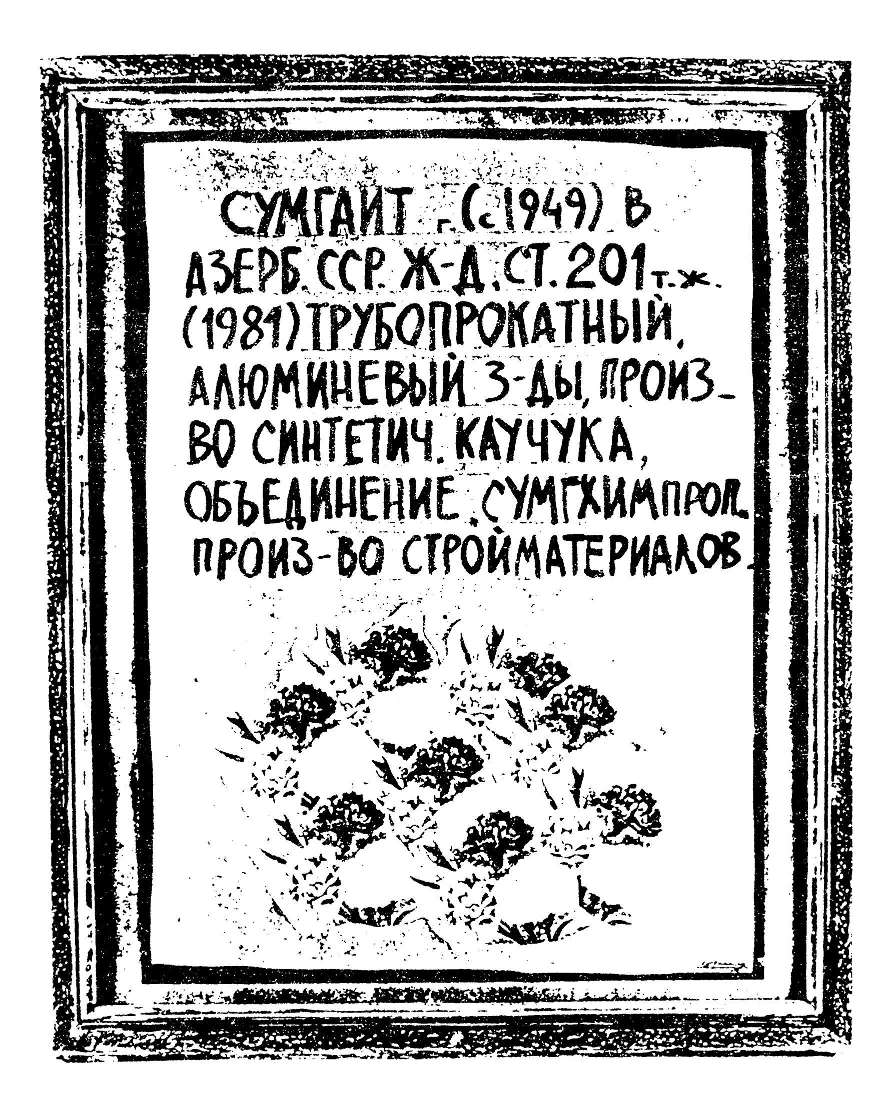
3. Андраник. 1992

4."Москва-Петушки". 1992

5. Тю-тю. 1970

6. Сумгаит. 1988

Ф ТГ-1а

Слов	Плата	
	руб	коп

Принял

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА
МОСКВА 47

ПЕРЕДАЧА

Номер рабочего места

Автоответ пункта приема

Передал

Служебные отметки

Категория и отметки особого вида

ОБРАЗЕЦ

В прокуратуры СССР и Арм. ССР.
Мы ~~нижеподписавшиеся~~ ниже подписавшиеся, просим освободить
Паруйр Айрикяна из под ареста. Так как он
не совершил никакого уголовного преступления
не нарушал общественного порядка не ~~совер~~
сделал никакого проступка. Его арест
взволновала многих у нас. Мы все
надеемся что это просьбу будет удовлет-
ворении и Паруйр Айрикян будет освобожден
из под ареста

28 марта 1987 года

18 подписей

7. Без названия. 1987

8. Я и мои работы. 1976

Дмитрий КРАСНОПЕВЦЕВ

ИЗ ЗАПИСОК РАЗНЫХ ЛЕТ

Почтительно следовать природе, с восторгом и изумлением, - означает писать под диктовку Бога, повторять за ним некий отрывок из Его великой книги. И когда ты пишешь и говоришь в унисон, веришь, что не ошибся, тебя охватывает радость способного ученика, радость преданного раба, который понял учителя и господина своего, его волю и намерения. Это - растворение и подчинение. Но большая радость дается тем, кто не повторяет, подчас бездумно, учителя и господина, а переводит, трансформирует виденное, выбирает, комбинирует по-своему, вступает в спор. Это уже диалог, это почти на равных. Почти. В этом непослушании,"бунте", возможно и поражение, как в борьбе Иакова с ангелом.

Но учитель зачастую больше любит непокорных, но смелых, пытливых учеников, разрешает и открывает им то, чего никогда не будут знать повторяющие его слово в слово.

ххх

Летние запасы на зиму - травы, шум деревьев, раскаты грома, ручьи, стрекозы, бабочки, лужи, дожди и запахи, множество летних запахов.

ххх

Я слышал за собой шаги, я останавливался - звук шагов исчезал. Я оглядывался и никого за собой не видел. Шел дальше и опять слышал шаги за спиной - это был звук моих шагов, это я шел за собой.

ххх

Бесформенное - что это значит, что это такое ?

ххх

Порядок и чистота ! Но если невозможно соблюсти оба эти условия красоты, то порядок предпочтительней. Порядок - это композиция, из порядка произошли все искусства, произошло все.

ххх

Бревна, доски гнилые и крашеные, детская коляска без колес, матрац с вылезшими ржавыми пружинами, проросший насквозь травой, кирпичи, кровельное железо, рамы с остатками стекол в углах, железная кровать, сношенная обувь, учебник алгебры, залитый чернилами, консервные банки, бутылки, лакированный розовый протез ноги в грязном синем носке, резиновая грелка, растерзанная кукла, лежащая в позе жертвы "убийства на сексуальной почве", горшок с

цветущей геранью, разбитый унитаз... и множество других неожиданных, но хорошо знакомых предметов, наполняющих пустыри и городские свалки, - говорят нам о беге всеуничтожающего времени, и говорят нисколько не меньше, чем руины соборов и крепостей, еле различимые рвы, окружавшие бывшие города, замшелые стертые надгробья... - это *часовая* стрелка времени, а та - быстро бегущая, *секундная*.

ххх

На исходе третьих суток, вечером, дождь наконец кончился, и почти в темноте, в глубоких сумерках - у горизонта загорелась яркая, лимонно-желтая полоса, отразившаяся в многочисленных лужах. Было сыро, тепло, торжественно и непонятно - как ожидание чего-то, как начало выхода неведомо куда.

ххх

Испробуй все доступные способы знакомства с предметом - осмотри со всех сторон, доступных обозрению, загляни внутрь и осмотри, хотя бы мысленно, форму предмета изнутри, как если бы она была полой, взвесь, если доступно, или представь тяжесть, ощупай, определи теплоту и характер, фактуру поверхности, осмотри еще раз, меняя освещение, постучи, заставь звучать, нарисуй с главных сторон, смотря и не глядя, по памяти, подробно опиши словами и снова долго смотри со вниманием, сопоставь мысленно с другими, уже знакомыми, объектами.

Проделав это - знай, что состоялось лишь поверхностное знакомство с предметом.

ххх

Картина - остров, независимый остров - государство, живущее по своим законам, под своим флагом.

ххх

ИДЕАЛ КАРТИНЫ (МЕЧТЫ, ЖЕЛАНИЯ).

Равновесие, устойчивость, статичность.

Обособленность - остров или архипелаг, но тоже обособленный, окруженный безбрежным океаном.

Контур острова, как бы ни был изрезан берег - определенный и компактный.

Невозможность что-либо изменить без ущерба целому; только так, как есть, единственное решение, другое невозможно, немыслимо.

Внутренние конфликты, контрасты, несоответствия - в целом уравновешены и заключены в общую "раму", в результате полное спокойствие и незыблемость. Впечатление (увы, только впечатление) постоянства, неразрушимости, вечности, совершенства.

Порядок, чистота, тишина, покой, торжественность. Все изменяющего времени больше нет, оно остановилось. Совершенно как пирамида, храм, формула. Это контраст жизни, которая есть постоянное движение, перемена, рождение и смерть, создание и разрушение без конца. Возможно, мы воспринимаем так жизнь, глядя на нее вблизи и находясь внутри, а на расстоянии, на нужном удалении все эти перемены, контрасты и конфликты тоже уравновешены, и целое - устойчиво и незыблемо.

ххх

Не только шулерские карты - все на свете имеет свой крап, свои еле уловимые отличия,"особые приметы". Малейшая трещинка, скол, пятнышко определенной формы, родинка, бородавка, полустертая татуировка, совсем стертая, но оставившая белесый след, чуть искривленный ноготь, еле заметный шрам или след ожога, чуть измятая мочка уха или помятая страница книги, неровная шляпка гвоздя, не совсем точно наклеенная полоса обоев, все эти *чуть-чуть, едва, немножко, почти* - еле заметные, но неизбежные и уловимые глазом признаки. Просто глазом, без лупы и микроскопа. Нет не только двух одинаковых листьев на одном дереве, нет ничего одинакового и не имеющего своих индивидуальных отметок - все дело во внимании смотрящего.

У осязания свои приметы, свои шероховатости и переходы форм, так хорошо различаемые слепыми, у звука свои нюансы, у вкуса и обоняния - свои - и все та же крапленность и неповторимость.

Безусловно, зрению заметно и доступно большее количество улик, оно лучший криминалист, следователь и судья, обвиняющий природу и человека в неумении создавать абсолютно идеальное или хотя бы точно повторить себя, без предела и допуска точности.

ххх

При работе над картиной можно сердиться, ругаться, счищать написанное, но не забывать, не терять и возвращаться к чувству и мысли, что ты пишешь икону - пусть на ней изображено дерево и камень, бутылка и селедочный хвост, - все равно это икона. Икона, прославляющая и благодарящая Творца !

ххх

Отражение жизни и отражение души.

"Малые голландцы"- тут весь уклад жизни от одежды, мебели, посуды до меню завтрака и формы ночного горшка - мастерство, поэзия повседневности, жизнь.

И большой голландец - Рембрандт - автопортрет великой души.

xxx

Рядом с дорогой, у забора стоит деревянная уборная с буквой "М" над раскрытой дверью, ужасающе грязная и зловонная. Внутри все стены исчерчены похабными надписями и рисунками, перепачканы до потолка калом и плевками. Среди этой грязи каким-то расплывшимся дерьмом приклеена к стене маленькая фотография без уголка, какие клеят на пропуска и удостоверения. На фотографии лицо молодой женщины - усталое, с большими печальными глазами.

xxx

Как хорошо проснуться рано, когда еще совсем темно, и почувствовать, что выспался. А кругом все еще погружено в сон. Спят шкафы, столы и стулья, спят книги на полках, спит вся комната - и только бессонные часы отсчитывают время. Хорошо лежать и смотреть, как медленно светлеет окно, как на стеклах вырастают морозные голубые цветы, как появляются изображения на картинах, как все просыпается - рассвет пробуждает формы и краски, наступает новый день, новый и неизвестный.

xxx

Монтеня, если полюбишь, то будешь любить и читать всегда. Он не приедается, он на редкость простодушен, не назойлив, естественен. Его непоследовательность, которую часто можно заметить на одной и той же странице, его абсолютная искренность, неуверенность во всем, похвала и порицание одному и тому же, его размышления вслух при тебе и с тобой, полнейшее отсутствие какой бы то ни было позы порождают чудо, и он выходит со своих страниц нам навстречу как близкий, хорошо знакомый, дорогой нам человек.

И все случаи, истории, побасенки, цитаты из древних авторов становятся фоном, а он главной фигурой, о которой мы знаем все, он ничего не утаил от нас. Мы знаем и видим его внешность, одежду, дом, утварь, книги, знаем, что и сколько он ест и пьет, как чистит зубы салфеткой, знаем его привычки, болезни, недоверие к врачам... он весь перед нами, открытый со всех сторон, со всеми своими слабостями и во всем своем величии. Его "Опыты" - это исповедь, может быть, среди знаменитых и великих исповедей (Августина, Руссо, Толстого и других) - самая откровенная и великая.

xxx

Произведение искусства смертно; материал, в котором оно воплощено, будь то камень или бумага, дерево, бронза или холст, уничтожим. Но сама идея, предмет произведения, то, что отображено и изображено в нем, должно быть выше времени и изменений, должно быть незыблемым, вечным, не подверженным смерти и уничтожению.

XXX

Когда из картины, как бы вырезая, берут фрагмент и рассматривают отдельно, то часть становится целым, выходит из подчинения и, раскрывая себя с невидимых до этого сторон, образует новую самостоятельную картину, имеющую часто другой смысл, вызывающую совсем другие мысли и чувства...Так в свое время выделились пейзаж и натюрморт, превратившись из фона и аксессуара в самостоятельные жанры искусства.

XXX

Неравенство - это условие гармонии, которая есть равновесие неравного.

Искусственно создаваемое равенство, уравнивание - противоестественно, оно недолговечно и требует применения непрерывного насилия.

Равенство возможно только в идеальных, умозрительных науках и в лабораторных опытах при определенных условиях, при постоянном наблюдении и вмешательстве.

XXX

В Вене, в Музее истории искусств, находится одна из картин Иеронима Босха, вернее, две картины на двух сторонах доски. На одной стороне, в круге, изображен обнаженный мальчик - Иисус Христос с детскими игрушками. Одной рукой он катит перед собой игрушку на колесиках, такие игрушки давали детям, делающим первые шаги по земле, в другой руке у него вертушка на палочке.

На обратной стороне - другая картина : Христос, окруженный злобной толпой, в терновом венце, согбенный и ведомый на веревке, несет крест на Голгофу. Две стороны - две картины, начало и конец.

XXX

Изъяны повсюду, везде и во всем изъяны - трещины, сколы, сдвиги, неточности, опечатки... Проклятое несовершенство всего сущего, острота зрения при несовершенстве ума.

XXX

"Вселенная - это круг, центр которого везде, а окружность нигде", - писал Паскаль. Но это определение великого геометра неточно, да и возможно ли быть точным в попытке определить неопределимое. Круг потому и есть круг, что имеет окружность и безусловный, единственный центр - без этих условий он не был бы кругом.

XXX

Картины уже законченные, вернее, написанные - имеют свойство дозревать, как дозревают зеленые помидоры и яблоки, но могут и не дозреть, а сгнить.

XXX

В витрине музея лежат куски древнего окаменевшего ила, песка или глины с четкими отпечатками волн древнего, давно уже не существующего моря и капель бывшего дождя.

XXX

Эпиграммы древнегреческих поэтов и пояснения к ним. Полистрат - сохранилось две эпиграммы, поэтесса Миро - две, Акератграмматик - одна. Одна эпиграмма - четыре строки от труда всей жизни и имя. Как мало! Время, а где же остальное?

XXX

Работай не торопясь, не спеши - время ревниво и неблагожелательно к тому, что создано без его участия и помощи.

XXX

Грубо сколоченная, самодельная книжная полка из досок и двух не очищенных от коры бревен спиленного во дворе тополя. И вот по весне эта полка зацвела - на бревнах появились ростки, почки и листья.

XXX

Не забывай, что ты играешь в шахматы с судьбой, и если одну из партий ты свел вничью, то знай - Она играла в поддавки.

XXX

Время уничтожает медленно и красиво, человек - быстро, грубо, страшно. Иногда так же поступает и природа, потрясая землю, насылая бури, взрывая вулканы, но и все эти взрывные разрушения время, призывая на помощь ту же природу, врачует - присыпает раны землей, бинтует травой, укрывает плющем, сглаживает острые углы и покрывает все своей драгоценной патиной.

XXX

Рама может быть пустой, она всегда что-то заключает в себе, обрамляет - таково ее свойство.

XXX

В любящих, аккуратных, понимающих руках - предмет расцветает, становится единственным, неповторимым, драгоценным; попадая в равнодушные, грубые, слепые руки - он теряет все, он закрывается и угасает.

XXX

Красота - не столько свойство самого предмета, сколько результат нашей любви к нему.

xxx

Можно рисовать с натуры и без натуры, важна лишь одна натура - своя собственная.

xxx

Существует *античный* цвет - он не черный и не красный, не белый и не желтый, не зеленый и не синий, но он и красный, и черный, и синий - он всякий, но прежде всего *античный*. Он в каждой древней амфоре, в каждом обломке мрамора, осколке глиняного сосуда и стекла, в каждом куске бронзы и фрагменте фрески. Из Греции и Рима он переходит в Византию и Средние века и доходит почти до наших дней, постепенно слабея, встречаясь все реже и реже, и, наконец, исчезает совсем. Может быть, это цвет прошедшего времени, патина лет? Не знаю. Но этот цвет существует.

Анна РАПОПОРТ
(МОСКВА)

У ИСТОКОВ ХАСИДИЗМА. ИЗРАЭЛЬ БААЛ-ШЕМ-ТОВ.

ХАСИДИЗМ ВОШЕЛ В ИСТОРИЮ РЕЛИГИИ, КАК НИ С ЧЕМ НЕ СРАВНИМАЯ ПОПЫТКА СПАСТИ СВЯЩЕННУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА ОТ ПОРЧИ ЛЕГКОСТЬЮ И ПРИВЫЧКОЙ.

Мартин БУБЕР

Когда экраны наших телевизоров показывают евреев в Израиле или Америке, мы часто видим людей в черных костюмах и высоких черных шляпах. Это хасиды хабада (аббревиатура трех слов: мудрость, понимание и знание).

Хасидизм возник в XVIII в. в Восточной Европе и оказал решающее влияние на весь образ жизни и мышление восточноевропейского еврейства. Его основатель Израэль Баал-Шем-Тов (или, по традиционной аббревиатуре, Бешт), родился в 1698 или 1700 г., именно в тот момент истории Европы, когда она переживала величайшее потрясение, повлекшее за собой драматические социальные сдвиги. В результате Великой Французской революции радикально изменилась жизнь западного еврейства, получившего, наконец, необходимые права, возможность выхода из гетто и приобщения к культурной и общественной жизни окружавших его народов. Однако восточную часть европейского континента эти процессы не затронули, там евреи на протяжении всего восемнадцатого столетия, а в некоторых странах и долее, продолжали жить в гетто, в черте оседлости и были скованы многочисленными запретами и ограничениями. Польское еврейство еще не оправилось после учиненных войском Богдана Хмельницкого в середине XVII века погромов, которые не только значительно уменьшили его численность, но и подорвали основы его экономки, а продолжавшиеся преследования, насилия и притеснения влекли за собой нищету и всяческие бедствия.

Беспросветным тяготам повседневной жизни сопутствовал и глубокий духовный кризис. Золотой век, пережитый еврейской культурой в Испании в X-XI столетиях, когда творили великие поэты,

мыслители, ученые, а позднее каббалисты, был далеко позади, изолированное духовно и терроризированное преследованиями еврейство держалось только традицией, верой в неразрывный завет Бога с Израилем и надеждой на приход Мессии, который должен был предвосхитить избавление не только еврейского народа, но и всего человечества.

Религиозная жизнь восточноевропейского еврейства пережила период стагнации и нетворческого, часто схоластического рационализма, нетерпимого к любому новаторству, ко всякому проявлению индивидуальности, а постоянно сопутствующие евреям на протяжении тысячелетий мессианские упования были омрачены и в значительной степени ослаблены вследствие разочарования, постигшего еврейский мир после явления Саббатая Цви (1626-1676) - лжемессии, сумевшего увлечь широкие слои народа как на Ближнем Востоке, так и в Европе, и поразившего своих многочисленных приверженцев неожиданным обращением в ислам в турецкой тюрьме. Саббатианский кризис нанес народу глубокую и долго не изживающуюся травму. Все эти факторы породили потребность в каком-то новом осмыслении традиционной веры и создавали предпосылки для доминирования мистического мироощущения. Нужен был новый импульс, побуждающий восстановить былое единство на ином уровне религиозного мышления в личном духовном опыте верующего, незави-симом от погруженности в талмудическую схоластику. Назрела потребность в радикальном переосмыслении традиционных представлений и практики, в обретении каких-то иных упований, не на отдалившийся в неопределенное будущее вследствие саббатианского кризиса приход Мессии, а связанных с окружающим миром, с тем, что происходит здесь и сейчас."Должно было произойти нечто вроде возмущения религиозной энергии против омертвелых религиозных ценностей",- говорит об этом периоде известный исследователь еврейского мистицизма Гершон Шолом.

На этот вызов времени и предназначено было ответить Израэлю Баал-Шем-Тову, основателю одного из самых замечательных мистических учений - хасидизма* ."Чем был хасидизм, когда он только зарождался? Это был человек, Баал-Шем-Тов",- говорит писатель Эли Визель. Особая значимость личности учителя (буддийского гуру, суфийского шейха, хасидского цадика), а тем более зачинателя - общеструктурная черта всех мистических течений, в случае Баал-

* Термин *хасид* (праведный) употребляется в псалмах. Хасидские братства возникали еще во времена Маккавеев, позднее в средневековой Германиии, а незадолго до появления Бешта и в различных частях Восточной Европы. Но это были замкнутые, эзотерические группы. Хасидизм, как широкое религиозное движеение был создан Баал-Шем-Товом.

Шем-Това проявилась особенно ярко. Его имя и история его жизни обросли множеством разнообразных легенд, повествующих о его великой мудрости, ясновидении, духовной силе, способной возжигать пламя, мгновенно преодолевать большие расстояния, исцелять больных и страждущих и творить другие чудеса. Однако из доступного исследователем материала складывается и достаточно достоверная канва его жизни.

Родился Израэль сын Елиезера в местечке Окопе на Подолии, ранее принадлежавшей Турции, где саббатианское движение было особенно влиятельно. Рано осиротев, мальчик рос на попечении общины. С самого детства его не слишком привлекало традиционное изучение Торы, он искал чего-то другого. Биографы рассказывают, что он часто убегал из хедера (школы), чтобы побродить в лесах и полях. Впоследствии он часто говорил своим ученикам, что он там в большей мере чувствовал присутствие Бога, чем в школе.

Однако изучением каббалы Израэль увлекался с ранних лет. В молодости он перепробовал разные профессии: был учителем, сторожем синагоги, резником. Нескладного, рассеянного, склонного к эксцентрическим выходкам Израэля воспринимали в общении как чудака и поддерживали скудным пособием; когда ему исполнилось двадцать лет, он поселился в уединенном месте у подножия Карпат, где зарабатывал на пропитание, выкапывал известь, которую его жена Ханна продавала в городе. Здесь, в уединении, Израэль предавался созерцанию, медитации и занятиям каббалой. Во время одиноких блужданий по горам и лесам его нередко охватывало искомое всеми мистиками состояние экстаза, в котором он получал особый, личный опыт познания божественной реальности и единства бытия.

Так провел Израэль несколько лет, а когда ему исполнилось тридцать шесть, он решил (согласно традиции, получив знак свыше, во сне), что настало время вернуться в мир и приступить к той работу, для которой он был предназначен. Он стал Баал-Шемом - владетелем великого божьего имени, так называли целителей и чудотворцев, занимавшихся практической каббалой, ибо считалось, что им известно имя Бога, при помощи которого они врачуют и творят чудеса. Израэль пустился странствовать, раздавал лечебные травы, оберегающие от болезней и бед амулеты, изгонял демонов. Такие чудотворцы баал-шемы, мастера практической каббалы, бытовали в те времена в восточном еврействе во множестве.

Но Израэлю не было равных, его личность поражала особым магнетизмом, а страстность его веры захватывала всех, кто попадал в сферу его влияния. А сочувствия, сердечности и внимания хватало на всех, кто в этом нуждался. Израэль не гнушался общением с людьми сомнительной, даже дурной репутации, ибо, как он говорил, "чтобы вытащить другого из грязи, нужно самому ступить в грязь". Слава о нем распространилась по всей Галиции, Волыни и Украине.

Чтобы отличить его от других баал-шемов, к его имени прибавили слово"тов"- благой, святой. Однако Израэль вскоре оставил поприще целителя и чудотворца, решив посвятить себя подлинному служению Богу и передать людям то новое понимание веры и жизни, которое открылось ему в личном мистическом опыте.

Примерно в 1740 - 1745 г. Баал-Шем-То в поселился в местечке Меджибош на Волыне, там он возглавил бет мидраш (дом изучения), куда стекалось множество его последователей, в том числе раввины и знатоки Торы и Талмуда, привлеченные равно его проповедью и его личностью. Тысячи людей стремились услышать его слово, получить его благословение, участвовать в его страстной молитве. Он внушал надежду, укреплял веру, помогал найти смысл даже в самом безрадостном бытии. Здесь он прожил до конца своих дней и умер в 1760 году. Здесь и получило начало одно из самых влиятельных в истории иудаизма течений. Чтобы понять генезис и религиозный смысл созданного Бештом и сложившегося в ходе развития хасидизма учения, необходимо хотя бы вкратце остановиться на основополагающих концепциях поздней, так называемой лурианской каббалы.

Мистическое учение *каббала* (*"полученное"*, то есть открывшееся и переданное мистическое знание) формировалось сначала в Италии и Южной Франции, потом в Испании, где на рубеже XIII и XIV столетий пережило расцвет. Более поздняя модификация учения, так называемая лурианская каббала, создана знаменитым мистиком и визионером Исааком Лурией (1534 - 1572) и его школой в городе Цфате (Израиль). Учение каббалистов получило широкое распространение как на Ближнем Востоке, так и в Европе и оказало значительное влияние на многих, не только еврейских, но и арабо-мусульманских мыслителей, а также на европейских гуманистов, в частности на Иоганна Рейхлина (1455 - 1522) и Пико делла Мирандола (1463-1494), который в своей знаменитой"Речи о достоинстве человека"изложил воспринятый из учения каббалистов взгляд на значение человеческой личности.

Мы остановимся лишь на некоторых основных, наиболее важных для нашего дальнейшего изложения аспектах этого сложного учения, вобравшего в себя, помимо иудаистических концепций, элементы иранских верований и неоплатонизма.

Согласно учению Лурии, существование вселенной стало возможным в следствии"сжатия"или"сосредоточения"Бога (*цимцум* - в контексте каббалы этот термин точнее трактовать как"удаление, отход"). Для того, чтобы создать мир, Бог должен был покинуть некое предвечное пространство, Бог"сжался", потому что, будучи нераздельным единством, он захотел стать объектом свободного познания и любви, захотел, чтобы из его изначальной единой сущности возникло нечто иное, стремящееся к единению с ним. В этом заключается тайна свободы мира и человека.

За этим актом самоограничения божества следовал второй акт - творения и откровения путем эманации божественного света. При этом космический процесс носит двуединый характер: испускаемый свет возвращается к своему источнику, за чем следует новое"сжатие"и новое излучение. Каббала описывает структуру мира как"древо сфирот"(ед. число сфира -сфера), по которым свет нисходит от верхней"сфиры"вниз, одновременно отражаясь от нижней"сфиры"вверх.

В процессе творения произошло некое катастрофическое событие, именуемое"сокрушением (разбиванием) сосудов", ставшее причиной той внутренней ущербности мира, которым пронизано все сущее. после"сокрушения сосудов"божественный свет частично рассеялся, частично вернулся в свой источник, частично устремился вниз. Спускаясь в нижнии миры, искры света, именуемые в каббале"святыми искрами"или"искрами Шехины"*, попадают в заточение в"клиппе"(скорлупе, норе), иначе говоря в явлениях феноменального мира. Главное назначение всего сущего, и прежде всего человека, заключается в восстановлении изначальной целостности мира. Этот процесс называется"тиккун"(исправление) и мыслится как возвращение рассеяных при"сокрушении сосудов"искр божественного света на предназначенное им в мироздании место. Процесс *тиккун* требует импульса,, исходящего не только от Бога, но и от Его творения. Человек должен помочь Богу религиозным действованием. *Сфирот* и *клиппот* были созданы для того, чтобы движимый свободной волей человек проник в них и высвободил заточенные"*искры Шехины*". На этот, исходящий от человека, импульс избавления, Бог отвечает своей милостью. Поэтому человек, способный высвобождать"искры святости", обладает влиянием на все мироздание. Отсюда его огромная ответственность за состояние мира и за достижение избавления. Именно эта идея мессианской ответственности человека получит развитие в хасидизме и станет его нравственной основой.

Для преображения мироздания первостепенное значение имеет не какое-то особое делание, а"каванна"(святой умысел), определяющая ценность и действенность как поступка, так и молитвы, во время ко-

---

* Шехина (Божественное присутсвие)-десятая или последняя сфира в иерархии сфирот. Шехина мыслится как божественная сила, наиболее приближенная к сотворенному миру, источником которого она является. Через нее проходит божественный свет. Согласно учению каббалистов существует взаимозависимость между нею и всеми действиями человека. Изгнание шехины - результат космической катастрофы (сокрушения сосудов) и грехопадения первого человека. Освобождение шехины из изгнания и воссоединение ее с Божеством главная цель процесса восстановления ("тиккун").

торой мистик проходит все этапы теогонического и космического процессов и потому способен оказывать влияние на *сфирот*. Поскольку *сфирот* и миры постоянно находятся в движении и развитии, каждый момент требует особой *каванны* и мистическая молитва неповторима. Каббалисты верили в магическую силу имен Бога, букв и чисел (в древнееврейском языке числа имеют словесное значение), манипулирование которыми составляет основу практической каббалы.

Таковы наиболее важные элементы лурианской каббалы, воспринятые и переосмысленные, а в какой-то мере претворенные в жизнь Баал-Шем-Товом, сочетавшимэто учение с традиционным иудаизмом и придавшим ему общедоступную форму. Согласно точному выражению Мартина Бубера, Баал-Шем-Тов превратил каббалу в этос.

Ни философом, ни теологом в точном смысле слова Бешт не был. Он не столько создавал какую-то новую систему, сколько, как это ни раз бывало в истории мистических учений, изложил новые, живые подходы к изначальным постулатам. Признавая значение ритуала и закона, ревностно следуя раввинической традиции, Бешт, как и другие мистики, например, арабские суфии, утверждал, что вера не сводится к их соблюдению, что ее сущность в чем-то ином, и прежде всего в непосредственной связи (*двекут*) верующего с Божеством.

Самое естественное средство для установления такой связи - молитва. Однако, в соответствии с учением каббалистов о каванне истинный хасид должен молиться тогда и там, когда у него появляется такое желание, и теми словами и мелодиями, которые возникают в его сознании в этот неповторимый в его и космическом бытии момент. Поэтому Бешт считал нужным, даже вредным, ограничивать обращение к Богу определенным , установленным для этого ритуалом и временем, поскольку молитва должна твориться по велению сердца,, а не по указанию часов, она не обязанность, но сокровенная радость. Такая ориентация на первостепенное значение спонтанно-эмоционального начала, которому отдавалось предпочтение перед интеллектом и традиционно высоко ценившимся знанием Торы и Талмуда как бы раскрепощало верующих, уставших от недоступных их пониманию толкований и споров, уравнивало всех в возможности достижения контакта с Божеством. Вокруг Баал-Шема и других великих хасидских учителей-его восприемников все были равны, ибо образованные и необразованные,- все существовали в общей элитарной атмосфере, поскольку все приходили сюда с одной целью: обрести новый духовный опыт, найти путь к Богу. Бешт утверждал, что кучер, целующий свиток Торы, дороже Богу, чем воспевающие его ангелы.

Наследие Бешта дошло до нас в фрагментах, его речения в основном записаны или пересказаны после его смерти учениками и последователями. Существует два сборника его речений, кроме того, многие его высказывания, толкования священных текстов, обычно

разъясняемых при помощи простых доходчивых притч, разбросаны в писаниях других хасидских учителей. Аутентичных текстов самого Бешта сохранилось крайне мало. Наиболее значительный из них - письмо родственнику, ребу Гершону из Кутова, жившему тогда в Палестине, написанное в 1750 году и повествующее о пережитом Израэлем за три года до того мистическом опыте, восхождении его души в высшие миры, где он видел раскаявшихся и прощенных грешников, другие, возносившиеся одновременно с ним души, Сатану и, наконец, попал во дворец, где Мессия изучает Тору вместе с мудрецами и патриархами.

Мессия открыл Бешту тайны бытия, запретив о них говорить. На вопрос Баал-Шем-Това, когда ожидать его прихода, Мессия ответил: "Когда твое учение откроется миру... когда его ручейки распространятся повсюду, а с ним и то, чему я научил тебя, когда другие смогут совершить восхождение, как это делаешь ты - тогда все силы зла исчезнут и настанет время божественной воли и Избавления"."Я был поражен, - добавляет Бешт,-и очень опечалился, что этого так долго не будет, ибо когда же это все сможет произойти?"Это традиционное видение, сходное по своей структуре с подобного рода текстами в христианской и исламской литературе и отличающееся от них только каббалистическими образами и терминами.

Из этого и других фрагментов видно, что, хотя учение Бешта было основано на лурианских концепциях, он внес в них существенные коррективы. Прежде всего каббала была эзотерическим учением; скрытый смысл того, что говорили и писали каббалисты, был понятен только посвященным, за высказанным стояло невысказанное. Бешт обращался к каждому единоверцу, считая его сопричастным своему знанию. Каббала проповедовала аскетизм - Бешт был решительным его противником. Он отвергал культивировавшийся каббалистами магизм и признавал только духовную силу, обретенную благодаря *каванне* - обращение к Богу со"святым умыслом"всем существом. Так же, как Исаак Лурия, главной задачей верующего Баал-Шем-Тов считал Избавление"искр святости"и достижение связи с божеством (двекут). Но вместо мессианского видения грядущего Избавления, Баал-Шем-Тов, не отрицая традиционной веры в приход Мессии, утверждал возможность Избавления здесь и сейчас. Он утверждал, что Бог действенен во все времена и во всей вселенной, поэтому человек всюду и всегда может приобщиться к божьему действованию, направленному на спасение"искр святости", познать во всей полноте радость Избавления в настоящем.

В отличие от Исаака Лурии, считавшего, что, создав мир, Бог"сжался","ушел в себя", Бешт трактовал процесс *цимцум* иначе, он учил, что Бог всюду эманирует свой бесконечный свет, меняя лишь его интенсивность в зависимости от способности сотворенных Им существ воспринять его, поэтому все в феноменальном мире про-

низано божественным светом. Ему приписываются такие речения: "Господь, да будет Он благославен, заполняет своею славой весь мир и всякий миг и всякое движение, даже всякая мысль исходит от Него";"Шехина заполняет все четыре порядка природы: неодушевленные предметы, растения, живые существа и человека, она во всяком сотворенном существе, хорошо оно, или дурно".

Один из биографов Бешта рассказывает, как Израиль, увидав группу согбенных и грустных евреев, остановился и спросил: "Почему вы такие печальные, почему у вас такие грустные лица?"Они отвечали: "Мы не помолились как следует, мы не занимались изучение Торы, как надо. Мы не исполнили и малой частицы того, что должны делать для Господа, да будет благословенно Его имя". Тогда Израиль сказал: "Остановитесь! В печали зло. Ну не занимались вы изучение Торы - это ведь не главное. Если вы не помолились как следует - веруйте! Еврей трудится целый день и к вечеру в сумерках его охватывает дрожь и он говорит себе: "Горе мне! Я чуть не забыл произнести вечернюю молитву!"И он бежит в дом и произносит вечернюю молитву, сам не зная, какие слова выговаривают его губы, и все же - я вам говорю - все ангелы дрожат, услышав его молитву. Ведь самое главное - это чистота его сердца и помыслов. Поэтому оставьте печаль и грусть! Человек всегда должен радоваться своему жребию".

Основополагающей ценностью и жизненной установкой Бешт считал радость, проповедуя, что нельзя поклоняться Богу, скорбя или умерщвляя свою плоть. Узнав, что один из его бывших учеников принял обет аскетизма, Бешт написал ему : "Я слышал, что ты считаешь себя обязанным во имя веры встать на путь постов и самобичевания. Такое намерение вызывает в моей душе возмущение. Во имя Бога повелеваю тебе отказаться от этой опасной практики, которая свидетельствует об умственном расстройстве. Разве не написано: "Ты не станешь прятаться от своей плоти?"Не постись более предписанного. Послушайся моего повеления и да будет с тобой Бог". Бешт учил своих последователей бороться радостью с печалью."Человек, который смотрит только на себя, обязательно впадает в отчаяние, но как только он откроет глаза и увидит творение вокруг себя, он познает радость".

Эта радость бытия мыслилась Бештом, как путь к абсолюту, к Избавлению, к Богу, это была новая, обретенная и провозглашенная им, истина. Некоторые хасидские учителя, последователи Бешта, даже отдавали предпочтение радости бытия, ибо она высвобождает"святые искры"и, тем самым, приближает Избавление. Отсюда культ веселья, пения и танца.

Бог для Баал-Шем-Това и его последователей союзник и судия человека внутри творения, а связует Его с человеком любовь. Бога любят в человеке, ибо любовь к Богу проходит через любовь к чело-

веку. Тот, кто любит Бога, исключая человека, мертвит эту любовь. Поэтому вся жизнь хасида должна быть заполнена любовью к ближнему, а через него к Богу. Всякое деяние любви, всякая встреча приближает приход Мессии, ибо, как сказано в Талмуде,"когда мужчина и женщина соединяются в святом единстве, с ними пребывает Шехина", и тогда мир изменяется, их любовь придает творению новое значение, ибо мир един, все в нем взаимосвязано.

Подлинное служение Богу должно совершаться страстно,-в состоянии экстаза, способного"возжигать пламя". *Мицва* (угодное Богу деяние), совершенная без рвения, энтузиазма, вне *каванны* и напряженной любви к Богу, бесполезна, как и равнодушная молитва."Человек должен вложить в молитву все свое сердце и прочитать каждое слово всеми силами души", -говорит Баал-Шем-Тов. Для достижения соответствующего состояния хасиды выработали свою психотехнику, во многом напоминающую суфийскую, молясь, они покачиваются, жестикулируют, громко поют, танцуют и подпрыгивают.

Бешт воспринял учение каббалистов об"искрах святости", запавших после"сокрушения сосудов"во все сущее, только человеку дано очистить и высвободить их из всех вещей и существ, которые он встречает в повседневной жизни, и способствовать их возвращению в божественный источник. Из этого Баал-Шем-Тов выводит свою основополагающую концепцию пансакрализации жизни, иначе называемую"освещением повседневности". Человек преображает мироздание не особым деланием, а"святым умыслом", стоящим за всяким его действием.

Служение Господу может заключаться не только в молитве и соблюдении предписаний, но и в самых простых повседневных действиях: еде, питье, труде и т.д., нет разделения на высшее и низшее, высшее открыто каждому, путь ведет к Богу отовсюду. Жизнь человека, каждое его слово и действие должны быть посвящены одному устремлению: соединить обитающие в мире, заточенные в нем"святые искры"с их божественным источником. Поэтому на каждом человеке ежеминутно лежит ответственность за судьбу космоса..

Вера в присутствие"искр Шехины"во всех явлениях феноменального мира сказывается и на решении проблемы зла (теодицеи). Бешт верил, что не существует ничего, непоправимо погрязшего во зле. Он трактовал зло как низшую манифестацию добра, в которой все же присутствует какая-то толика божественного света."Шехина пронизывает все уровни жизни, от наивысшего, до низшего. Она в человеке, даже когда он совершает грех, ибо иначе он не мог бы ничего содеять, не мог бы пошевелиться, потому что только Бог дает ему жизненную силу". Поэтому всякий грешник может надеяться на прощение и способен на раскаяние. В отличие от раввинов, угрожавших грешникам гееной огненной, хасидские цадики говорили, что размышлять над грехом и злом - само по себе грех и зло, ибо по-

рождает мрак и погружает в грех и зло, огрубляет душу. Они призывали сторониться зла, избегать его и стремиться делать добро.

Наряду с радостью бытия Баал-Шем-Тов неустанно проповедовал и другую основополагающую для хасидизма ценность: скромность, смирение (*шифлут*), противопоставляя его гордости, тщеславию. Передают такое его высказывание: "Человеку должно быть безразлично, хвалят его или порицают, любят или ненавидят, считают мудрейшим или глупейшим из людей. Служение Господу подлинно, если оно оставляет смиренное чувство своей незначительности. Если после молитвы человек ощущает хотя бы малейшее чувство самоудовлетворения, если он к примеру думает, что заслужил награду своим духовным рвением, тогда, да будет ему известно, что он молился не Богу, а самому себе".

Эгоизм, стремление к самоутверждению, тщеславие, самодовольство-все это должно быть преодолено, иначе невозможно достичь состояние *двекут* (букв. *прилепление* к Божеству), к которому стремится всякий хасид (и всякий мистик). Но требование смирения не вело в хасидизме к самоунич(жению при сопоставления ничтожества человека со всемогуществом Божества. Один из последователей Баал-Шем-Това советовал хранить в кармане две записки, на одной из них должно быть написано: "Ради меня создан мир", на другой: "Я прах и тлен", иначе говоря, сочетать чувство глубокого смирения с созиданием достоинства и значимости человеческой личности.

Баал-Шем-Тов с презрением относился к тем, кто имел на все готовые ответы."Если вы хотите испытать мудрость реббе, пойдите и спросите его, знает ли он, как изгнать нечистые, чуждые помыслы (во время молитвы) из своего сознания. Если он ответит"да", значит ему нельзя доверять, ибо человек должен бороться с этими мыслями до последнего момента, в этом и заключается его служение в мире". Тот, кто гордится своими знаниями, хуже невежды и величье человека заключается в способности к смирению. Для Бешта"чуждые мысли"явление не психологического, а космического порядка, в каждой такой мысли скрыта искра из"разбитых сосудов", они -"чистый свет в грязном одеянии"; стремясь вырваться из заточения, они попадают в сознание человека и, если ему удается очистить их от шелухи, то он способствует из возвращению к божественному источнику. Человеку кажется, что он воздействует на судьбу мира, эти мысли приходят к нему не напрасно, а для того, чтобы он их очистил, ибо все соблазны исходят от Бога, который облачает их в одеяния зла.

В хасидской концепции Избавления личное, национальное и космическое составляют некое единство, поскольку всякий, совершенный с *каванной*, акт способствует Избавлению и"святых искр", и совершающей его личности, и еврейского народа, и всего мироздания.

Учение Баал-Шем-Това быстро распространилось среди евреев Польши, Украины, Бессарабии и Венгрии. После смерти Бешта за короткий период - какие-нибудь пятьдесят лет - гетто Восточной Европы породило целое созвездие хасидских учителей - цадиков (цадик - праведный, справедливый), каждый из которых был яркой индивидуальностью. Развивая и дополняя идеи Баал-Шем-Това, они превратили его весть в законченное учение.

В раввинистическом иудаизме религиозный лидер мыслился прежде всего законоучителем, знатоком Торы и Талмуда, а в хасидском цадике ценили не ученость (которой он, как правило, обладал), но иррациональную способность к озарению, мистическую харизму, превращавшую его в духовного руководителя общины, наделенного непререкаемым авторитетом. Мартин Бубер отмечает, что"уникальность и величие хасидизма не столько в самом учении, сколько в созданной им общине, когда учитель (цадик) живет уединенно или с группой учеников, но в общине и с нею, как бы включая всю ее в свою экзистенцию". Цадик воздействует своей личностью и жизнью. Он несет учение не только проповедуя, но и реализуя его, он сам и есть учение. Все развитие протекает вокруг его личности, занимающей место доктрины.

Когда одного прославленного цадика спросили, почему он не последовал примеру своего учителя, он ответил: "Напротив, я следую его примеру, как он покинул своего учителя, так и я покинул его". Так создалась традиция порывать с традицией и каждый раз в каком-то смысле начинать с начала, иначе говоря вызов догматизму стал принципом.

Будучи моралистами-мистиками, хасидские учителя создали религиозную общину, основанную на неком парадоксе: мистики, достигнувшие *двекут* высочайшей степени духовного одиночества - вместо того, чтобы беречь свое мистическое знание как сокровенную тайну, передают ее всей общине, центром которой они становятся."Жить среди заурядных людей и все же быть наедине с Богом, говорить на языке мирян и все же черпать силу жизни из первоисточника всего сущего... - таков парадокс, который только истинно верующий человек способен реализовать в своей жизни и который превращает его в средоточие человеческой общности", - говорит известный исследователь еврейского мистицизма Гершон Шолом о хасидских цадиках.

Хасидизм был подготовлен всем предшествующим развитием еврейского мистицизма и заложенной в иудаизме тенденций к пансакрализации жизни. Он придал восточноевропейскому еврейству огромную жизненную силу."Невозможно не поражаться тому, что хасиды оставались хасидами в стенах гетто и в лагерях смерти. Они продолжали радоваться жизни, когда над ними уже нависла тень палача. Испуганные немцы перешептывались о евреях, танцующих в товарных вагонах, катящихся к лагерям смерти: это хасиды встреча-

ли праздник Симхат-Торы. Находились и такие, кто в блоке № 57 в Освенциме пытались вовлечь меня в их экстантическое пение. Что это было - чудо?", свидетельствует чудом спасшийся Эли Визель.

Гитлеровцы уничтожили в Восточной Европе мир хасидизма, остались лишь "уцелевшие". Но его весть доходит до нас благодаря трудам Мартина Бубера, собравшего и опубликовавшего хасидские легенды и притчи, и посвятившего хасидизму несколько исследований, книгам Эли Визеля ("Пламенные души" и др.), в которых писатель рисует портреты хасидских цадиков, полотнам Марка Шагала.

Владимир МИКУШЕВИЧ

БААЛ-ШЕМ

В горах копает глину Баал-Шем
И рассылает глину всем, всем, всем.
Исписан Саваофом каждый ком.
Кому Господень почерк не знаком?

В горах копает глину Баал-Шем.
Кровь проливают люди между тем.
Господня клинопись - на кирпичи.
Пророческие косточки в печи.

В горах копает глину Баал-Шем.
Живые глохнут, если мертвый нем.
Смотрите, сколько крови натекло!
Покойникам тепло, и вам тепло.

30 октября 1971 г.

Маркс ТАРТАКОВСКИЙ
ВОЙНА СУДНОГО ДНЯ. ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

"Ицхак Рабин и Ясир Арафат обменялись историческим рукопожатием"... Эту фразу повторили газетные, теле- и радиорепортеры во всем мире. Вспомнили, что этому рукопожатию предшествовало другое - Менахема Бегина и Анвара Садата.

Но не было бы всех этих рукопожатий, и мира все еще не было бы, если б 20 лет назад в октябрьской войне 1973 г., после того, как поражение Израиля выглядело столь очевидным, его победа не оказалась бы столь несомненной. И никто уже из соседей Израиля не пытался больше"по гамбургскому счету"испытывать его на прочность.

Теперь, когда локальные войны гниют годами, точно трофические язвы, и гибнут не столько на полях сражений, сколько в мирных жилищах, вспомним, как непримиримые, казалось, враги были приведены к осознанию того, что надо мириться, альтернативы нет.

5 октября, пятница. 1973 год.

С расстояния в шесть лет Шестидневная война кажется чудом. Господь, точно в ветхозаветные времена, сам, казалось, сошел на землю и возглавил свой народ. И остановил солнце на небе, дабы дать ему добраться, завершить блистательный разгром сразу всех врагов, напиравших отовсюду. Израиль теперь пожинает плоды победы: и от границ его до сердца страны не считанные минуты танковой атаки, но часы, и кнессет его не в прицельном окуляре вражеского наводчика, а в ощутимом отдалении. Конечно, ни Советский Союз, ни даже Франция не сочли бы это глубокой обороной, а все же с юга у Израиля Синайская пустыня до Суэцкого канала, хлебородные поля на севере прикрыты Голанскими высотами. С них, правда, можно различить Хайфу, израильский порт на Средиземном море, однако можно различить и Дамаск, - так что неприятелю есть над чем задуматься.

Но, как говорят евреи, и в радости немало печали."Тель-Авив в изоляции", - трубит наша пропаганда. Уже и микроскопическая Того, очередная африканская страна, порвала дипломатические отношения с Израилем. Международный вес арабского мира это прежде всего вес

поступающей оттуда нефти - а он огромен. И это не все. Важнейшие святыни ислама - здесь, на тесном перекрестке трех континентов; так что правоверным мусульманам, где бы они ни жили, Израиль - точно кость в горле. Наша "Правда" смакует сетования тель-авивской газеты "Гаарец": "Похоже на то, что в некоторых областях Израиль 1973 года не так силен, как в период Шести-дневной войны".

Тут же в "Правде", конечно: "Свободу Луису Корвалану!", "Позор хунте Пиночета!". Теперь это (как еще недавно "сионистская агрессия") - гвоздь пропаганды. Нашей пропаганде необходим какой-то гвоздь сезона. В продолжение шести лет, с 1967 г., "израильская солдатня" вытаптывала, казалось, полпланеты. "Ужасы сионистской оккупации" превосходили все, до того пережитое человечеством. Теперь "гвоздь" - "пиночетовские застенки". На первых полосах портрет коммунистического великомученика Луиса Корвалана - с толстыми щечками и характерным прикусом, делающим его похожим на сурка.

6 октября, суббота.

Иосиф Печенюк инетересуеся по телефону, хорошо ли я вчера поужинал. Это, оказывается, попечение над моей душой: чтобы, не дай Бог, я сегодня не оскоромился - в пост на Йом-Кипур.

Несмотря на пост, это, по традиции, радостный праздник, Судный день, когда Милостивец наш расположеннее всего к своему народу, День отпущения грехов. Начинается он утренней молитвой "Кол нидрей" ("Все обеты"): просят Г-пода не взыскивать за слова, необдуманно слетевшие с языка. И если на Новый год (у евреев он приходит на переломе сентября на октябрь) судьбы наши лишь заносятся в Книгу жизни, то на Йом-Кипур решается, кому жить в этом году, а кому нет.

Свежая "Правда" полна неясных намеков: "Тель-Авив нагнетает напряженность" (нашей прессе трудно выговорить название государства - Израиль); "По предположениям египетской печати, Тель-Авив готовит массированное нападение. К сирийской линии прекращения огня подтягиваются израильские танковые части и тяжелая артиллерия. Израильские самолеты барражируют вдоль всей этой линии, а также ливанской границы... Египетская печать подчеркивает, что Тель-Авиву не удастся запугать арабов..."

Словом, "с праздником вас!" Поститесь и молитесь, но помните, что "миролюбивые силы во всем мире внимательно следят за сионистскими происками". А вот и сюрприз - прямо на Йом-Кипур: "Официально объявлено, что Сирия решила восстановить дипломатические отношения с Иорданией - в соответствии с "духом каирской встречи" президента Сирии Хафеза Асада и президента Арабской республики Египет Анвара Садата с королем Иордании Хусейном".

Еще недавно королевские войска громили зарвавшихся боевиков-палестинцев (которым, себе на горе, Иордания после 1967 г. дала прибежище) - да так немилосердно, что арафатовцы предпочитали переходить вброд Иордан и сдаваться еврейским пограничникам, рассчитывая на гуманность израильских законов (на отсутствие, во всяком случае, смертной казни). Надолго ли нынешние объятия и поцелуи? "Настроения в арабском мире переменчивы, как погода", - проговаривается наша пресса, но добавляет: "Неизменна лишь ненависть к сионистскому врагу".

Настораживает какое-то залповое обращение к Ближнему Востоку, сильно потускневшему в глазах нашей пропаганды с того времени, когда Садат выставил из Египта разом всех советских советников.

7 октября, воскресенье.

Газетные сообщения запаздывают на сутки. Жирный заголовок в "Правде": "НАПАДЕНИЕ ИЗРАИЛЯ НА ЕГИПЕТ И СИРИЮ".

"Каир, 6 октября (ТАСС). Верховное командование вооруженных сил Арабской республики Египет (АРЕ) заявило, что в 13 часов 30 минут Израиль силами нескольких военно-воздушных подразделений совершил нападение на египетские части близ Зарафана и Ас-Сохны (в районе Суэцкого залива). Одновременно несколько израильских военных катеров приблизились к западному побережью залива..."

Но, как следует далее из этого сообщения, египтяне не остались в долгу и контратаковали настолько мощно, что, "преследуя противника, форсировали в нескольких местах Суэцкий канал. На его восточном берегу (в Синае) развертываются бои..."

Похоже, вся наша преса в таком же шоке, как и я. Нет комментариев. Уроки Шестидневной войны не прошли зря. Тогда, вначале, Насер, Асад и Хусейн дудели о "победах арабов" и "разгроме сионистского врага", и, действительно, были победы и разгром - только в обратном порядке. Приемчики и выкрутасы, при помощи которых наши пропагандисты уже на третий день войны выбрались из собственного дерьма, могли бы войти в учебники для будущих журналистов.

Сейчас, похоже, была команда не лезть головой вперед в канализационную трубу, выждать и взвесить. И есть что! Вдоль израильского берега канала укрепленная линия, названная именем начальника генерального штаба ("линия Бар-Лева") - намытые песчаные валы с огневыми гнездами на 15 бойцов через каждые полтора десятка километров. Если линия прорвана, израильские посты обречены. А вот в это как-то не верилось. Каждый солдат на счету в этой

маленькой армии - и, наверное, мудрецы в генеральном штабе все предусмотрели заранее. Сильно засело в голове (и не в моей одной), что, во всяком случае,"евреи - умные". И разыграли, наверное, какую-то беспроигрышную комбинацию: заманили, скажем, противника в ловушку...

Египетское агентство МЕН: "Наши войска овладели рядом укрепленных позиций на восточном берегу канала... Египет считает свои территориальные воды, а также территориальные воды Израиля районом военных действий".

Мои (вероятно, не только мои)"стратегические соображения"заводят слишком далеко. Следуя им, приходится допустить, что и сирийцев на северном фронте Израиль заманивает в ловушку."Представитель военного командования Сирийской Арабской республики (САР) объявил, что в 14. 00 (6 октября) израильские войска атаковали передовые позиции сирийской армии по всей линии прекращения огня... Сирийские войска отразили нападение и перешли в контрнаступление. Бои идут западнее линии прекращения огня" - т. е. в израильской части Голанских высот.

Хороша"ловушка", - если ширина страны здесь, до берега моря, с полсотни километров - для одного танкового прорыва!

"Сирийское командование объявляет (северо-восточную) зону Средиземноморья районом боевых действий".

Бисмарк предостерегал Германию от войны на два фронта, хотя"зазор"между ними был бы до полутора тысяч километров. Германия проиграла две войны подряд, не посчитавшись с этим предупреждением. Война на два фронта (или на три, если - как в 1967 г. - вмешается Иордания) - самое суровое испытание для любого государства; в истории немного было таких испытаний.

"Сирийские истребители вступили в бой... Каир сообщает о том, что в воздушных боях сбито 11 израильских и 10 египетских самолетов... Израиль подтверждает потери своей авиации..."

А что же по другую сторону обоих фронтов?"Кабинет министров Израиля предоставил министру обороны Моше Даяну все полномочия для ведения военных действий... В Израиле приведены в состояние боевой готовности войска, госпитали и медицинский персонал".

Значит, не были"в состоянии боевой готовности"? Да как же понимать тогда следующую фразу все той же"Правды"? Вот она: "Сообщения арабской печати и информационных агентств свидетельствуют о том, что новые агрессивные акции Израиля против Египта и Сирии тщательно готовились и планировались (подчеркнуто мной. - М. Т.) Тель-Авивом". Торчат, торчат ослиные уши лжи!

Вечером наконец-то сквозь глушилки прорываются Би-би-си,"Свобода","Немецкая волна". Итак, вчера днем на всем протяжении Суэцкого канала, этого, как считали мудрецы израильского ген-

штаба,"лучшего в мире противотанкового рва", после фантастического по мощности бомбового и артиллерийского удара египтян (до двухсот снарядов в секунду!) были наведены переправы с западного берега на восточный в местах, не прикрытых огнем израильских разрозненных постов. В течение часа этот берег был превращен поистине в геенну огненную. Оборонявшиеся солдаты были обречены. Песчаные валы"Линии Бар-Лева"размывались мощными водометами, расчищались бульдозерами. В спину израильтянам зашли египетские танки. И все же, судя по обмолвкам арабских сообщений, сопротивление не подавлено. Израильские посты все еще отвечают огнем.

Самолеты Израиля, атакующие наступающие войска, встречены плотным огнем египетских ракетных батарей; сбиты десятки машин.

"По мнению некоторых компетентных французских военных кругов", победы Израиля - в прошлом. Силы слишком неравны. По численному составу египетская армия уступает лишь армиям великих держав: 800 тысяч солдат и офицеров, около двух с половиной тысяч танков, еще больше артиллерийских орудий, более полутысячи самолетов первой линии, полторы сотни современнейших противовоздушных ракетных установок."Любые потери арабского вооружения будут тут же компенсированы советскими поставками".

Сирийцы, оказывается, тоже"представлены"неплохо: полторы тысячи новейших советских танков Т-55 и Т-62 - десятикратный перевес перед израильтянами на северном фронте. Сирийское наступление прикрывается, как и на юге, противовоздушными ракетными батареями. Неравные бои. Чрезвычайно велики израильские потери: по некоторым данным, до 90% командного состава. В отличие от других армий в этой офицер командует не"Вперед!", но -"За мной!"Израиль признает, что его радарная станция на вершине Хермона захвачена сирийским десантом."Западные военные специалисты высоко оценивают как боеспособность и организованность арабских армий, их новейшее советское вооружение, во многих случаях превосходящее аналогичное западное, так и внезапность и согласованность атаки на обеих фронтах. Продуманно выбран день - особый для иудеев праздник Йом-Кипур, когда многие солдаты отпущены в увольнение, народ занят постом и молитвой..."

8 октября, понедельник.

Медовые голоса наших радио и теледикторов как бы поздравляют всех нас с долгожданным переломом в международных делах, с новым"наступлением сил мира и прогресса".

Британская"Санди таймс", с восторгом цитируемая"Правдой": "Через шесть лет после израильской победы в Шестидневной войне за шесть коротких, стремительных часов 6 октября Египет продемонстрировал, как военное искусство в сочетании с современной техни-

кой смогли разрушить казалось бы продуманную стратегию Израиля". Далее о потерях Израиля ("сотни самолетов и танков"), о том, что вся арабская печать, по аналогии с Шестидневной, трубит о"шестичасовой войне","блистательной победе на фронтах".

"Марокко. Король Хасан решил послать войска в Сирию...

Хартум. Президент Нимейри сообщил египетскому коллеге: суданская армия готова принять участие в боях...

Йеменская Арабская республика предоставляет войска в распоряжение Садата и Асада...

Ливан. Полная солидарность с Сирией...

Багдад. Совет Революционного командования Ирака принял решение о национализации имущества американских нефтяных компаний...

Король Саудовской Аравии Фейсал телеграфирует госсекретарю США Генри Киссинджеру: "Если США не помешают Израилю продолжать агрессию, взрыв не ограничится лишь Ближним Востоком".

Телеграмма короля Фейсала президенту Садату: "Мы стоим рядом с вами со всем нашим потенциалом и возможностями".

Резолюция Политбюро ЦК компартии Израиля, начинающаяся словами: "Мы предупреждали..."Генсек Меир Вильнер уже, похоже, готов к победе"сил мира и прогресса", рассчитывая, возможно, на то, что его,"в случае чего", примут за"своего"и спасут.

Он - коммунист уже брежневской формации. У Самуила Микуниса, его предшественника, были еще какие-то"классовые"иллюзии. Теперь стало известно, что накануне Шестидневной войны, когда Насер объявил на весь мир, что-де"пришла пора"и самым популярными у арабов словами стали"джихад"(священная война) и"этбах"(резня), Микунис с несколькими коммунистическими функционерами явился к советскому послу, так сказать, товарищу по партии, просить, чтобы великая страна, вооружившая Насера, оказала на него примиряющее воздействие. Упоминалось об ужасах, грозящих еврейскому населению в случае победы арабского национал-социализма, новом Бабьем Яре и Освенциме.

Посол, выслушав, тут же, в присутствии израильтян, обратился к своему военному атташе: "Как вы думаете, сколько продержится израильская армия в случае войны на три фронта?"-"Полсуток выдержит". -"Ну-ну, - снисходительно поправил посол. - Крепкие ребята. Сутки, я думаю, выстоят, а?"-"Пожалуй..."

Микунис, надо думать, в одну эту минуту прошел больший путь умственного развития, чем за всю жизнь.

9 октября, вторник.

У папы после инсульта лицо, прежде такое живое и выразительное, приобрело какую-то мертвенную значительность. Слышит ли он радио? Едва заметно повернул голову на подушке. Я подошел. Он заговорил, с трудом ворочая языком:

- Представь себе: похоронная процессия. В гробу Хаим. Подмигнул кому-то из знакомых."Куда тебя несут, Хаим?"-"Разве ты не видишь? На кладбище". -"Зачем?"-"Разве ты не знаешь? Хоронить". -"Но ты ведь живой!.."-"Да, но кого это интересует?!".

"Каир. Наши войска сплошным потоком переправляются через канал... Восточный берег от Средиземного моря до Суэцкого залива полностью освобожден от захватчиков... Механизированные колонны движутся вглубь Синая к перевалам Митла и Гиди..."

"Дамаск. Прорыв наших танков к Тивериадскому озеру... Захвачен штаб командующего северным фронтом Израиля в Нафахе, центральной части Голан... Наши парашютные части подавили последнее сопротивление израильтян на Хермоне..."

"Потоплены израильские канонерки... Сбиты израильские самолеты... Уничтожены израильские танки..."

Попавших в плен танкиста Давидара Хайма (на южном участке канала) и пехотинца Шломо Баруха (на северном) показывают по египетскому телевидению."Жизнь в Каире течет в обычном русле. Работают магазины, кафе и кинотеатры".

По всему Израилю прозвучали радиопозывные: резервисты получили приказ прибыть на призывные пункты. Оказывается, это удача, что война началась на Йом-Кипур: все дома или в синагоге - и радиоприказы дошли до каждого. Улицы израильских городов пустеют. Второй день на предприятиях работают только женщины."Зарубежные аналитики задаются вопросом: чем обернется поголовная мобилизация для экономики маленькой страны?"

- Один израильский солдат еще как-то справится с десятком врагов, - не раз говорил папа. - Но что делать, если прибегает одиннадцатый?

10 октября, среда.

"Лондон, 9 (ТАСС). По сообщениям западной печати, за три дня Израиль потерял больше самолетов и танков, чем за всю Шестидневную войну. Для такой маленькой страны людские потери огромны".

Приводятся слова бывшего главы военной разведки Израиля генерала Хаима Герцога о противнике,"не склонном обращаться в бегство, упорном и смелом", об огромном военном потенциале Египта и Сирии и непрерывных поставках вооружения по воздушному мосту

из Советского Союза, о том, что Израиль все еще не до конца опомнился от внезапности и согласованности нападений на обоих фронтах и о том, что блестящая дезориентация противника (т. е. и самого Герцога) накануне удара почти не имеет аналогов в истории. Иначе говоря, евреи оказались в дураках и жестоко расплачиваются теперь за легкомыслие."И предстоят еще жертвы, прежде чем удастся сокрушить врага".

"В Совете Безопасности ООН. Представитель СССР Яков Малик заявил решительный протест по поводу варварских бомбардировок, квалифицировав их как новое кровавое злодеяние израильских агрессоров. Когда тель-авивский делегат Текоа лицемерно попытался выразить скорбь по поводу"возможных невинных жертв", наш представитель дал ему достойную отповедь: "Народы арабских стран, подвергшиеся зверской агрессии, не нуждаются в лицемерном соболезновании агрессоров". После этого делегация СССР покинула зал заседаний.

Представитель Сирии резко критиковал предложение США о прекращении огня и возвращении к прежним линиям разграничения сторон... Представитель Египта заявил, что речь может идти лишь о полном освобождении всех арабских земель".

11 октября, четверг.

Судя по всему, египтяне боятся оторваться от своих тыловых баз и зенитных батарей за каналом; они рады бы закрепиться в отвоеванной полосе, объявить это"решающей победой"и начать дипломатический торг. Наша пропаганда с арабской подачи твердит о"границах 1967 г.", когда - до Шестидневной войны - мгновенно мог быть перекрыт выход Израиля в Красное море, а тракторист в Галилее пахал под прицелом не только сирийских орудий, но и обычных снайперов с Голанских высот. Ни одна страна в мире не жила вот так - под прицелом врага.

12 октября, пятница.

По сообщениям западных радиостанций, на обоих фронтах непрерывные тяжелые бои,"невиданные со Второй мировой войны".

Би-би-си: "Улицы израильских городов опустели. Как скажется на экономике всеобщая мобилизация? Сколько может продлиться такое предельное напряжение, похожее на судорогу?.."

"Немецкая волна": "Резервы египтян неиссякаемы: переправы через канал забиты наступающими частями, как и в первый день"...

"Голос Израиля"(сквозь глушение): "Судьба Израиля - судьба каждого из нас, каждого еврея, где бы он ни жил... Масада не падет вновь!"

Масада - последняя крепость евреев в войне с римлянами - пала после трехлетней осады. Последние ее защитники покончили с собой. Прием, может быть, вдохновляющий, но малопоучительный.

Подвал в"Правде": "Положить конец израильской агрессии". Я связываю его с коротеньким, и как бы между прочим, сообщением на соседней полосе: "Информационные агентства утверждают ("Слушайте! Слушайте! - восклицают в подобных случаях британские парламентарии), будто в некоторых местах израильские войска прорвали позиции сирийских войск на Голанских высотах".

"Утверждают","будто","в некоторых местах"...Прорвали!!

13 октября, суббота.

Намечается перелом в войне, но обходится это недешево. Согласно разведывательным данным США, Израиль за неделю военных действий потерял около 600 танков и 75 самолетов.

Помнится, Шестидневная война как-то бередила русские души; эта почти не вызывает эмоций. В народе отношение к евреям определенное и устойчивое. Из блинной на проспекте Мира парень вполне кавказского вида вывел хулиганившего пропойцу во двор, за угол, - и двинул по физиономии. Было за что. Но бабки на скамейке тут же вступились за национальную честь:

-Во, жиды проклятые! Русских бьют! Куда-то вы все подевались, когда война была, а теперь вот руки распускаете...

Думаю, бабки отлично понимали, что перед ними не"жид". Просто понятие удобное, в некотором смысле даже философское.

14 октября, воскресенье.

В газетах призывы ЦК КПСС к 56-й годовщине Октября. По странному обыкновению все они (призывов до сотни) пронумерованы. Говорят, западные спецслужбы бывают чрезвычайно обеспокоены, если призыв откуда-то из предпоследней десятки выдвигается вдруг во вторую или третью десятку. Нынче порядок такой: пункт 52-й посвящен солидарности с"многострадальным народом Чили"; 53-й гласит: "Народы мира! Требуйте прекращения израильской агрессии!"; 54-й: "Горячий привет арабским народам, ведущим справедливую борьбу"и т. д.

Довольно заурядное место, отведенное"арабским народам", может успокоить Израиль, чьи войска уже"продвигаются в сторону Дамаска": Советский Союз пока не угрожает прямым военным вмешательством. А ведь и такое уже бывало!

Впрочем, по сообщению"Дейли телеграф","сирийцы сражаются очень упорно". Король Хусейн отдал приказ своим войскам пересечь иордано-сирийскую границу для защиты Дамаска. Фактически это

casus belli - повод к объявлению войны. Столица Иордании Амман не далее чем в полусотне километров от границы Израиля. Но дошлый король уверен в своей безопасности, знает, что Израиль нанесет удар лишь в случае непосредственной опасности.

Яков Малик в Совете Безопасности сравнивает израильские налеты на аэропорт Дамаска с "варварским разрушением Ковентри и десятков советских городов гитлеровской авиацией". Сирийская пресса нашла более эмоциональный пропагандистский аргумент: "Израильская авиация разбомбила больницу в тот самый момент, когда там оперировали пленного израильского летчика".

15 октября, понедельник.

Сирийская пресса сообщает, что генерал Даян еще 11 октября отдал приказ взять Дамаск. "Но железные бойцы, готовые встретить смерть, грудью встали на защиту древней столицы" - и таким образом сорвали зловещие генеральские планы.

Западные информационные агентства сообщают о саудовских, иорданских, кувейтских и иракских частях на сирийском фронте, о "хорошо укрепленной обороне Дамаска". Уроки Шестидневной войны пошли на пользу Хафезу Асаду: прежде чем развязать войну, он укрепил оборону столицы.

16 октября, вторник.

Главный, так сказать, стратегический прием нашей пропаганды - умолчание. Подкрепляемое, естественно, глушением западных передач. На Синае, оказывается, уже второй день идет танковое сражение, "сравнимое по масштабам с битвой на Курской дуге во Второй мировой войне". Численный перевес на стороне египтян, но израильтяне ремонтируют подбитые танки прямо на поле боя и тут же вводят их в действие. Египетские танки, вышедшие из-под своего ракетного "зонтика", атакуются израильской авиацией. Впрочем, сами израильтяне признают, что поставленные Советским Союзом ракеты "доказали свою эффективность", но за неделю боев израильтяне научились уничтожать их.

Крохи информации. Наша пропаганда внезапно охладела к Ближнему Востоку. Это может означать лишь одно: "НАШИХ БЬЮТ!"

17 октября, среда.

Поздравляю себя с замечательным умением (свойственным, впрочем, любому советскому человеку) читать между строк и даже по тембру глушения радиопередач догадываться о происходящем. Когда глушилки трудятся интенсивнее и вой достигает небес, жди

радостных новостей. Прыгаешь по комнате со своим"ВЭФом"в поисках уголка, где можно разобрать несколько слов. Это еще не информация; но, сопоставляя одни разрозненные слова с другими, столь же разрозненными, составляешь в конце концов действительную картину...

Но сперва о сообщениях, которые легко почерпнуть, раскрыв любую газету."Ожесточенные бои в Синае... Египетские войска укрепляют свои позиции... Попытки контратаковать египтян успеха не имели..."

Из выступления президента Садата: "Всего за 6 часов мы смогли форсировать Суэцкий канал и захватить"линию Бар-Лева"... Египет готов принять предложения по прекра-щению огня при условии немедленного вывода израильских войск на линии, предшествовавшие войне 1967 г.".

Из выступления президента Асада: "Значительные успехи в первые дни войны... Временные потери... Мы полны решимости, и, несомненно, в ближайшем будущем мы вернем себе утраченные позиции".

Вся эта болтовня призвана затушевать главное: израильские войска прорвали фронт на Синае, вышли к Суэцкому каналу в его центральной части, наладили переправу и уже высадились на западном берегу - т. е. в Африке. От передовых израильских позиций до Каира менее ста километров - дорога открыта: основные силы египтян все еще на восточном берегу канала, в Синае...

После первых минут восторга приходят сомнение и страх. Смотрю на карту, намечаю карандашами расположение египетских армий, общую линию фронта, узкую горловину прорыва... Если египетские армии опять сомкнутся, даже отступив к каналу, израильский десант окажется в ловушке. Не повторилась бы ситуация первого дня войны!

18 октября, четверг.

Сквозь глушение чей-то рассудительный, с оттенком академизма,"вражеский голос": "...Аналогия только в войнах античной древности. Если дерзкая операция не провалится, ее будут изучать, как победу Ганнибала при Каннах и Александра - при Гранике".

Насколько я помню древнюю историю, Канны и Граник - это классические фланговые охваты, окружение и уничтожение превосходящих сил противника. Здесь же прямо противоположное - прорыв... Это вовсе не новость и в недавних мировых войнах: немцы обычно только так и шли - танковыми клиньями. Но то были широкие прорывы, заранее обеспеченные всеми коммуникациями, это была стратегия в войне, а не тактика в бою. Прорывы малыми силами, граничащие с безрассудством, подкрепляемые не столько материальными

ресурсами, сколько духовными - способностью каждого бойца действовать автономно, почти в одиночку, во вражеском окружении, - это уже нечто новое не только в нашем столетии, но и в обозримом прошлом.

Прорыв в центре фронта, между египетскими армиями, не только не разгромленными, но еще и не потрепанными в боях, изготовившимися к затяжной позиционной войне с тылами непосредственно за спиной (тогда как у израильтян они за сотни километров - по другую сторону Синая), - нет, здесь и впрямь что-то напоминающее дерзкий прорыв Александром Македонским персидских порядков при Гавгамелах или прорыв Цезаря в тыл Помпею в сражении при Фарсале.

Как-то так уж выходит, что история евреев, не слишком многочисленного народа, давно уже растворенного, подобно соли, в других народах, более многочисленных и благополучных, скрепляет собой тысячелетия. С образованием Нового (!) еврейского государства вдруг выплыли из мглы, стали в некотором роде не просто исторической, но и политической реальностью и кровожадный Навуходоносор, и благородный Кир, и Веспасиан с Титом, разгромившие евреев и рассеявшие их по свету... Вдруг сквозь пространство времени возникли явственные параллели: Вавилон, Ассирия, Персия, Рим и - арабы, Соединенные Штаты, Россия... Евреи со своей историей никак не укладываются в марксистскую экономическую схему, - да и не могут уложиться. Народ, имевший в течение столетий Книгу в качестве единственного свидетельства своей истории, того, что он - все еще жив, не мог не удариться в книжность, в ученость. Утратив реальное отечество, территорию с ее двумя измерениями, евреи обрели духовное - прорыв ввысь. Порой они выбивались даже в "спасители человечества" - без пользы для последнего, как это всегда бывает. Но это же породило и преувеличенное самомнение евреев, не только вредящее им в глазах окружающих, но и просто опасное. Не от уверенности ли в собственном превосходстве были оставлены перед лицом одной из крупнейших армий мира считанные сотни бойцов на стошестидесятикилометровом протяжении канала?

И не авантюра ли, в самом деле, переправа какой-то танковой роты в сопровождении пехотинцев на африканский берег?

19 октября, пятница.

Сообщения из Каира: "Группа из семи израильских танков попыталась прорваться к Суэцкому каналу. Три танка уничтожены. Приняты меры к уничтожению остальных на западном берегу..."

Израильский премьер Голда Меир: "Война может быть прекращена лишь после того, как египетские армии будут разгромлены". Генсек израильской компартии Меир Вильнер задним числом дает советы, как следовало вести себя, чтобы не было войны...

"Израильская военщина у позорного столба. Рабочие горьковского объединения"Автогаз"заявляют: "Руки прочь от арабских стран!"

20 октября, суббота.

В"Правде"статья собственного корреспондента Ю. Глухова"Расчеты и просчеты"- о том, что Израиль, рассчитывавший на"линию Бар-Лева", просчитался. Это - правда (без кавычек). Израильская армия слишком мала, чтобы неподвижно выжидать в обороне; она проигрывает, если сама не навязывает противнику свои решения."По сообщениям иностранных агентств, на западный берег канала проникло около 30 израильских танков... Иностранные агентства сообщают, что израильские войска ведут бои на обоих берегах Суэцкого канала..."

Би-би-си: "Налаженная переправа израильских войск в районе Деверсуара вызвала смятение в Каире... Президент Садат называет прорыв"операцией для телевизионных камер".

21 октября, воскресенье.

Израильские части, забравшиеся вроде бы в ловушку, неплохо там сориентировались. А дело в том, что африканский берег канала был оборудован как тылы огромной египетской армии, пресловутая же"линия Бар-Лева"рассчитана на мизерное число бойцов и не была снабжена даже регулярным водоснабжением. Войска численно столь различные, поменявшись местами, вдруг попали в совершенно неравноценные условия: египетская Третья армия на юге Синая, возможно, все еще"развивавшая наступление"на восток, оказалась отрезанной на западе от баз снабжения - прежде всего пресной водой, т. е. она-то и почувствовала себя в окружении. Во всей истории войн что-то не припомню такой замысловатой ситуации...

22 октября, понедельник.

"Сообщение египетского командования (ТАСС). Израильские войска навели 3 переправы через Суэцкий канал, которые уже несколько раз были выведены из строя ударами наших сил. Израильские танки на западном берегу проникли на глубину не более 10 километров, тогда как египетские соединения действуют на Синае гораздо глубже - в тылу противника. Уничтожена группа израильских аквалангистов, пытавшихся осуществить диверсионные акты против египетских военных кораблей".

Это правда, что египетские соединения действуют в тылу израильтян: окружена целая египетская армия. Сообщения об израильских аквалангистах-диверсантах тоже не случайны: израильские бронекатера блокировали египетские порты в Суэцком заливе и прежде

всего Суэц. Третьей египетской армии просто некуда выходить из окружения, и гибкость Голды Меир должна заключаться в том, чтобы пропускать нейтральные конвои хотя бы с пресной водой для окруженных на берегах Большого и Малого Горьких озер.

Бурная деятельность в Совете Безопасности ООН. Наш Яков Малик решительно настроен на"прекращение огня и отвод войск". Израильский представитель склонен начать дискуссию. Наш представитель настаивает на прекращении огня, уже не упоминая отвод войск. Иосеф Текоа, его израильский коллега, хочет сделать"важное сообщение"...

Срочный созыв заседания Совета Безопасности - совместная инициатива Советского Союза и Соединенных Штатов, великих держав, - это придает величественность председателю Совета Безопасности австралийцу Макинтайру, он решительно опускает ритуальный молоток, объявляя перерыв и на священный"файф о'клок", и на не менее священный ужин. Египетская армия устраивается на очередной ночлег в песках Синая, на берегах Горьких озер. Им остается утешаться самым решительным заявлением президента Центрально-Африканской республики Бокассы о разрыве дипломатических отношений с Израилем, а также Индиры Ганди, заявившей: "Симпатии Индии на стороне арабских народов" и, конечно, родного Каира: "Ввиду возросшей военной угрозы столице рабочие каирских заводов берут повышенные обязательства..."

23 октября, вторник.

Оказывается, еще неделю назад, когда Косыгин, наш председатель Совмина, срочно прибыл в Каир, Садат умолял его созвать Совет Безопасности и добиться прекращения огня. Очень хотелось ему остаться героем"шестичасовой победы", так сказать,"калифом на час", диктовать условия"поверженному врагу"...

В общем,"в интересах мира на Ближнем Востоке"СССР и США в Совете Безопасности предлагают резолюцию: прекратить огонь с тем, чтобы войска оставались на занимаемых ими позициях.

Египетский министр иностранных дел - согласен.

Израильский представитель -"позитивно относится", но хотел бы услышать мнение всех воюющих сторон.

Сирия - не согласна. Конечно, ее положение - швах. Ракетная зенитная система подавлена, израильская авиация непрерывно бомбит аэродромы, так что сирийские самолеты вынуждены садиться даже на автострады. Дамаск в радиусе огня дальнобойной артиллерии, разбомблен генштаб сирийской армии...

Но... Хафезу Асаду совестно перед союзниками, воюющими плечом к плечу с сирийцами - иракцами, иорданцами, марокканцами,

саудовцами, готовыми сражаться до последнего своего солдата, поскольку это ничем не грозит правителям этих стран. Кроме того, после налетов израильских бронекатеров в сирийских портах Латакия и Тартус заняли оборону военные корабли советского Черноморского флота. К тому же сам Брежнев призвал лидеров"братских стран"исполнить свой"арабский долг".

На это Египет уже не рассчитывает. Его не греет уже и грозное"Заявление ТАСС"о том, что"Советский Союз не может остаться равнодушным к преступным действиям израильской армии", если даже советские транспортные самолеты с оружием с трудом приземляются на разбомбленные вражеской авиацией аэродромы... Президент Садат отдает приказ о прекращении огня.

Израильские войска готовы прекратить огонь в 18. 52 по израильскому времени.

"Наконец! - иронизирует"Голос Израиля", почему-то хорошо слышный сегодня. - Сирийцы дали себя уговорить: они приняли предложение Совета Безопасности ООН о прекращении огня..."

Я припадаю к старенькому"ВЭФ-12", чувствуя комок в горле. У дикторши какой-то специфический шолом-алейхемовский акцент. Еженедельная передача называется, кажется,"Открытки из Израиля"- приветы тем, кто остался в Союзе. Человеческие голоса:

"Дорогая тетя Циля! Как мы тут живем? Так и живем. Меня с Голан отправили в госпиталь в Хайфе. Думал,что отправлюсь на тот свет, но теперь уже твердо передумал..."

"Привет нашим в Мелитополе! Я - в Африке, но не подумайте, что это что-нибудь особенное. Такая же пустыня, как и всюду у нас здесь..."

"Леву убили на переправе через этот канал. Прямо не знаю, как это можно пережить, оставаясь в здравом уме..."

"Бориса обидели: он мечтал быть летчиком, но ему сказали, что в училище большой конкурс и берут только кибуцников..."

"Насчет вашего отъезда в Израиль я вам скажу так: если не можете не ехать, езжайте..."

УМЕР ГУЭЛЬФО ЗАМБОНИ

Гуэльфо Замбони - итальянский дипломат, известный тем, что в годы войны он спас 280 греческих евреев от нацистских лагерей смерти, скончался в субботу 5 марта 1994 г. Ему было 97 лет. Он умер в своем доме в Риме. Причина смерти не установлена.

Будучи в 1943 г. консулом в Салониках (Греция), Замбони снабдил евреев специальными документами на проезд через Афины, контролировавшиеся итальянцами. Во время гитлеровской оккупации тысячи греческих евреев были отправлены в Освенцим и другие лагеря смерти. 280 из них Замбони спас. Он был удостоен высшей награды Израиля и награжден медалью Иерусалимского музея Катастрофы европейского еврейства"Яд ва-Шем".

"Джапан таймс", 7 марта 1994.
Пер. с анг. Светланы Домбровской

документ

Обращение Ассоциации армянских общин России к Президенту Турецкой Республики Сулейману Демирелю.

Господин Президент!

Ассоциация армянских общин России и Армянская Община Москвы обращаются к Вам - Президенту Турецкой Республики с призывом предпринять на высшем государственном уровне решительные меры по устранению главного препятствия в установлении добрососедских отношений между армянским и турецким народами. Этим препятствием является непризнание Турецкой Республикой трагического факта геноцида армян в Турции в 1915 году.

В настоящее время сложились два принципиально различающихся отношения к геноциду со стороны двух стран, правители которых в свое время осуществляли это страшное преступление.

С одной стороны, это отношение Германии, которая официально признала геноцид евреев в годы правления нацистов в стране, принесла извинения еврейскому народу от имени своего народа и государства и совершила ряд акций, подтверждающих искренность и гуманистическую направленность позиции руководителей послевоенной Германии. В числе этих акций - выплата огромных финансовых репараций евреям, пострадавшим от нацистского террора, и государству Израиль, исчисляемых многими десятками миллиардов немецких марок.

С другой стороны, это отношение Турции, которая не только упорно отрицает общеизвестные факты геноцида армян 1915 года, но и оказывает явное давление на ряд стран и организаций, в том числе в Западной Европе, для предотвращения признания и осуждения геноцида армян с их стороны.

Подобная позиция Турции, конечно, порождает недоверие мировой общественности к искренности заявлений Турции о ее приверженности демократическим и гуманистическим принципам цивилизованного мира и сомнения в истинной направленности ее внешней политики.

Мы полагаем, что руководство и народ Турецкой Республики должны найти мужество признать наконец и осудить геноцид армян 1915 года. Этой акции нет альтернативы, ибо только покаяние и осуждение кровавого преступления в состоянии обозначить новые нравственные ориентиры сегодняшней Турции и открыть путь для ее

вхождения в сообщество цивилизованных народов, путь к мирному сотрудничеству двух наших народов.

Президент Ассоциации армянских общин
России, Председатель Совета Армянской
Общины Москвы, профессор

24 апреля 1994 года

С. С. Григорян

Андреа ТОРНИЕЛЛИ

ОПЕРАЦИЯ "СИКСТИНСКАЯ КАПЕЛЛА"

Эксклюзивный материал. Досье секретной службы со сведениями о сестре кардинала Агаджаняна, которую безосновательно обвинили в том, что она агент КГБ. Этот слух был распространен среди членов Конклава, чтобы скомпрометировать армянского прелата.

Была ли сестра кандидата на папский престол шпионкой? Всем известная попытка оказать на Конклав давление извне в 1903 г., оказывается, была не последней. Тогда краковский кардинал Пужина выступил по поручению австрийского правительства против кандидатуры кардинала Мариано Рамполлы дель Тиндаро. Сам Пужина хвастал тогда: "Не Австрия воспользовалась мной, а я воспользовался Австрией". Но всего лишь тридцать лет назад перед Конклавом от 21 июня, на котором должен был быть избран папа Павел VI, торпедировали возможную кандидатуру на престол Святого Петра. В жертву был принесен армянский кардинал Грегор Петрос Агаджанян, префект Конгрегации по распространению веры* . Его сестру, которая была советской гражданкой, заподозрили в том, что она поддерживала отношения с КГБ. Это следует из подлинного досье в двадцать пять страниц, состоящего из документов, датированных 6, 15 и 20 июня 1963 г. Эти акты были тщательно подготовлены секретной службой итальянской армии СИФАР, руководимой тогда Эгидио Виджиани, доверенным лицом генерала Джованни де Лоренцо.

Незадолго до этого умер папа Иоанн XXIII, и восемьдесят прелатов подготавливались к выборам его преемника. Досье, циркулировавшее в самом Ватикане и вне его, было нацелено на то, чтобы воспрепятствовать возможному избранию кардинала Агаджаняна на пост папы, описывая отношения, которые сестра прелата Елизавета Папикова поддерживала с представителями советского посольства.

За кардинала Агаджаняна уже на предыдущем Конклаве 1958 г. были поданы многочисленные голоса. Папа Иоанн XXIII упомянул этот факт, посетив армянский лекторий несколько месяцев спустя."Знаете ли вы, как хорошо мы ладили с вашим кардиналом на последнем Конклаве в октябре?, - заявил папа по этому поводу и добавил: - Наши имена чередовались, то ныряя, то выныривая, как две чечевичинки в кипятке".

---

*"Ной", №5, с. 146- 151.

После смерти Ронкалли 3 июня 1963 г. перед кардиналами, собравшимися для выборов нового папы, возникла сильная кандидатура Джованни Батиста Монтини, архиепископа Миланского. Однако некоторые кардиналы, уже участвовавшие в прежних выборах, намеревались голосовать за Агаджаняна. Он происходил из Армении, однако долго жил в Италии и в совершенстве говорил по-итальянски, как и на многих других языках. Когда перед Конклавом сотрудники бюро Агаджаняна собирались разойтись, пожелав ему успеха на предстоящих выборах, его шансы на успех, реалистически взвешенные, были не очень велики. Однако в определенных церковных кругах и в недрах секретной службы СИФАР задумали маневр, предназначенный для того, чтобы окончательно свести эти шансы на нет. Из страха перед возможным влиянием Советского Союза на Конклав церковники решили использовать СИФАР, чтобы распустить в Ватикане дурные слухи.

Агенты несколько дней вели слежку за сестрой кардинала и сообщили в своих донесениях, что она поддерживает отношения с агентами КГБ. Елизавета Папикова (тогдашний возраст 71 год) происходила из Грузии и нашла пристанище у своего брата в армянском лектории на улице Сан Николо да Талентино, 17. К тому времени, о котором идет речь, власти продлили срок ее пребывания в Италии. Агенты, дежурившие перед ее квартирой, документально зафиксировали каждый ее шаг. Так, в досье госпожи Папиковой читаем: "Ведет уединенную жизнь; 6, 7 и 8 числа текущего месяца выходов из стен религиозного института не замечено. Однако во второй половине дня 8 числа текущего месяца ее посетил брат, кардинал Агаджанян, приезжавший в фиате 1400, римский номер 282950. Владелец машины, сдающий автомобили внаем, - Меццанотте Джорджо, родившийся в Риме первого апреля 1929 г. и проживающий там ж на улице Катро Венти,96."

Имеется там и подробное описание дружеских контактов, которые Елизавета поддерживает с доктором Мегардитихом Хебояном, родом из Константинополя, но с 1935 года проживающим в Риме, занимающимся врачебной практикой в кабинете без лаборатории неподалеку от своей кваритры. Хотя он не афиширует своих политических воззрений, предполагается, что он ориентируется на партии, поддерживающие конституцию. Хебоян посетил сестру кардинала 9 июня 1963 года и пригласил на семейную прогулку. К досье приложено девять фотографий, прослеживающих этот пикник шаг за шагом: их машину, Ланча Аппиа, римский номер 277979, сопровождала по всему Риму машина секретной службы. Длинные отчеты, наблюдения, фотографии, преследование. И все это только для того, чтобы прийти к выводу: бедная сестра армянского прелата позволила себе экскурсию в Сальто ди Фонте близ Латины. Но на следующий день 10 июня агенты открыли нечто действительно важное. Это

событие описано на второй странице отчета, и описание подчеркнуто красным карандашом: "10 числа текущего месяца (10 июня 1963 года) около 16 часов (Елизавета) приняла в помещении лектория, где она проживает, посетителя, Гургена Агаяна - первого секретаря советского посольства в Риме, армянина, известного итальянской службе и подозреваемого в том, что он действующий в Италии агент русской разведки*. Он приехал к ней на автомобиле фиат 1400/Б, римский номер 346519. Машина числится за ним". Далее служба наблюдения устанавливает, что дипломат в семь часов покидает помещение названного лектория, звонит из общественной телефонной будки на улице Сан Никколо да Талентино 3/Б, потом удаляется в сторону Виа Венето, на машине, на которой он прибыл и которую сам ведет".

Была ли действительно Елизавета агентом КГБ? Нет, в этом ее никак не удалось обвинить. Ее только посетил с визитом вежливости сотрудник ее посольства, армянин, к которому она обратилась, так как оставалась советской гражданкой. Примечательно, во всяком случае, совпадение по времени с мероприятиями, предваряющими Конклав. Копии выдержек из досье попали в Ватикан и циркулировали среди кардиналов. Они боялись, что наследники Сталина вторгнутся в Сикстинскую Капеллу. Это известие дошло до самого Грегора - Петроса Агаджаняна, который очень страдал от него. Прелаты, собравшиеся на Конклав, выбрали утром 21 июня папой Монтини. Так была устранена опасность: "агент" советской секретной службы не взошел на престол апостола Петра.

Подробный отчет о сестре армянского кардинала подтверждает, как злоупотребляла СИФАР в шестидесятые годы своими досье. Во главе секретной службы стоял тогда генерал де Лоренцо, отданный в 1964 году под суд за попытку государственного переворота. Одновременно досье показывает, какому сильному давлению подвергся Конклав, избиравший папу тридцать лет назад. Следственная комиссия под представительством генерала Альдо Беолкини утверждала при описании этой операции военной секретной службы: "Очевидно, что в 1962 г. специально собирали сведения, способные повредить лицу, которого они касались, и предназначенные для запугивания. Прослеживается также тенденция искажать полученную информацию и придавать ей негативное значение".

Перевод В. Микушевича

---

* Агаян Гурген Семенович - резидент КГБ в Риме (1966-1971 гг.). Об этом сказано в книге К. Эндрю и О. Гордиевского "КГБ", Nota bene/1992, с. 665. *Ред.*

Рафаэл ПАТКАНЯН

УМ И ХИТРОСТЬ

Мир втянут в гражданские войны, социальные распри. Целые народы и государства выступают за справедливое решение своих прав, но каждый народ силен настолько, насколько мудры его правители, насколько они руководствуются не только национальными интересами, но интересами своих соседей. Вот почему совсем не лишне сегодня перечитать то, что когда-то написал замечательный писатель и просветитель Рафаэл ПАТКАНЯН (1830-1892).

Умный ищет дело, хитрый - безделье; умный использует силы природы и законы бытия, хитрый - человеческие слабости и пороки. Умный говорит: "Люди, если вам хорошо, значит, и я в выигрыше"; хитрый скажет: "Я-то выиграл, а вы как знаете". Умный стремится открыть человечеству путь, чтобы каждый мог достичь своей цели и пользы; хитрый же, если и торит тропу, непременно выроет яму для тех, кто пойдет следом. Умный освещает дорогу для себя и всех; хитрый светит прямо в глаза, слепя путников. Умный старается дружить с умными; хитрец враждует с ними. Умный и в пустыне найдет помощников, чтобы превратить пески в оазис; хитрый и сад цветущий превратит в пустыню. Ибо умный получил свой ум от Господа, а хитрый - от сатаны.

Умный Арам создал Армению, хитрец Васак погубил ее. Труд умного подобен огранке алмаза; работа хитрого - спрятать яд под сахарной облаткой. Умный искренне помогает просвещению, почитая светочей ума; хитрец, хотя и громко расхваливает мудрость, но сам сживает со света мудрецов. Бог, даровав умному дар речи, изрек: "Отвори людям тайны сердца своего"; сатана, дав хитрецу язык, велел: "Тайные помыслы свои прячь за словами". Умный немногими словами многое объяснит; хитрый и потоками слов ничему не научит. Умный придумал лук и стрелы, ружье, пушку; хитрый изобрел силки, капканы, западни. Умный избегает пьянства, а, выпив, пьянеет; хитрый умеет пить, оставаясь трезвым, но притворяясь захмелевшим. Умный, встретив нищего и голодного, накормит их и приютит; хитрый воздает почести только богатым и знатным.

Чем умнее купец, тем дальше его путь; хитрый же старается извлечь выгоду поближе. Умный верит, что он рожден для мира; хитрый мнит, что мир создан для него. Умный стремится окружить себя друзьями, а хитрец - слугами; лицо умного грустное, хотя душа его

добра; хитрец всегда улыбается, но сердце его напитано желчью двенадцать месяцев в году.

Европа - царство ума; Африка, Азия и Австралия - хитрости. Хитрец, хотя и ловчит без устали, в конце концов проигрывает; умный же победит и без хитрости. Ум - это доброта; хитрость - это могущество. Плоды хитрости, хотя и многочисленны, но недолговечны; плоды ума сперва незаметны, но со временем лишь умножаются. Прахом пошли дела хитроумного Талейрана и Наполеона; а плоды деятельности Вашингтона принесли благо Соединенным Штатам Америки. Хорошо немцам, если Бисмарк окажется умен, но если он всего-навсего хитрец, плохи дела Германии - от нее не останется камня на камне.

Ум и хитрость как стрелки компаса - один устремлен к добру, другой - к злу. Разум подобен отцу двоих сыновей, один из которых - строитель, второй - разрушитель. Ум - Божий ангел, хитрость - дьяволов змий, а змию надлежит быть раздавленным пятой. Не видеть громадной разницы между умом и хитростью - верный признак глупости. Грядущее принадлежит уму.

Пер. с армянского Гаянэ Ахвердян.

Екатерина ЧЕРНЯЕВА

ЭТРОГ И ЛУЛАВЫ

Природа древней Палестины была источником глубоких религиозных переживаний персонажей ветхозаветной истории. Предание утверждает, что Бог, выведя евреев из египетского плена, обратился к ним со словами: "Хоть вы и обнаружите, что страна эта полна всевозможных благ, не говорите, что раз так, мы можем спокойно сидеть и не заниматься посадкой деревьев. Вы найдете в ней деревья, которые другие посадили для вас, - так и вы сажайте деревья для ваших потомков".

Следуя этому завету, древние земледельцы преобразили некогда пустынные ландшафты"земли обетованной", украсив их рощами, садами, виноградниками. Тора подчеркивает, что природа создана Всевышним и находится под его пристальным наблюдением, что она существует сама по себе, а призвана приносить пользу человеку и символизировать его жизнь. Растительная символика иудаизма отразила своеобразие одной из самых древних культур и сегодня выражает идею неразрывной связи народа с природой исторической родины. Наиболее ярко эта идея проявляется в еврейских национальных праздниках Шуккот и Ту-Бишват.

О Ту-Бишват, или Новом Годе Деревьев, ничего не говорится в Торе, впервые он упоминается в Талмуде, и приходится на 15 день месяца шват (январь-февраль), конец сезона дождей и начало весны. Тора запрещает употреблять в пищу фрукты, созревающие на плодовом дереве в течение трех первых лет. Из-под запрета выходят плоды, завязь которых образовалась после дня Ту-Бишват на четвертый год. С 15 швата исчисляется период, в течение которого плоды находятся под запретом, и срок для отделения маасера - десятой части урожая, предназначенной по закону левитам - храмовым служителям. Некоторые деревья плодоносят три раза за сезон, как смоковница, и чтобы маасер был отделен только один раз за год, была введена эта календарная точка отсчета и этим объясняется название праздника. Прообразом его были древние земледельческие обряды иудеев, а современный ритуал Ту-Бишват был разработан каббалистами, обосновавшимися в XVI веке в галилейском городе Цфате. Их усилиями Ту-Бишват распространился среди еврейских общин мира. Хотя он наполнен глубоким духовным содержанием, посещение синагоги не является его обязательной частью. Гораздо важнее, чтобы во время торжественной семейной трапезы на столе были"плоды страны Израиля", которыми издревле славится эта земля, - финики и инжир, виноград и апельсины, плоды рожкового дерева, или цератонии (сладкие стручки, экспортировались в царскую Россию под названием"царьградских рожков"), гранаты и маслины. Традиция предписы-

вает, чтобы фруктов было семь видов, иногда пятнадцать (по числу дней, отделяющих Ту-Бишват от начала месяца), а в некоторых общинах бывает пятьдесят или сто. Тогда кроме свежих плодов угощение состоит из цукатов, сухофруктов, мармелада, разнообразных варений и консервов. В еврейской традиции принято усматривать в явлениях природы символическое значение, в данном случае каждый плод символизирует какую-нибудь особенность еврейского народа. Виноградная лоза подобна зажиточным людям, гроздья - мудрецам Торы, а листья - простым земледельцам. Вечнозеленая олива олицетворяет народ Израиля, который не исчезнет ни в этом мире, ни в будущем. Зернышки гранатов сидят рядами, как еврейские дети, занятые изучением Торы. Саму Тору символизирует инжир: его снимают с дерева постепенно, по мере созревания, и так же изучают Тору - медленно, понемногу. Праздничное застолье сопровождается весельем и пением псалмов. В некоторых общинах за праздничным столом принято распевать те пятнадцать гимнов, что пели левиты на пятнадцати ступенях, ведущих во внутренний двор Храма.

Ту-Бишват называют еще Рош-Гашана - Судный день деревьев, подчеркивая, что жизнь деревьев, подобно природе и человеку, зависит от милости Всевышнего. Удовольствие, которое люди получают от фруктов во время праздничной трапезы, должно призвать на деревья благословение свыше.

В разных странах евреи по-разному празднуют день Ту-Бишват. В конце прошлого века в Греции, в Салониках они приходили в места общих собраний в костюмах, изображающих плодовые деревья, и пели песни, славящие их. Евреи Курдистана опоясывают стволы плодовых деревьев цветочными гирляндами и просят Бога даровать деревьям плодородие, а людям много детей. В еврейских школах США ученики приносят с собой фрукты и едят их после уроков. Во всем мире в этот день инжир и апельсины приносят в еврейские дома запахи отчизны. Об этом говорится в стихотворении Авраама Регельсона, посвященном дню Ту-Бишват:

На маленькой тарелке предо мной -
Вся страна Израиля;
Из Ришона - миндаль, из Цфата -
плоды рожкового дерева,
Виноград - из Метулы...
Возьму в руку золотой апельсин
И поцелую его - потому что
Аромат его - от вод Яркона,
А кожура его - это солнце земли Ханаанской.

О рожковом дереве рассказывают такую легенду. На пути римлян, рвущихся штурмовать Иерусалим, находилась непреступная ска-

ла. На вершине ее жил со своим сыном старик - еврей. Отец и сын обрушивали камни в ущелье, по которому проходила дорога, и так им удалось задержать продвижение захватчиков на несколько дней. Римляне были взбешены - двое храбрецов сумели остановить продвижение многотысячного войска! Наконец силы старика иссякли, ночью отец и сын бежали под защиту стен Иерусалима. По приказу военачальника римские солдаты сожгли хижину на скале и срубили деревья. Пал и Иерусалим. В одной из схваток старик был смертельно ранен; умирая, он завещал сыну восстановить разрушенный дом. Юноше удалось избежать пленения и скрыться в горах. Там он вырастил сажанец рожкового дерева. В одну из дождливых ночей месяца шват юноша взобрался на скалу и нашел место, где стоял отчий дом. Здесь он посадил саженец. Вскоре взошло солнце, и юношу увидели римские солдаты. Стоящий на вершине скалы отважный юноша был отличной мишенью... В его честь в день Ту-Бишват евреи сажают плодовые деревья, и это уже не легенда. После провозглашения государства Израиль в стране было высажено более ста миллионов деревьев. Состоятельные евреи из США и Европы жертвуют крупные суммы на закупку саженцев для дня Ту-Бишват и таким образом исполняют свой религиозный долг. По древней еврейской традиции деревья уподобляют людям,"ибо человек - дерево в поле..." Иудаизм запрещает изображать человека, и возможно поэтому растения-символы так обильно украшают синагоги и священные книги. Когда-то в честь рождения мальчика принято было сажать кедр, а в честь рождения девочки - кипарис. Могучая сила кедра делала мальчика мужественным и сильным, а стройный кипарис дарил женственность и обаяние. В наши дни, как бы продолжая эту традицию, с тонкими неокрепшими саженцами сравнивают еврейских детей, приехавших из других стран на родину предков. Как молодым деревцам нужно приложить много сил, чтобы укорениться на новом месте, так и юным жителям Израиля нужно время, чтобы почувствовать себя полноправными гражданами своей страны.

Тора запрещает рубить плодовые деревья даже во время войны, потому что они дают людям пропитание, а значит, жизнь. Говорят еще, что из-за тех, кто срубает деревья, затемняются небесные светила, а стон погибшего дерева проносится из конца в конец мира, но люди его не слышат.

Во время Римской империи Иудея славилась своими финиковыми рощами. В Эйн-Геди, Бейт-Шеане и Иерихоне культура"царицы пустыни"была налажена столь успешно, что позволяла снабжать финиками и древесиной многие рынки империи. С пальмой сравнивали весь народ Израиля, потому что у нее нет ничего бесполезного: плоды вкусны, молодые побеги - лулавы- нужны для религиозных церемоний, старыми листьями кроют шалаши в праздник Шуккот, из грубых волокон делают веревки, из тонких - сита, из ствола - балки

для строительства жилья. Однако ни с чем нельзя сравнивать роль финиковой пальмы в духовной жизни евреев. Лулавы незаменимы во время праздника кущей или Шуккот, отмечаемого в честь освобождения евреев из египетского плена. Шуккот еще и осенний сельскохозяйственный праздник, исход года, время сбора овощей и злаков. По поводу ритуала праздника в Талмуде говорится: "В первый день возьмите себе плод красивого дерева, ветви пальмовые и ветви деревьев широколиственных и верб речных и веселитесь перед Господом Богом вашим семь дней". Эти четыре растения символизируют богатство растительного мира. Каждому из них придается философский смысл."Плод красивого дерева"- лимон, называемый евреями"этрог", имеет вкус и приятный запах, так и в народе Израиля есть люди, знающие Тору и совершающие добрые дела. Пальмовые ветви обладают вкусом, но не имеют запаха, подобно знающим Тору, но не творящим добрые дела. Миртовые ветви, именуемые"ветвями деревьев широколиственных", обладают запахом, не имея вкуса, и обозначают тех, кто совершает добрые дела, не зная Торы. Не имеющие ни запаха, ни вкуса ивовые ветви символизируют тех, кто не знает Торы и не совершает добрых дел. Бог объединяет весь народ воедино, дабы все части его были ответственны друг перед другом. Духовная сплоченность евреев и неразрывная связь с природой - главное содержание праздника кущей. Символы этого единения - этрог и лулавы - со временем стали символами иудаизма, духовной эмблемой Торы, ими благословляют еврейский народ во время праздников и торжественных молебнов. Их изображения часто встречаются на древних монетах эпохи Римской империи. В мусульманской мечети в Газе археологами опознан большой камень, вывезенный арабами из древней синагоги. На нем изображены этрог, пальмы и эмблема семисвечника. В средневековой Германии искусные мастера изготовляли необыкновенной красоты шкатулки для хранения этрога, украшенные серебряной цитрусовой листвой.

Растительные символы иудаизма оказали заметное влияние на другие религии. Виноградные лозы и фруктовые корзины обрамляют иконостасы православных храмов, угадываются в замысловатых орнаментах мечетей.

Пройдя столь долгий исторический путь, еврейская символика возродилась в наши дни. В еврейских школах Москвы празднику Ту-Бишват посвящают специальные уроки, на которых рассказывают о природе Израиля, о плодовых деревьях и почетном труде земледельцев. Значение духовных, философских символов разъясняют на уроках, посвященных еврейским традициям. По мере того, как учитель рассказывает ученикам о значении каждого плода, каждого растительного символа, все ближе и понятнее для них становится та далекая земля, что зовется родиной.

АРМЯНЕ В АЛБАНИИ

Сейчас в Албании живет около двухсот армянских или смешанных семей. Самая большая община - в Тиране, армяне есть также в Дурресе, Шкодере, Элбасане, Корче, Берате. Среди известных нам фамилий: Асатурян, Авагян, Патеян, Палчян, Потикян, Пурназян, Чакмакчян, Эскичян, Алепян, Оганесян, Мирзаян, Маркарян, Папазян, Пиранян, Потурлян, Абоян.

Кроме двух семейств, обосновавшихся в"стране орлов"в самом начале XX века, все остальные в основном беженцы от геноцида 1915 г., бежавшие из Турции через Грецию. Армяне стали преподавателями, врачами, ремесленниками, торговцами. Известно, что у царей Албании личными врачами (в том числе и зубными) всегда были армяне.

Во время Второй мировой войны армяне, как и все граждане страны, защищали Албанию от врагов. Есть среди них и погибшие, и замученные в нацистских концлагерях.

17 марта 1991 г. армяне Тираны создали"Культурное общество армян Албании", а позже - 21 апреля - свое первое издательство, приурочив его основание к Дню памяти жертв геноцида. В тот день в траурном шествии по улицам Тираны шли вместе с армянами и албанцы.

У общества есть филиалы в других городах страны. Оно еще молодо и нуждается в помощи. Нужны пишущие машинки с армянским и латинским шрифтом, буквари, учебники, словари, труды по истории, культуре Армении. Едва образовавшись, Общество обратилось ко всем армянским организациям с призывом: "Нам может не хватать лекарств, но важнее всего для нас - тесное человеческое сотрудничество со всеми армянскими организациями и обществами там, где они опытнее, богаче и умудреннее нас". Возглавляет Общество Арутюн Яганечян, секретарь - Эмиль Асатурян.

Первой руку помощи армянам Албании протянула община греческого города Салоники.

Пер. с армянского

"ГОЛОС ЦЕРКВИ"(Иерусалим), ноябрь 1992.

САМИ О СЕБЕ

Нравится ли всем или не нравится всем - я русский писатель.

И покуда на свете будет существовать хотя бы один антисемит, я буду всегда, помня о человеческом достоинстве, на вопрос о национальности отвечать: "Я - еврей".

Илья ЭРЕНБУРГ (1891-1967), писатель.

Мои родители были набожные евреи, и я получил традиционное еврейское образование. Я перестал соблюдать еврейские обряды перед самой войной, когда расстался с домом. Я по-прежнему верю в Бога и в иудаистское нравственное воспитание, которое учит различать, что хорошо и что плохо... Я не верю ни в какую церковь - только в Бога. Я безусловно считаю себя евреем. Евреем я родился и евреем умру.

Роберт МАКСВЕЛЛ (1923-1982), английский бизнесмен, издатель, политик.

Для меня национального вопроса не существует. Есть хороший человек и плохой человек. По матери я армянин, по отцу грузин, а по происхождению я арбатский человек, воспитанный на русской культуре. И считаю себя русским литератором.

Булат ОКУДЖАВА (род. 1924), поэт, певец, прозаик.

Величайшее духовное искушение в моей жизни, единственное, с которым мне приходится вести тяжелую борьбу, таково: быть вполне евреем. Ветхий Завет, где бы я его ни раскрыл, захватывает меня. Почти в каждом месте я нахожу что-то соответствующее мне. Я бы охотно звался Ноем или Авраамом, однако и мое собственное имя наполняет меня гордостью. (...) Я презирал своих друзей, когда они оставляли все прелести и соблазны культуры других народов и слепо снова становились евреями, всего лишь иудеями. Как же мне трудно теперь не последовать их примеру. Все эти новые мертвецы, все эти задолго до своего срока ставшие мертвыми, просят так настойчиво, и у кого хватит духу отказать им. Но разве же новые и новые покойники не повсюду, не со всех сторон, не от каждого народа? Отгородиться от русских, потому что существуют евреи, от китайцев, потому что они далеко, от немцев, потому что дьявол обуял их? Разве не могу я и впредь принадлежать ко всем, как и прежде, и все же быть евреем?

1944

Элиас КАНЕТТИ (род. 1905), австрийский писатель.

Умберто САБА (1883 - 1957)

ТРИ УЛИЦЫ

Ладзаретто Веккио в Триесте -
улица печалей и обид.
Все дома в убогом этом месте
сходны с богадельнями на вид.
Скучно здесь: ни шума, ни веселья,
только море плещет вдалеке.
Загрустив, как в зеркале, досель я
отражаюсь в этом уголке.
Магазины, вечно пустоваты,
здесь лекарством пахнут и смолой.
Продают здесь сети и канаты
для судов. Над лавкою одной
виден флаг. Он вывески замена.
За окном, куда не бросит взгляд
ни один прохожий, неизменно
за шитьем работницы сидят.
Словно отбывая наказанье,
узницы страданий и мытарств,
шьют они здесь ради пропитанья
расписные флаги государств.

Только встанет день на горизонте,
сколько в нем я скорби узнаю!
Есть в Триесте улица дель Монте
с синагогой на одном краю
и с высоким монастырским зданьем
на другом. Меж ними лишь дома
да часовня. Если же мы взглянем,
обернувшись с этого холма,
мы увидим черный блеск природы,
море с пароходами и мыс,
и навесы рынка, и проходы,
и народ, снующий вверх и вниз.

Есть в начале этого подъема
кладбище старинное, и мне
с детских лет то кладбище знакомо.
Никого уж в этой стороне
больше не хоронят. Катафалки
здесь не появляются с тех пор,
как себя я помню. Бедный, жалкий
уголок у края этих гор!
После всех печалей и страданий,
и лицом и духом двойники,
здесь лежат в покое и молчанье
и мои родные старики.

Как не чтить за памятники эти
улицу дель Монте! Но взгляни,
как взывает улица Россети
о любви и счастье в эти дни!
Тихая зеленая окраина -
превращаясь в город с каждым днем,
до сих пор она необычайна
в украшенье лиственном своем.
До сих пор в нем есть очарованье
стародавних загородных вилл...
И любой, кто осенью с гулянья
на нее случайно заходил
в поздний час, когда все окна настежь,
а на подоконнике с шитьем
непременно девушку застанешь, -
помышлял, наверное, о том,
что она, избранница, с любовью
ждет к себе его лишь одного,
обещая счастье и здоровье
и ему, и первенцу его.

Пер. с итальянского Николая Заболоцкого

Эудженио МОНТАЛЕ (1896 - 1981)
БЕЗ ОХРАННОЙ ГРАМОТЫ

Не знаю, избежала ли Ханна Кан
кремационной печи.
Она заходила несколько раз
в подвал, где я прозябал,
и я приглашал ее ужинать в другие "норы" -
только бы слушать о тебе.
Она утверждала, что вы подруги, но я не поверил,
не получив от нее доказательств:
писем или верительных грамот.
Она тебя видела в лучшем случае
мельком - со мной, без меня на Скарпучче
или на склоне Святого Георгия
с его золотым истуканом.
Она не обиделась. Позже я потерял ее из виду.
Если она угодила в пучину, едва ли и тут
для нее стал спасительным твой,
для меня безупречным
passepartout*

Сальваторе КВАЗИМОДО (1901 - 1968)

НА ВЕРБАХ

Ну как мы петь могли, как было петь
под сапогом чужим, среди убитых,
когда они, живым на страх, чернели
на зимних площадях, когда в ушах
не молкнул жалкий плач детей, когда
по сыну выла мать, на телеграфном
распятому столбе? Как было петь?
На вербах, в пустоте, и наши арфы
Висели невесомые, качаясь
на заунывном ледяном ветру.

---

* Охранная грамота (*фран.*)

ОСВЕНЦИМ

Любимая, там, вдалеке от Вислы,
на северной равнине - лагерь смерти,
Освенцим: льется похоронный дождь
на ржавчину столбов и километры
колючей проволоки, ни деревьев,
ни птиц в промозглой мути, где бессильно
воображенье, - лишь оцепененье
и боль, которую своим молчаньем
увековечивает наша память.

Ты не элегий, не идиллий ждешь,
ждешь объясненья нашей здешней доли,
чувствительная к разнобою мыслей,
растерянность не в силах
преодолеть, соприкасаясь с жизнью,
где в каждом"нет"- подчеркнутая твердость.
Здесь ангел, здесь чудовище заплачет,
здесь будущее сверим
с посмертным часом мы, он пробил здесь,
тот свет - он здесь, как вечность, наяву,
не в грезах о возможном состраданье,
И мифы здесь, метаморфозы здесь.
Без имени героя или бога
они - географическая точка,
Освенцим, хроника. Молниеносно
в дым превратились, в тень
Алфей и дорогая Аретуза.

Над этим адом, где при входе надпись
белела: "Труд подарит вам свободу",
висел, не тая, дым,
которым стали много тысяч женщин,
под утро вышвырнутых из бараков -
и к стенке или в приступе удушья
до посиненья бредивших водой,
глотая смерть из газового душа.
Они - твоя история, солдат,
где ты найдешь их в виде рек, животных,

а может, заодно и сам ты - горсть
освенцимского пепла?
Благодаря заколкам-амулетам
не расплелись состриженные косы
в стеклянных урнах, рядом шарф еврея
и детские сандалики: реликвии
эпохи здравомыслия, когда
оружие служило метрономом,
метаморфозы наши, наши мифы.

Среди равнины, где любовь и плач
и состраданье измочалил дождь,
мы сердцем отлучали смерть от жизни,
смерть отправляли мысленно в Освенцим,
чтоб смерти никогда не возродиться
из ямы, полной пепла.

Витторио СЕРЕНИ (1913 - 1983)

САБА

Кепка, трубка и палка - потускневшие
атрибуты воспоминанья.
Но я их видел у одного
скитальца по Италии в руинах и во прахе.
Все время о себе он говорил, но никого
я не встречал, кто, говоря о себе
и у других прося при этом жизни,
ее в такой же, даже большей мере
давал бы собеседникам.

А после 18 апреля, день или два спустя,
я видел, помню, - от площади на площадь,
от одного миланского кафе к другому,
преследуемый радио, бродил.
"Шлюха! - кричал он, - шлюха!"- вызывая на лицах недоуменье.
Он подразумевал Италию. Он поносил ее, как женщину,
которая, желая того иль не желая,
смертельно ранит нас.

АМСТЕРДАМ

Туда привел меня случай воскресным
утром, между девятью и десятью,
повернув от моста, одного из стольких, направо,
вдоль ледяного канала. И вместо
избитого *в этом доме* просто -
виденный тысячу раз -
на скромной табличке: "Дом Анны Франк".

Позже мне сказал мой товарищ: память
об Анне Франк не должна быть
привилегированной памятью. Столько
пало от голода,
не успев написать об этом.
Правильно она написала.
Но у любого моста, вдоль любого канала
я продолжал искать этот дом, не находя,
находя его постоянно.
Этим неповторим и непостижим Амстердам
в трех-четырех своих изменяющихся деталях,
растворяемых в стольких повторяющихся сочетаньях,
в северной гамме своих трех-четырех цветов,
город, который упрочивает свою территорию,
душа, светящаяся устойчивым чистым светом
на тысячах лиц, тут и там, повсеместно
завязь, росток Анны Франк.
Этим над своими каналами высок Амстердам.

Джованни ДЖУДИЧИ (род. 1924)

АВТОСТОП

Витторио Серени

Вскоре, после поворота
на автостраду, что ведет из Флоренции в Болонью,
минуя Кастильоне-де-Пеполи,
Марцаботто,
он поднял руку. НЕТ,

я про себя ответил машинально.
Правда, тут же:
кто поручится, что со временем на его месте
не окажется один из его сорванцов? -
подумал я, на тормоз нажимая.
Он сел в машину с почтительной улыбкой, не зная моих
сомнений, - настолько юный, что моментально
я передумал спрашивать, сколько ему.
Немец, отметил я фатально.
Sprechen Sie Deutsch?
Я все буквально
давным-давно забыл, да я и знал немного.
К тому же незачем болтать с тем,
кого должно ненавидеть,
я убеждал себя, подумай о погибших в этих горах...
И все-таки, что это немец, ты не мог не видеть.
Do you speak English?
Да, конечно, не могу же
я вышвырнуть его теперь, в том-то и дело,
что парень ни при чем, и хватит мучиться:
спросить, в каком он городе живет, где учится.
И все же не понять, что это немец, невозможно.
Любой бы распознал его по запаху издалека.
Он говорил о Дортмунде, отец - железнодорожник.
Сын одного из тех наверняка.
Совсем другое дело, окажись он сыном Шуппа.
Obergefreiter*, телеграфист:
В Дортмунде, дома, он мне сказал однажды
(нестроевой из-за плохого зренья), -
жена и мальчуган... Как, неужели этот турист?..
Но двадцать два сейчас должно быть сыну Шуппа,
рискнувшего признаться мне: все кончено, любезный друг.
Wasser, Brot, spazieren, kein zurück,

---

* Обер-ефрейтер (*нем.*)

vor der Kaserne bei dem grossen Tor* - не все,
по правде говоря, забыто.
Raus !** - орали те, - и стук
прикладов: запираться бесполезно.

Чем объяснить, что все они сегодня так любезны?

А я участвовал в параде в честь Гитлера, сказал я вдруг.

В ответ на это имя он не повел и ухом, -
наверное, я произнес его без должного придыхания.
Гитлер, Геринг - don't you understand?***
Ах да, невинным смехом засмеялись его глаза:
тот, что часами говорил, и тот, что с брюхом?

Мне следовало думать о погибших в этих горах.
Мне следовало дать ему понять, что никакие сроки...
- Болонья,
с облегченьем оповестил я милого вандала.
Ну что же, с глаз долой и ненависть из сердца вон.
- Прощай, куда ты, стой, машины пропусти сначала.

Так я прощал ему их старые пороки.

РАСОВЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Рыжеватый, несколько тучный, белолицый,
с наружностью вроде бы чужака,
с тремя волосинками на подбородке -
господин, облаченный в черное,
на моторной лодке.

"С этого не соскрести ярлыка", -
хихикнул в чиновничей компании
самый шустрый, и остальные, наверняка
спокойные за свое арийское происхожденье,
подняли глаза, обратили внимание.

Они не раздумывая заключали пари:
можно ли еврея узнать по внешности.

---

* Вода, хлеб, гулять, ни с места, перед казармой у больших ворот (*нем.*) - набор слов из лексикона оккупантов в сочетании со строчкой солдатской песни "Лили Марлен", популярной в гитлеровской армии.

** Выходи! (*нем.*)

*** Не понимаете? (*англ.*)

Что ни говори, а наукой времени как пренебречь?
Но тогда о пасторе или священнике
в отпуске шла, очевидно, речь.

Человек в такую жару в подобном наряде,
в широкополой фетровой шляпе, предмет спора,
отличался в некотором отношении
агнец, заяц из папье-маше,
на которого спущена свора.

Пер. с итальянского Евгения Солоновича

Райнер Мария РИЛЬКЕ (1875 - 1926)

МОЛИТВА ЗА БЕЗУМНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Пусть отвернула от вас
жизнь откровенный лик,
все же кто-то сейчас,
может быть, ваш двойник

на свободе, без сна,
молится в эту ночь,
чтобы вам превозмочь
злые свои времена.

Вспомните свой дом,
нежно откиньте прядь.
Вновь на месте пустом
вечно вам начинать.

В сердце пустые дни
темный оставят шрам.
Лишь бы не знать матерям,
что вы совсем одни,

что на пустырь ночной
месяц выходит в срок,
словно ваш дом родной,
замкнут и одинок.

Париж,
зима, 1908 - 1909

***

Вновь и вновь, хоть и местность любви нам известна
и этот скромный погост с печальными именами,
и безмолвная жуткая бездна, в которой другие
исчезли: вновь и вновь мы приходим вдвоем
под тень старых деревьев, и вновь себе место находим
среди трав и цветов, под небом открытым.

***

Ты, зимний лес, таишь в себе отвагу
в разгаре вьюг угадывать весну,

ты разменяешь серебро на влагу,
и зелень набежит на белизну.

И дальше поведут меня дороги,
не ведая откуда и куда,
и там, где глушь стояла на пороге,
нет ни следа.

***

Воды озвучили ширь.
Пьет весна без запинки,
слепо блуждает в траве
и выдыхает свой хмель
устами новых цветов.

День напролет соловьи
утончают свою страсть
и свое превосходство
над трезвостью звезд.

***

Леонии Захарис

Чем полон ты, поэт ?
- Хвалою.
А как перед смертельной мглою,
чем встретишь ты ее?
- Хвалою.
А безымянное, пустое,
С чем обратишься к ним?
- С хвалою.
Меняя лик, самим собою
чем сохранишь себя ?
- Хвалою.
Чем славен ты пред тишиною,
пред бурей грозной и звездою?
- Я лишь тогда чего-то стою,
когда уста полны хвалою.

***

Что за слово : времяпровожденье!
Удержать бы времени поток!
Вам не страшно: в чем итог мгновенья,
в чем конечный бытия итог ?

Замедляет день свой ход у края,
за которым вечер настает:
все течёт к покою, замирая,
все к равнинам клонится с высот -

горы спят, и звезды верховодят;
но и в них - мерцание минут.
Лишь в ночной душе моей находит
все непреходящее приют.

1920

ПРОГУЛКА

Мой взгляд уже сейчас на освещенном
холме, вверху, а путь мой впереди.
Пространство, что неведомо еще нам,
уже ведет нас, (ширится) в груди,

и раскрывает в нас все тише, тише,
чем каждый, сам того не зная, жив;
на наш вопрос ответ приходит свыше...
А мы лишь ветра чувствуем порыв.

Май, 1924

***

Спящие, духи, светила
связаны не до конца;
только ночь их сплотила
умной волей творца.

Словно одной перспективой
всех увлекают сны.
Днем под крышей пугливой
мы никому не нужны.

Ночью только влюбленным

знаки творец подает.
В них, как в пруду бездонном,
зыблется небосвод.

Выпущенная, как птица,
тайна, зревшая в нем,
явственно отразится
в их виденье ночном.

Август, 1924

Пер. с немецкого Вячеслава Куприянова

Дилан ТОМАС (1914 - 1953)

ЗИМНЯЯ ИСТОРИЯ

Эту зимнюю историю
Снежная слепота сумерек переправляет на пароме через озера,
И блуждающие поля фермы в манжете долин,
Скольжение безветрия и танец обнимающих пространство хлопьев,
И бледное дыхание рогатого скота у затихшего крыла мельницы,

И холодное падение звезд,
И запах сена в снегу, и далекую сову.
Очертания в загонах и в замерзшем владении
Держащегося вместе с овцами белого пара фермерских коров.
В реке, текущей среди долин, была рассказана эта повесть.

Однажды, когда состарился мир,
На звезде Иисуса, чистой, как белый хлеб,
Как пища и, как снежные искры, человек кружился
По огненным спиралям, возникавшим у него в голове и в сердце,
Терзавшийся и одинокий в заброшенной церкви.

На поле. И зародившийся тогда
В его огне светящийся остров,
Был окольцован крылатым снегом.
И навозные кучи, белые, точно пряжа или же курица,
Наседки, сидящие на холоде, до тех пор, пока не прозвучит пламя петушиного крика.
Красные гребни на снежной мантии двора, и утренний человек
Спотыкается об их шпоры,
Шевеленье коров, неслышные движенья кошки на охоте за мышами,
Пуховые птицы, в предвкушении корма, неотступно преследующие служанок с посудинами молока,
Невесомых, в своих башмаках на деревянной подошве, под падающем небом,
И все рабочие фермы - за своим белым ремеслом.

Он стоял на коленях, он молился, он плакал,
Шел мелкий снег, и черный земной купол был обозначен в ярком рисунке.
И чаша, и отрезанный ломоть хлеба из танцующей тени,
В бесшумном доме, в быстротечности ночи, на вершине любви,

Покинутый и испуганный.

Он прижимал колени к холодным камням,
И в порыве беды он рыдал, обращаясь к огромному небу.
Его тянуло в муках идти по обнажившимся белым останкам,
Мимо изваяний беговых лошадей покрытого звездами неба,
И стекла утиного пруда, и слепоты одиноких хлевов.

К дому молитв и огня,
Чтобы там раствориться в облаке снежной, безумной любви
И свой белый покой обрести.
Его голое чувство возникло, как рев, и нахлынуло,
Но плывущее небо вниз не отправило звука.

Лишь ветер на полях воды и хлеба шнуровку натянул голодных птиц,
В высокой пшенице и урожае, чувствительном своими языками.
И его невыразимая потребность переплела рожденье и потерю,
Когда ему по холоду и снегу идти пришлось среди долин.

Реки рябили в ночи,
И глушили теченьем своим его необходимость и скрывали ее в своих закрученных спиралях,
Всегда достигнуть центра белого желая,
У младенца в колыбели и на ложе у невесты, вечно искомый,
Лишенным веры и изгнанником свечи.

Свет отдавая, он страдал,
Теряя целиком его в любви и отвергая всю свою необходимость.
Одинокий и голый в поглощении невесты,
Никогда не разрастись ему белым семенем в полях,
Или цветком во время умиранья плоти раскинув ноги.

Прислушайтесь. Как поют менестрели в балладах минувшего.
Соловей,
Прах с умершего дерева летит на частичках его крыльев.
И чары на ветрах смерти его зимней истории.
Голос у лишенной свежести весны.

Разговор пересохшего
Теченья с колокольчиками и затопленьем
Сердечных ударов воды росным перезвоном,
На помолотых листьях и медленно гаснущем блеске.

Церковный приход в снегу. Рты высечены в камне,

Это ветер на струнных инструментах мимо мчался.
Время поет сквозь запутанную смерть падающего снега.
Прислушайтесь,

Это была рука или звук
На древней земле, который скользил непонятной преградой повсюду.
И здесь, на поверхности хлеба, из ее почвы
Она поднялась, словно птица, и засветилась, как рождение невесты.
И птицей она опустилась, и ее душа в снегу и в алой одежде слетела.

Всмотритесь. И движенья танцовщиков
Прошлого, разрастанье зеленого буйного снега при свете луны
Похоже на суету голубей в ликованьи от угрожающего вздутья живота.
Лошади, смерть кентавра обернулась и затопила ливнем из белизны.
Перьевые хвосты на птичьих фермах. Неподвижность дубовых прогулок во имя любви.

Гравюры веток на холме,
Прыжок подобен звукам труб,
Каллиграфия старых листьев из танцующих линий года на камнях переплетением в пучок.

И арфы переборы голосом из водяных брызг в изгибе полей.
Во имя любви, в далекие времена она птицей взлетела.
Всмотритесь.

И бешеные крылья поднялись
Над ее изогнувшейся головой и нежным дрожащим голосом,
Когда, по дому пролетая, она как будто птица восхваляла,
И все следы замедленного торжества паденья
Того, кто оставался на коленях один в манжете из долин.

В умиротворении и в тишине,
Шел мелкий снег, и черный земной купол был обозначен в ярком рисунке,
И небо птиц, украшенное голосом чарующим.
Он поднялся и побежал, точно ветер за вспышкой полета.
Мимо слепых амбаров и хлевов на воздушной ферме.

На полюсах года,

Когда черные птицы умирают как жрецы за скрытою преградой гвалта,
И по холсту из графства дальних гор промчатся.
Под деревьями, имеющими листья, пугалами снега пробежали
И в спешке, по сугробам в чащах проносятся быстрее лани.

Лохмотья и молящиеся на коленях.
Темные холмики и звучанье на оцепеневших озерах.
Все ночи потеряны и бесконечная вата в пробужденьи медлительных хлопьев.
Птица сквозь времена и земли, и племена медлительных хлопьев.
Прислушайтесь и посмотрите туда, где она плывет, как гусыня, общипанная морем.

Небо, птица, невеста,
Облака, потребность рассады из звезд в наслаждении свыше.
Зерновые поля и время умиранья плоти, раскинув ноги,
Небеса, небо, могила, горящая купель.

На древней земле границей его смерти, скользящей повсюду.

И птица опустилась на хлеб белого холма
над чашей фермы,
И озерами, и плывущими полями, и рекой,
Текущей среди долин, где он молился перед последней бедой.
И над домом молитв и огня история закончилась.

Танец уходящего в белом,
Не длиннее зелени и смерти менестрелей.
Пенье прерывается набивкой снежной деревень желаньями,
Которые когда-то создавали фигурки птиц из хлеба сокровенного.
И по стеклу озер пускались в путь, имея форму рыб.

Полет. Обряд постриженья.
Соловья и смерти лошади кентавра.
Вёсны рассекают горный пласт линиями года, сияющими на камнях, до поры возвещенья внизу.
Где разносится ликованье. Время хоронит весеннее опустошенье.
Оно звенит и прыгает вместе с окаменелостями и мокрым перерожденьем.

За птицей с очертаньем ложа.
В хоре крыльев, как будто она умерла или уснула.

На бедрах поглощающей невесты.
Женщина восстала и небеса повели

Птицу, послав ее вниз
Рожденьем на ложе любви у невесты, в смятении
От омута желанья быть центром входа в рай
Кружением бутона мира.
И она поднялась вместе с его цветеньем в своем тающем снегу.

Пер. с английского Марии Берсон

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление. Молитва Франциска АССИЗСКОГО. Пер. Ан. Фридмана — 5

Ефрем БАУХ. Из книги. Предисловие Анатолия Алексина. — 6

Самуил АЛЁШИН. Дело врачей. *Пьеса.* — 24

Марк КОНЯШОВ. Странная Пэри. *Рассказ* — 71

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС. Александр ВАЙНШТЕЙН. Лия АРОНОВИЧ. *Стихи.* — 81

Эли ВИЗЕЛЬ. Иов, или Революционное молчание. Пер. О. Боровой. — 86

Виктория ЧАЛИКОВА. Геноцид - это все мы. — 102

Надежда БАНЧИК. Катастрофа или катастрофы? — 120

Андрей ЛЕРНЕР. Спасенная галактика. — 122

Владимир АБАРИНОВ. Реабилитирован японский Валленберг. — 124

Левон ХАЧАТРЯН. Без названия. Текст и рисунки. — 125

Дмитрий КРАСНОПЕВЦЕВ. Из записок разных лет. — 137

Анна РАПОПОРТ. У истоков хасидизма. Израэль Баал-Шем-Тов. — 144

Владимир МИКУШЕВИЧ. Баал-Шем. *Стихи.* — 156

Маркс ТАРТАКОВСКИЙ. Война Судного дня. Взгляд из Москвы. — 157

Умер Гуэльфо Замбони. — 172

Обращение Ассоциации армянских общин России к Президенту Турецкой Республики Сулейману Демирелю. — 173

Андреа ТОРНИЕЛЛИ. Операция"Сикстинская капелла". Пер. В. Микушевича. — 175

Рафаэл ПАТКАНЯН. Ум и хитрость. Пер. Г. Ахвердян. 178

Екатерина ЧЕРНЯЕВА. Этрог и лулавы. 180

Армяне Албании. Пер. Г. Ахвердян. 184

Сами о себе. 185

Умберто САБА. Эудженио МОНТАЛЕ. Сальваторе КВАЗИМОДО. Витторио СЕРЕНИ. Джованни ДЖУДИЧИ. *Стихи*. Пер. Н. Заболоцкого и Евг. Солоновича. 186

Райнер Мария РИЛЬКЕ. *Стихи*. Пер. В. Куприянова. 195

Дилан ТОМАС. Зимняя история. *Стихи*. Пер. М. Берсон. 199

Редактор В.Варжапетян
Главный художник В.Петров
Обложка художника М.Ибшмана

Формат 84x108 1/32
Бумага офсетная
Тираж 999 экз.

ТОО «Типография ПЭМ»
121471, Москва, Можайское шоссе, д. 25
Заказ № 129

Ной
נח
ט